

СЛОВО СКВОЗЬ ВРЕМЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ
СЕКЦИИ ПРОЗЫ
МОСКОВСКОГО СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ

95
ЛЕТ

К 95-ЛЕТИЮ МСЛ

МОСКВА
2026

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

**Слово сквозь время, 2026: Сборник рассказов. Секции про-
зы.** Московский союз литераторов. — М.: 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-907919-82-2

Дизайн обложки:
Екатерина Ксенофонтова
Логотип: Алексей Миронов

Для писем: 125009, Москва,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются.

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907919-82-2

© Коллектив авторов, текст, 2026
© Екатерина Ксенофонтова, обложка, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
АЛЕКСАНДР КАЧАЛОВ. Принадлежность Бога	7
АЛЕКСАНДР ПАРШУКОВ. Рогатый маньяк	18
АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ. Улыбка младшего лейтенанта	31
АНАТОЛИЙ ДЖАМУРЗАЕВ. Акция	38
АНДРЕЙ ВАГАНОВ. Купание в реликтовом озере ледникового периода	43
АННА САТЖИ. Ирония Ходьбы	49
ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН. Электра	52
НИКОЛАЙ ДАНИЛИН. Мой свет невечерний	68
ВЛАДИМИР ЛАВРОВ. Истребители пали с неба	74
ГЕННАДИЙ ПАНФИЛОВ. Юрьевец. Воспоминания	81
ЕВГЕНИЙ ОБУХОВ. Литературное мастерство	87
ТОМА ТОРРЕС. Над Русской Палестиной	89
ЕКАТЕРИНА КСЕНОФОНТОВА. Возвращение	104
ИГОРЬ КЕЦЕЛЬМАН. Женька	115
ИРИНА КУКЛИНОВА. Сакральный танец любви	126
АЛЕКСАНДР КОЛГАНОВ. Сила Взгляда	137

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДМИЛА ОРАГВЕЛИДЗЕ. Антильский друг	140
МАРИНА СОЛОВЬЕВА. Валенки	145
НАТАЛЬЯ МУРАТОВА. Тихоня	148
НАТАЛЬЯ ФИЛАТОВА. Усы злодея Черномора	153
ОЛЬГА ДОБРИЦИНА. Как выбирать картину!	157
СВЕТЛАНА РАСПОПОВА. Заряжена на удачу	176
СЕРГЕЙ МИРОНОВ. Джулия	181
ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА. Гора Белуха	198
ТАТЬЯНА РАССАНОВА. Шаги в никуда	206
ЮРИЙ ФАТЕЕВ. Гость. Разговор о любви	216

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник рассказов «Слово сквозь время» — это не попытка подвести итог и не стремление дать однозначные ответы. Скорее, это приглашение к разговору.

Авторы этого сборника — представители секции прозы Московского союза литераторов — разные по опыту, по интонации, по взгляду на мир. Но их объединяет одно: желание говорить честно о том, что их действительно волнует.

Здесь нет единой темы или общего сюжета. В этих текстах — память и сегодняшний день, личное и общее, наблюдение и переживание. Тихие истории соседствуют с острыми, почти болезненными; размышления — с живыми, узнаваемыми деталями, подсмотренными в окружающем нас мире.

95-летие Московского союза литераторов — не столько повод оглянуться назад, сколько возможность ощутить масштаб и непрерывность литературной традиции. Это дата, которая объединяет поколения авторов и подтверждает: живое слово продолжает свой путь, находя новые имена и новые смыслы.

Нам важно было сохранить в этом сборнике ощущение живого, продолжающегося диалога. Чтобы читатель мог не только познаться с новыми голосами, но и услышать в них что-то близкое себе.

И в этот юбилейный год мы хотели бы пожелать будущему читателю: пусть в этих страницах найдётся слово, которое откликнется и останется с вами. Слово, которое, пройдя сквозь время, продолжит звучать — уже в вашем собственном внутреннем разговоре.

Координатор проекта Алексей Миронов

Александр КАЧАЛОВ

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ БОГА

Ещё небо трясло звёздной мишурой и тонкий месяц резал жгучую темень, когда по разбитой дороге деревни Мосты задрезжала телега, мгновенно разбудив заспавшихся псов. Цепляясь друг за друга глотками, заголосили они на разные лады, то сплетаясь в хоры, то разлетаясь в разноголосицу. Следом, по тёмным окнам побежали сполохи отдернутых занавесок и невидимых лиц, пытливо зрящих — но не видящих, и оттого мучимых досадой неведения. И в этой внезапной маяте; только сама громыхающая телега да двое сидящих на ней, остались равнодушны к происходящему вокруг, сосредоточив тела на толчках и потряхиваниях. Застывшая за ночь грязь, накрутив вензеля вдоль и поперёк, торчала горбылями, и старая подвода стонала уключинами древесных стыков, вихляясь из стороны в сторону подгулявшей старухой. За деревней стало ровней. Выкатившись на пригорок, дорога нырнула в бок, огибая гнутый рукав старого речного русла. Где-то в стороне укутавшись в ракиту и ольху кружила речка Сож, почти незримая за древесным хламом. Лишь местами выглядывала она наружу призрачным сво-

им телом, уже не скованным льдами, и тогда было видно, как месяц отражаясь в её поверхности множится и дрожит.

В этот год явившись рано, затянулась весна нескончаемой маятой. Днём лизала она почерневший снег, а в ночь коченела, вымораживая лужи и грязь до звона. Следующим днём всё повторялось и закатившись к полудню журчала она ручьями кружась испариной к небу, чтобы к ночи натянуть хрупкую паволоку льда на безмолвные воды.

Правил подводой дед Мирон, пожилой мужик, ставший дедом ввиду замшелого вида и сутулой походки. Ехал он в Еловичи по спешному делу, отчего то и дело понукал лошаде́нку, постёгивая её и пощёлкивая языком. Временами, достав кисет крутил он козью ногу и колдовски дымил в предрассветную синь, охватывая дымом спутницу свою, соседку Татьяну. Ей тоже ехать по делам, и ещё с вечера они договаривались, как поедут и как вернутся. А потому ехали молча, глядя в заколдованное пространство сонными глазами.

Выскочив на мощёный булыжником большак — затряслись больше прежнего. На востоке разлился свет и поплыл на встречу ночному небу и небо просветлев упрятало звёзды, оставив только одну огромную и голубую, на самом краю небосклона.

Приехали на место уже ранним утром, когда ещё не схлынула синь, но глаз уже различает всё до мелочей. Миновали больницу, немецкое кладбище со свежими берёзовыми крестами и спустились по косогору до озера, где у кузницы расстались, договорившись встретиться тут же. Дед Мирон свернул в проулок, а Татьяна; подправив платок и закинув за спину котомку пошла в гору главной дорогой, мимо серых заборов и таких же серых домов, чьи окна смотрели мутью и отчуждением.

Её некрасивое лицо ничего не выражало. Бесконечное утомление лежало глубокими морщинами у рта. Руки, заскорузлые до чёрных трещин на изгибах пальцев, само туловище, рассеявшееся в стороны и уже почти мужицкое, выдавали многое из тяжёлой крестьянской жизни.

Прошла сельхоз комендатуру, большое бревенчатое здание, примыкающее к кирпичной стене бывших конюшен графа Салтыкова. Сам особняк виднелся дальше, проступая чередой тёмных окон. Приспособленный под военную комендатуру он послушно держал над

входом два красных флага, где в белых кругах топорщилась свастика. За зданием начинался старый парк, вытягивая в небо колоннаду почтенных лип. В самом посёлке насаждений почти не было, за исключением чахлых кустов сирени и нескольких больных берёз, торчащих вдалеке из-за чернеющих крыш.

Ей никто не встречался, всё казался мёртвым, хотя окончательно рассвело и комендантский час прошёл. Только печные трубы выдавали присутствие людей, струясь в небо сизыми струями дыма. Это безлюдье вызывало в женщине смутное опасение. Татьяна торопила ноги, то и дело поправляя платок и испугано поглядывая по сторонам.

Миновала полицейский участок, и обугленные руины сгоревшей трикотажной фабрики. Фабрика сгорела не вся, лишившись только крыши, угрюмо топорщась теперь дырами дверных проёмов и окон, пряча внутри упавшие с потолка, обгоревшие балки, осыпавшуюся штукатурку и серую дранку, отвалившуюся от стен.

Вот и нужный ей переулок. Свернув, с облегчением вздохнула.

Дом золовки Насти, как и все другие крытый щепой тёмный от дождей и солнца. За тонкими занавесками отсвет растопленной печи. Стукнувшись в двери расслышала суету в прихожей.

— Кто? — Спросил голос.

— Я это, Татьяна, из Мостов.

— А... — Промолвили за дверью и отворили.

В темени, едва подсвеченные сполохами из печи, они пили чай с брусничником и говорили так тихо, что невозможно разобрать. Ближе к золовке на столе кусочек сала, десяток яиц, гостинец. Чуть позже, прервав беседу, Настя полезла в деревянный стол и пошарив на ощупь, вытащила оттуда холщовый мешок. Развязав тесёмки, сунула родственнице под нос:

— Вот смотри, льняное семя, еле нашла!

— Спасибо тебе, ой спасибо, касатка, — шепотком загудела Татьяна, — Совсем телёнок умирает, весь поносом изошёл. Смотреть тошно, маленький совсем... Теперь уж выправлю. На льняном-то отваре быстро пойдёт.

Голоса снова стихли, но потому как Настя показывала рукой на полати, завешенные цветастой кисеёй было ясно, что там кто-то есть.

Допив чай и сунув мешок в суму Татьяна засобиравалась.

— Ну вот, — расстроилась Настя, построив на худом лице недоумение, — Детей и не посмотришь. — И тут же рассмеялась. — Жрать нечего, а растут. Даже удивительно.

— Нет, нет, никак не могу, — затарахтела, поспешая Татьяна. — Я ведь с Мироном на подводе. Ему туда, да обратно, ещё заругает...в другой раз посмотрю...Поцелуй их за меня... Дел неупрочот, сама знаешь, жизнь моя вдовья. — И тут же переспросила, вываливаясь за дверь: — От брата что известно?

— А что может быть известно, ежели мы в оккупации.

— Понятно.

С тем и разошлись.

Уж на прощание, из дверной щели, Настя вдруг затараторила, выкатив страшно глаза:

— Позапрошлой ночью евреев стреляли. Согнали из гетто в ров за ветлечебницу и из пулемётов били. Так страшно, так страшно... Под самое утро затрещали, затрещали, что думать не знаю. Детей потащила в подпол, а они спростонья не поймут, плачут — ужас!

— Не пугай ты меня! — Откликнулась Татьяна, махнув на прощание рукой и уж больше не оборачиваясь пошла обратной дорогой. За спиной звякнув засовом заперлась дверь.

Народу не прибавилось; только собака, лакавшая из лужи, завидев её стремительно нырнула в щель забора, откуда и твякнула нехотя пару раз. Сизая дымка, лохмотьями тянулась к небу, согретая тёплым дыханием.

Поравнявшись с горелой фабрикой почувствовала необходимость сходить в туалет и сунулась в покосившиеся двери, ругая себя за то, что не сходила у золовки. Впрочем, справилась быстро. Поправив одежды собралась наружу, да замешкалась оглядывая стены.

В одном из горелых углов она явно различила человеческую фигуру, но не испугалась. Фигура была детской. Подойдя ближе, разглядела тонкое лицо, карие навывкате глаза и кудрявые волосы, выбившиеся из-под старенькой шапки. Мальчишке было лет десять.

— Ты что здесь? — Спросила она, задумчиво оглядывая подростка с ног до головы, словно выискивая на его поверхности тайные знаки.

— Я тётенька ничего, я вот палочки собигаю.

— Зачем тебе палочки?

— Так, хотел костегот газвести, поггетсья.

Она посмотрела на его руку, прижимающую к телу охапку щепот, и потянула её в сторону. Щепки посыпались.

— Не надо тебе костерот, пойдём... — Сказала она, о чём-то усиленно размышляя, взяв его за руку и выбираясь наружу. Он покорно пошёл рядом, стараясь не отставать, отчего шаг его часто прерывался неверной синкопой, и он временами подскакивал, навёрстывая неминуемое запаздывание. На крыльце комендатуры, прислонившись к косяку курил полицейский. Лицо его, измятое неудобным сном на казённой лавке, смотрело недружелюбно. Дежурство подходило концу, и он в нетерпении ждал, когда минет последний час.

— Тебе чего? — Недовольно спросил он подошедшую Татьяну.

— Вот видишь, привела. — Показала она на ребёнка.

— Что привела. — Не понял он.

— А что не видишь, что ли, — ехидно осклабилась она. — Жиденька привела. Нашла вот на фабрике и привела.

— А! Да, да, вижу. — Лениво откликнулся полицейский, затягиваясь сигаретой и шурясь от едкого дыма. Бросив в сторону окурот, он нехотя протянул руку: — Ну давай сюда.

— Куда — сюда! Шустрый, как я посмотрю! — Она потянула мальчика, и он спрятался у неё за спиной. — Нет дружок, ты не хватай, ты меня по полной форме, ты мне начальника представь. Первые капли упали с крыши, вбиваясь в мёрзлую ещё землю. Серый лёд, утратив былую сухость, поплыл разводами как влажный глаз огромного животного.

— А ты патриотка, я посмотрю, — иронично произнёс полицейский, открывая дверь и кивком приглашая внутрь. Она вошла, как рачительная мать пропускающая ребёнка вперёд и поспешно ступая следом, словно боясь утратить сокровище.

— Это что такое? — Спросил начальник полиции Шеванда Сергей Петрович, маленький человек с острой бородкой и круглыми очками. Зрение он повредил на службе счетовода в строительной артели. С тех пор как пришли немцы, жизнь его коренным образом изменилась к лучшему. Потёртую кацавейку сменил хороший костюм, поверх которого была накинута белая дублёнка. В данный момент он писал бумагу и был недоволен неожиданным шумом.

— Чёрт знает-что; Сергей Петрович, гром баба, смотрите сами, требует начальства.

— И, что? — Шеванда закивал головой навстречу женщине. — Быстро, мне некогда. — Его пальцы в нетерпении затарахтели по столу.

— Вот господин начальник, привела вам... — заговорила она несмело, положив руки мальчику на плечи. — Сами видите, жидёнок. — Суетливые глаза её торопливо побежали по тёсаным бревнам стен, по шинелям, висящим на гвоздях, по любопытным лицам полицейских, по стопке винтовок в дальнем углу, по окнам с усохшим кустом герани и грязными занавесками. Засмотревшись, она кажется не расслышала начала сказанного ей Шевандой, ухватив лишь хвост его слов.

— ...А, ну, это правильно, гражданка, как вас там, не знаю.

— Я Плоткина Татьяна из Мостов. — Торопливо подхватила она. — К золовке приезжала... и обратно шла. Смотрю мальчишка в горелой фабрике шатается... подошла ближе — жидёнок, юда, щепки собирает. Спросила, говорит погреться. Я его за руку и сюда...

Окончательно утратив связь с бумагой, Шеванда поднял своё мелкое лицо и стал в официальной форме выражать ей благодарность за сотрудничество с великой Германией. Говорил он поспешно и скомканно, сбиваясь в словах. Но всё же кое-как поблагодарил, с трудом подбирая формальные фразы. И тут же начал прощаться, считая вопрос исчерпанным.

— Шевцов, возьми мальчонку, пусть пока в кладовке посидит. — Сказал он одному из подчинённых.

Худой парень с серым лицом, встал с лавки, и направился к ребёнку.

— Нет дорогие мои, так дело не пойдёт, — взвизгнула, ошалевшая вдруг Плоткина, затаскивая мальчика за спину. — Я так не согласна. Я можно сказать от этих евреев жизни не имела, так как они всю мою жизнь искалечили, прошу за этого жидёнка что-либо из их барахла.

— И что? — Спросил Шеванда с удивлением.

— А ничего... — Она решительно выкатила глаза: — Прошу за этого жидёнка что-либо из их барахла. Не гляди, не дура. Слышала про ваши склады. А я так сказать, к новой власти с полным пониманием, теперь у нас в деревне и лошадка на три двора и пашенка своя. Так

что мы грамотные. — Её бывшая робость окончательно ушла, теперь она чувствовала себя на равных и ничего не боялась.

— Вот ты как, однако. — Изумился Шеванда вглядываясь в её лицо, — Губа не дура. Ладно, иди сюда. — Он подал ей бумагу и подвинул стул. Вот, пиши бумагу. Без бумаги, милая моя патриотка, у нас ничего не дают. Немцы люди пунктуальные. Да не трясись ты над ним, не утащим твой актив, садись.

Ей стали диктовать. Кривыми буквами, трёхлетнего образования, она вывела следующее:

Я гр. Плоткина Татьяна Герасимовна, 1891 года рождения, жительница деревни Мосты Еловичского района, прошу у немецких властей предоставить мне некоторую часть из еврейского имущества, как пострадавшей от жидовско-коммунистической власти. 17 марта 1943 года. Далее, подпись-закорючка.

— Ну что коммерсантка пойдём в склады, на еврейские богатства. — Сказал начальник, перечитав с улыбкой написанное и вытаскивая из стола связку ключей. — Да отпусти ты его теперь, — выдрал он мальчонку из её рук и передавая его подчинённому. — Сдурела совсем баба! Вот фрукт на нашу голову. Дел у нас больше нету, чем с тобой тут ляссы точить!

На заднем дворе, бревенчатый сарай. Рядом две дрянные лошадки, запряжённые в худые сани. Соломы на снях нет и все они в красных кровавых пятнах. Лоскут серого драпа пристыл к деревяшке. То и дело склоняя головы животные хватают из-под ног брошенное им сено.

— Сколько говорю, помыть, помыть дровни! Скоты, а не люди, с кем я работаю! — Заорал Шеванда, тыча пальцем.

— Так что ж, — ответил ему кто то, — И третьего дня мыли, а потом из Захарьина привезли на отделку. Не угадаешь.

— Ну да, правда, работёнки привалило. — Отозвался, успокоившись Шеванда, отворяя замок и широко распахивая ворота. Свет хлынул внутрь глухого помещения.

Всё пространство было заставлено сельхозинвентарём. Висели хомуты, конская упряжь, виднелись бороны и плуги. Штабелями на

ёмких ящиках лежали топоры, топорщица, лопаты, грабли, вилы и всё что только имеет отношение к сельхоз работам.

— Ты, как я понимаю, своим ходом, гражданка Плоткина, вот и бери, что унесёшь, это я тебе позволяю со всей ответственностью.

— А что ж это, засомневалась Татьяна, я так думала из вещей. Пальто, платки, ну посуда бы ещё. А тут....

Широко улыбаясь паскудной улыбкой, Шеванда разведя руки съязвил:

— Чем богаты сударыня, тем и рады. Пеняли на наши закрома, так и извольте. — Он сделал услужливый жест, народ засмеялся.

Недовольная, она всё же шагнула глубже и после минутного размышления выбрала два топора, трое граблей и вилы. Выбранные вещи не давались. Неловко топорщась вываливалась из рук. Устав бороться она схватила всё в охапку и кое-как выбралась наружу.

— Бой баба! — Заржали, полицейские. — Все они теперь вышли во двор, их оказалось семь человек. Как назло, на улице она поскользнулась, и хотя сама не упала, но выронив из рук свою добычу, тут же бросилась её подбирать под всеобщее ликование.

— Дайте бабе верёвку, чтоб не мучилась, — иронично произнёс начальник, смеясь вместе со всеми, а затем добавил тихо, обращаясь к кому-то из подчинённых — Жидёнка ведите, чего канителить, не вести ж его парадом. — Он сразу посерьёзней и как-то нехорошо поморщился.

Принесли верёвку и даже помогли увязать вилы с граблями, топоры приторочили отдельно.

Увлечённая процессом Татьяна не заметила, что мальчика вывели на улицу, и он стоит бессмысленно, глядя по сторонам огромными, усталыми глазами. А когда наконец встретилась с ним взглядом, вся скукожилась и заторопилась, словно осознав значимость его теперешнего присутствия. Неловко обхватив добычу, и больше ничего не говоря, поспешила в калитку, под смех и улюлюканье весёлых полицейских, чьё однообразие и скуку она только что развеяла.

Как ей показалось, это случилось сразу. Но только показалось как всегда кажется если хочешь, что бы нечто произошло несколько позднее. Но на самом деле, она отошла на приличное расстояние, когда

хлопнул выстрел, от которого, вздрогнув всем телом она побежала; неуклюжая, растопыренная барахлом и ещё чем-то другим — неподдающемуся объяснению.

— Господи боже мой, царица небесная. Это же не люди, не люди, не люди... Это же людоеды.

Она продолжала бежать, вычитывая себе молитвы и слова. Немногие встречные оборачивали серые лица и долго смотрели ей в след, а потом качали головой, приняв за сумасшедшую.

Дед МIRON уже был на месте.

Заметив с пригорка знакомую подводку, женщина зашагала ровно, стараясь так же ровно и дышать. Но долгий бег расплавил её тело и щёки, два красных кирпича пылали жаром.

— Заждался поди? — Спросила она, сложив поклажу на телегу и поправляя сбившийся платок. Вытащив из кармана чистую тряпицу, вытерла вспотевшее лицо.

— Так с бабой если свяжешься, пиши пропало, — Ответил тот и тут же кивнул на вещи: — Ты смотри, новёхонькие. Кто дал?

— А не важно, дали и дали, — Окрысилась она и вдруг закричала: — Знай своё, не суй нос в чужие дела.

— Что-то ты, как будто не в себе соседка, белены что ли объелась. — Осерчал дед МIRON. — Мне знаешь, твои концерты ни к чему.

— Ладно, ладно Сергеич, не сердись, с золовкой я поругалась. — Извинилась Татьяна и заплакала.

— Ну что ж, понятно, не в духе. Поехали. — Молвил он, садясь на телегу и продолжая себе под нос: — Поди разбери, что у кого творится.

Тронулись в обратный путь и вновь впали в забытие пришибленные дрыганьем колёс, и собственными мыслями.

Заехав за посёлок, молчание нарушил МIRON.

— Слыхала новость, позавчера и третьего дня во рву евреев стреляли. — Татьяна не откликнулась, а дед продолжил. — Своих, местечковых быют, и из деревень везут. В Захарьино, целый колхоз еврейский, всех подчистую. Вот так дела, не приведи господь! Ведь ладно бы мужиков, а то детей с бабами с пулемётов лупят. — Прикурив козью ножку МIRON продолжил: — Знакомая мне говорила, пошла

смотреть, да только один раз и глянула издали в тот ров. Как снопы говорит лежат дети и бабы, старики по всей площади. Видно разбегаются, а их стреляют. Плохо ей стало, шла назад по улице и рвало её до желудочных коликов.

Татьяна, окаменев тяжёлым своим лицом продолжила молчание. Дед не унимался:

— Ну сама знаешь кому как. Кому война, кому мать родна. Их Козловки девки в ров тот теперь бегают, вещи с расстрелянных снимают, отстирывают и ... — Он поперхнулся и плюнул в сторону. — Это ж не люди, я тебе скажу, это шваль. Если уж кого стрелять, так вот таких и надо бы.

Лицо женщины вдруг перекосилась, она закричала прямо ему в лицо и ветер разнёс её голос далеко по округе.

— Что ты старый, ратуешь за жидов, рехнулся на старости лет. От них всё самое плохое, самое гадкое. Вот, — щёлкнула она пальцами. — На грош их не жалею!

— Дура ты дура Танька. Не пеняй на зеркало что рожа крива. Нашла крайних. Тебе-то что они сделали, а?

— Они Иисуса Христа предали на смерть и апостолов мучили, они враги наши.

Дед остановил лошадь и повернул к женщине лицо.

— Так Иисус Христос сам евреем был и апостолы его, тоже евреи. — Наступила долгая пауза. Выпучив глаза, она устремилась ему навстречу изумлённая и красная в припадке ярости. Наконец её прорвало:

— Сдурел совсем, рехнулся на старости лет, Иисуса Христа в жида зачислил, ополоумел! — Вся она задрожала в яростном нетерпении, ошалевшая от услышанной крамолы.

— Ты что, кидаешься! Смотри вот, не балуй, а то хлыстом... — Он затряс плёткой над головой, не менее чем она озверевший от такого невежества. — Читать дура надо святое писание, там всё написано. Сказано, из колена Давидова, самого что ни на есть главного еврейского корня спаситель наш.

Врёшь, врёшь, всё врёшь... Не мог он быть жидом, не мог. Он наш, понимаешь ты, он наш!.. — Она заревела белугой раззявив огромный рот.

— Ага, — заржал озверело дед Мирон, хлестнув лошадь кнутом, — Воронежский мужик Иисус твой! — Он зашёлся долгим смехом, а она за всю дорогу уже не произнесла ни слова.

Скрипела телега, лошадёнка трепалась гривой волочась в пространство. Сизое небо грело поля и последний чёрный снег таял, сбегая ручьями в ложбины. Весна. К скрипу расхлябанной телеги и к стуку колёс прибилося звяканье черенков. В дребезжании их слышалось разное; и человечье нескончаемое скудоумие, и тусклый звон серебрянников, брошенных с неба в чьи-то алчные руки, и преданная смерти невинность. Всё как всегда, ничего нового.

23.10.15 г. Москва

Александр ПАРШУКОВ

РОГАТЫЙ МАНЬЯК

Хозяйство у Прохора немалое: и сад, и огород в наличии, пасека на две дюжины ульев, карповый пруд, ну и, конечно, скотинка всякая. По нынешним меркам приусадебных вотчин, скотный двор уж даже богатый у мужика, прямо целый зоопарк! Одних только птичек столько видов, что не пересчитать: гуси-утки, куры с петухами, индюшки с индюками, цесарки там всякие, не говоря уж о такой мелочи, как перепела и куропатки. Ходят слухи, что Прохор для полного счастья вознамерился завести ещё страусов и павлинов, а что? С него станется! Не удивлюсь, если увижу у него летом пингвинов на искусственной льдине и жар-птицу в клетке, вместо канарейки. В общем, настоящий фанатик сельского уклада, не зря завистники за глаза величают его чокнутым фермером. Однако есть у Прохора и предмет особой гордости: ко всеобщему удивлению, это — страсть к элитному овцеводству, следуя которой он завёл на своей ферме целую отару. Вот уж не самый традиционный промысел для средней полосы России! С какого рожна засела у него такая блажь, никто не понимал, да и он сам никогда даже и не пытался объяснить.

Друзья-односельчане поначалу прикалывались; дескать, когда на шашлык пригласишь? Но ответный свирепый взгляд Прохора заставлял прикусить язык, сама мысль поедать своих кучерявых подопечных казалась ему чуть ли не святотатством. Считал ли он их прямыми потомками агнцев божьих? Возможно, хотя приверженностью к истовой вере и особой праведностью не отличался. Постепенно все свыклись с его странностью, а укоренившееся прозвище — Прошка-чабан, куда нисколько не смущало. Особо умильные чувства вызывают у Прохора, конечно же, маленькие ягнята. К ним он относится, пожалуй, снисходительней и ласковей, чем к собственным детям, но надо же было судьбе уготовить для рачительного хозяина столь каверзное испытание?! Впрочем, не будем забегать вперёд.

В те, не столь отдалённые времена, когда Прохор ещё только продумывал своё овечье заделье, его главная мысль была о будущем естественном пополнении поголовья, ведь планировалось довести отару, как минимум, до полусотни голов. Порода новоявленным овцеводом была выбрана особенная — тонкорунные мериносы. В наших краях о таких диковинах мало кто и слыхивал, ну понятно: здесь не Австралия или Новая Зеландия, и даже не Южные Альпы. Местные лохматушки изысканностью пород не отличаются, бегают себе этаким ком спутанной шерсти со вбуравившимися репьями, потенциальный люля-кебаб в тулупе, и никому из владельцев в голову не придёт его холить и лелеять. Но Прохоровские овечки изначально наделены вип-статусом: мытые в шампунях, чёсанные частым гребнем, неспроста лучшие представители поголовья уже стали победителями нескольких агроконкурсов. Однако друзья, мы немного отвлеклись от главной темы, то бишь, простите, размножения.

Производителей Прохор подобрал именитых, кровных «бабок» не пожалел и надо признать, чистопородные: две ярки и баран (о нём будет особый разговор) в итоге оправдали все ожидания. Не прошло и четырёх лет, а мини-отара, кроме них, насчитывала уже пять плодных мамаш, около трёх десятков почти взрослого молодняка и немалое число казнокалиберных ягнят, включая новорожденных. Памятуя о своём флотском прошлом (довелось в своё время восемь лет отслужить на Балтийском флоте) Прохор подобрал для родоначальников отары соответствующие клички. Для ярки: Бухта и Волна, а вот для

юного самца, которому явно маячила в будущем приставка «альфа», вполне подошло имя Маяк. На барана-производителя возлагались особые надежды, поэтому новоявленный чабан прочесал весь интернет в поисках подходящей кандидатуры, не раз выезжал куда-то к чёрту на рога для личного ознакомления и наконец выбрал совсем уж подростка, которого и забирать-то ещё было рано.

Бог весть, какие интуитивные критерии оценивал Прохор, но почему-то из реальных в приоритете была... бодливость! Будущий Маяк этому показателю соответствовал с лихвой, бодаться он начал ещё с ягнячьего возраста и так в этой способности преуспел, что бывший хозяин втайне мечтал поскорее от него избавиться. Когда дороженный до искомым параметров баранчик наконец прибыл и готов был присоединиться к уже обжившимся на новом месте самкам, он выглядел куда солидней, чем можно было ожидать для его одиннадцатимесячного возраста. Рога, которые начали расти с пяти месяцев, уже завернулись назад, и их массивные основания закрывали весь лоб, как рыцарский доспех. А уж вес и комплекция настолько опережали возрастные характеристики, что ему можно было дать куда как больше года. Прохор был вне себя от радужных надежд, однако реальность оказалась куда прозаичней и суровей и вскоре поставила овцевода перед весьма жёсткой альтернативой.

Вроде правильные были задумки при выборе будущего предводителя отары: максимальная активность, упорство и натиск, способность постоять за себя и «за други своя», всё так, но... Прохору приходилось сталкиваться с агрессивными, плохо управляемыми питомцами: это и злобный жеребец Тайфун, и неуравновешенный кобель-кавказец Пират, и многие другие. Ко всем он в итоге находил подход, Маяк же не поддавался никакой дрессировке, а тем более уговорам. Начал он с того, что разогнал по разным углам всю живность на Прохоровском подворье. Больше всех досталось непобедимому доселе Пирату, которому не помогли даже страшные зубы; они попросту вязли в пышной шнуровой шерсти, как в перине! Суровый воин несколько раз оказался сбитым с ног и в итоге позорно ретировался. Опомнившийся от этого бесчинства Прохор с великим трудом загнал разбушевавшееся парнокопытное в просторный загон для будущей отары, где тот по инерции ещё долго бодал ограду и массивные двери, ведущие в стойла к самкам.

С того приснопамятного дня идеальный порядок в Прохоровском хозяйстве был основательно порушен. Неуёмность Маяка не знала границ. Приходилось держать его исключительно в загоне, где он постоянно пробовал на прочность добротный деревянный забор. Пробные допуски к самкам приводили только к тому, что баран яростно гонял и их без малейшего проявления любовных наклонностей. А вот жрать в три горла и расти как на дрожжах непутёвому донжуану ничего не мешало! День проходил за днём, не принося изменений и Прохор становился всё мрачнее.

Между тем события разворачивались непредсказуемо и с весьма неожиданными поворотами. Однажды набравший атлетическую форму Маяк протаранил таки ограду из брусьев и толстых досок и вырвался на волю! Ожидать от него мирных действий не приходилось, однако в это время подворье оказалось довольно пустынным и на глаза гладиатору попался только одинокий козёл. Надо сказать, что Прохор содержал небольшое стадо коз, правда не испытывая к ним такого пиитета, как к овечкам, зато в отношении двух имеющихся в наличии козлов были любопытные, но пока секретные планы. Один из них, с которым свела судьба нашего героя, был взрослый, матёрый козлище, с огромными рогами и дворницкой бородой. Увидев пустившегося к нему во всю прыть баранчика и не приняв того всерьёз, он просто наклонил голову, чтобы шутя откинуть нахала, но просчитался. Результат состыковки лбов оказался столь сокрушителен, что козёл опрокинулся на спину, нелепо задрал все четыре копыта! Несчастный бородач с четверть часа провалился в отключке, а когда наконец поднялся на подгибающиеся как варёные макароны ноги, долго недоумённо озирался по сторонам, пытаясь понять, что с ним произошло. Подоспевший ветеринар диагностировал у него изрядное сотрясение козломозга.

Следующий вопиющий случай бараньего хулиганства обошёлся Прохору не только нервотрёпкой, но и весьма кругленькой суммой, которую пришлось выложить, чтобы замять инцидент. Дело было так: отремонтированный и дополнительно усиленный забор успешно сопротивлялся атакам Маяка и несколько дней царило относительное спокойствие, однако недооценивать упорство барана весьма опрометчиво. Расшибать лоб в бесплодных попытках он не стал, а натренированным

прыжком взвился до самого гребня, зацепился, как кот, передними конечностями, подтянул к ним задние и уверенно приземлился с наружной стороны. На беду мимо катил на своём навороченном супербайке сын местного криминального пахана, с которым у Прохора вообще-то были налажены весьма ровные отношения. Зоркие глаза Маяка мгновенно засверкали красными искрами, и с пронзительным басистым: "Бэ-э-э-э" он ринулся в бой. Напрасно седок что есть мочи давил на газ, приёмистость копытного оказалась круче и через пару секунд мотоцикл получил увесистый удар, искорёживший его импортную задницу, байкер же вылетел из седла, как из катапульты! Экипировка спасла его от серьёзных повреждений, но без медицинской помощи всё равно не обошлось. Прохору чудом удалось погасить скандал, подключив все свои связи. Авторитета еле уломали пойти на примирение, но компенсацию он затребовал такую, что провинившейся стороне пришлось повытрясти счета, да ещё и у друзей занять. Передавая пострадавшей стороне объёмистую сумку с деньгами, Прохор только и услышал нехотя выданные слова: «Ладно, живи... пока».

Здесь не хватит места, чтобы описать все бандитские «подвиги» ополоумевшего барана, достаточно упомянуть, что людям пришлось даже уточнить его кличку. Как-то, после очередной выходки, кто-то сказал: «Да какой Маяк, это же просто настоящий Маньяк!» Так и повелось, только хозяин звал его по-прежнему и никак не мог смириться с крахом надежд, всё откладывая решение назревшей проблемы...

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Прохора, стал совсем уж безобразный случай. Утро в тот день выдалось хлопотное: заилилась артезианская скважина (пришлось переключаться на резервную), пришла куча бумаг из банка, а тут ещё Маяк достал в прыжке рогами до электрощитка и снёс его, обесточив половину хозяйства. Не сдержавшись Прохор обложил разрушителя небоскрёбным матом, на что тот и ухом не повёл, но в конце тирады фермер зачем-то обозвал барана козлом! В человеческих понятиях, ну какая, на фиг, разница? Но у замершего на месте Маяка глаза стали наливаться кровью...

Покончив с организацией действий по устранению всех проблем, чуток расслабившийся Прохор стоял на краю оврага, заросшего крапивой и размышлял, как бы половчей да подешевле его засыпать, а то размывает с каждым годом всё больше и больше... Задумавший-

ся владелец хозяйства успел услышать сзади частый дробный топот, но оглянуться уже не успел. От полученного в крестцовую область мощного толчка он кубарем улетел на дно в густые заросли крапивы! (надо отметить, что по случаю жаркой погоды он был в шортах и лёгкой футболке без рукавов). Когда очухавшийся, весь покрытый ссадинами, волдырями и грязью Прохор выбрался наверх, его с торжествующим видом встречал Маяк, губы барана кривились, словно произнося сакраментальную фразу:

— Ну чо, за козла ответил?!

Правда, красующиеся у края оврага две глубоких параллельных борозды свидетельствовали, что в последний момент он всё же притормозил свой фирменный, спринтерский разбег.

Отплевавшись от пыли, Прохор хрипло выдал: Реально Маньяк! Причём садист, благодетеля своего чуть не угодил! Ну ты допрыгался, бешеная скотина...

Ледяной тон хозяина не предвещал ничего хорошего, он круто повернулся и прихрамывая направился к своему дому. Поднявшись на второй этаж, Прохор отпер оружейный сейф, достал охотничий «манлихер», оставшийся от погибшего в Афгане отца, и решительно зашагал к овчарне. Он уже приготовился дать по сотовому команду работникам найти и притащить преступника, и вдруг замер от удивления, увидев того, неподвижно стоящим внутри загона. Как?! Вместо немедленного бегства в поисках новых приключений на свою мохнатую задницу, он вернулся в место, откуда так неистово стремился вырваться! Что же творится в его рогатой башке? Прохору вспомнились споры об интеллектуальных способностях Маяка с друзьями и слова одного из них: Да откуда у него мозги? Он же баран!

Так что же делать? Свидетельств явного психического расстройства животного хоть отбавляй, оставлять его у себя бесполезно и опасно, а продать или подарить кому-то из коллег или в зоопарк абсолютно нечестно, на такую подлянку пойти никак невозможно. Остаётся только одно: Прохор медленно поднял ружьё, прицелился и вздрогнул... Маяк не мигая смотрел на него в упор, прямо в глаза, со стоической решимостью кающегося грешника принять свою участь, какой бы она ни была. Палец стрелка задержался на спусковом крючке... и вдруг, распахнув дверь стойла, с тоненьким бляньем, вперевалочку

выбежали обе ярки. Куда их несёт? На выручку что ли? Да какого хрена такая любовь, он ведь их игнорировал в половом отношении... только тумачи раздавал?! И тут Прохору стало понятно, что и Бухта, и Волна внешне изменились, они обе заметно раздались вширь! Это было явственно видно даже сквозь пышную шерсть. Ну и ну! Оказывается Маяк, даже превратившись в Маньяка, оставался верен своему предназначению, его подруги были на последней стадии беременности! Стрелять хозяин безусловно не стал, он решил дать новый шанс своему съехавшему с катушек питомцу и на этот раз не ошибся.

Разродились обе матки почти одновременно, с разницей в пару дней, обе по тройне (для первородящих в самый раз) и потомство выдали на загляденье! Ликование Прошки-чабана не имело пределов, но была для этого ещё одна причина, чуть ли не более важная. С момента не приведённого в исполнение приговора Маяка словно подменили! Нет, он по натуре остался тем же неистовым Маньяком, да только маниакальность стала направленной в полезное русло. Теперь вся его неуёмная энергия, упорство и целеустремлённость были нацелены исключительно на безопасность и благополучие ягнят и их мам.

Время — штука невероятно переменчивая: оно то тягучее, как смола, то стремительное, как камень выпущенный из пращи. И так, и сяк бывало в контексте далее следовавших событий, но в целом, почти два года относительно терпимой жизни обеспечила эта перемена. От былой психической неуравновешенности и необоснованных агрессий не осталось и следа, Маяк на глазах становился образцовым вожакom формирующейся отары. Свою созидательную отцовскую функцию он продолжал выполнять безупречно, даже с чрезмерным усердием; Бухта и Волна, не зная продыха, постоянно были на сносях. Загон пришлось несколько раз поэтапно расширить; растущему поголовью требовалось всё больше пространства.

Подумывая о неизбежном скором переходе к свободному выпасу (благо пастбищной земли было в избытке), Прохор давно начал готовить традиционных помощников овцевода — двух прекрасно выдрессированных восточно-европейских овчарок. И день такой вскоре настал: гордо подняв рогатую голову и зорко оглядывая окрестности, баран вывел свою многочисленную семью за пределы загона, в котором остались только совсем маленькие ягнята и пара кормящих ма-

терей. Луга, покрытые сочной травой, начинались в каких-то двухстах метрах от загона и простирались куда-то в сторону горизонта. Сопроводив овец до начала пастбища, Прохор коротко свистнул. На свист примчались обе овчарки, умело охватывая стадо с двух сторон и готовые со всем усердием приступить к своим обязанностям, ан не тут то было! Согласование с полевым командиром не предусмотрели, а это ошибка! Замечательные патентованные помощницы были немедленно атакованы с такой яростью, что попытки сопротивления только усугубили ситуацию. С визгом, кувырком покатила одна собака, следом другая, и урок был столь ощутимым, что служебный энтузиазм псов угас как перетлевшая зола. Попытки хозяина образумить буяна ни к чему не привели; рассвирепевший вождь кучерявых был непреклонен, даже угроза ружьём не помогла! Всем своим видом Маяк показывал, что в порождённом им племени только он предводитель и не потерпит чужеродных вмешательств! В конце концов смирившийся Прохор проворчал: «Так ты и от волков сам отбиваться будешь? Смотри, в соседнем районе уже рыскают»...

Вроде к слову пришлось, ведь на деле-то опасности не должно быть никакой! По слухам, волкам сделали укорот: часть отстреляли, часть ушла в дальние леса... Но, как говорится, накаркал! Погожий, помнится был денёк, по случаю чего вся овечья братия-сестрия забрела к полудню на опушку смешанного леса, где росли какие-то грибы, которыми овечки любили полакомиться. Маяк вполне успешно совмещал роли и вожака, и пастуха, и охранника, так что хозяин давно махнул рукой на его строптивое неприятие какой-либо помощи в данных вопросах; справляется, и ладно! Так даже проще и выгодней...

Волки появились из глубины леса. Среди деревьев замелькали их серые силуэты и через мгновение пятеро голодных хищников устремились к инстинктивно сбившейся в кучу отаре. Они были уверены в лёгкой добыче и даже не пытались применить какую-нибудь охотничью тактику... Зачем? Одни овцы перед ними и никакой охраны, ну не брать же в расчёт внезапно выросшего прямо на их пути барана, да его же первого и завалим! Однако потенциальная жертва вдруг пропала из виду, вместо неё мелькало светлое пятно с такой молниеносной быстротой, что на нём даже не получалось сфокусировать зрение. Маяк мчался зигзагами навстречу мародёрам, взрывая фонтанами

землю и раздавая удары направо и налево! Волчьи зубы щёлкали вхолостую, не поспевая за его резкими порывистыми движениями, зато рога гладиатора не знали промаха! Потребовались считанные секунды, пока волки, прихрамывая и очумело крутя башками, не разбежались в стороны и не отступили к лесу. Один, самый молодой из стаи, остался неподвижно лежать на истоптанной траве.

Нарастающий надрывный рык заставил волков поспешно скрыться, а к месту боя подлетел на квадроцикле Прохор с ружьём на руле, да только надобности в стрельбе уже не было. Глядя на возбуждённого схваткой вожака, на его всё ещё круто вздымающиеся дыханием бока, хозяин не нашёл, что сказать и лишь потрепал победителя по мохнатой холке. У молодого волка оказалась компрессионная травма позвоночника и он, с видом прибитой собачонки, мог только слабо огрызаться, когда его грузили в подъехавший УАЗик. Серого юнца не стали лишать жизни, подлечив, его по распоряжению Прохора передали в частный зоопарк, где он и поныне здравствует.

Молва широко разнесла историю подвига Маяка, дополнительно приукрасив её живописными подробностями и преувеличениями. Число волков в этих рассказах доходило уже до двух десятков, причем половина из них была уложена замертво, а кличка бойца фигурировала исключительно как Маньяк. Коллеги из разных, даже весьма отдалённых мест, сулили немалые вознаграждения за передачу им секретов дрессировки или просили личных встреч для обмена бараньим опытом, но самым вожделенным вариантом было получение прямого потомства от уникального барана. Напрасные попытки! Прохор отбрыкивался от всех, ссылаясь на дефицит времени, нездоровье главного персонажа, в общем выдумывал что мог, хотя главной причиной была боязнь сглазить. Увы, знаменитый на всю округу фермер слыл весьма суеверным человеком, ещё с флотских времён.

Как известно, в земной грешной жизни идиллия не может длиться вечно, это подтверждает вся история человечества. По-видимому, сверху кто-то решил, что Прохоровское благоденствие излишне затянулось, а может звёзды так сошлись, однако ниспосланное испытание разделило на «до» и «после» жизнь не только образцового фермера и его односельчан, но и большинства жителей всей немалой области! А в житии-бытии народа области присутствовала особая специфика: тут царили местные

законы, установленные отнюдь не законодательными органами. Вроде давненько уж отгремели лихие девяностые, но их отголоски кое где и поныне правят бал. Рецидивист с кликухой «Кречет» прибрал область к рукам ещё со времён криминальной «революции», затем благополучно переквалифицировался в бизнесмена и ещё больше укрепил свою власть, хотя она и стала во многом теневой. Методы-то остались те же! Прикормлены или запуганы были практически все, от полиции до ключевых чиновников областного правительства, включая самого губернатора. Денег Кречету хватало на всё: и на взятки, и на содержание банды отмороzków, в качестве личной преданой ему армии, ещё и на роскошную жизнь с лихвой оставалось... в общем отъявленный негодяй реально хозяйничал в области.

Именно с этим теневым главой Прохору пришлось в не столь давнем прошлом улаживать последствия хулиганского нападения Маяка на байкера — сынка мафиози. Фермер уже и не вспоминал об этом, а уж тем более не задумывался, чем инцидент с таким персонажем может ему аукнуться.

Надо отметить, что пастбища Прохора содержались в идеальном состоянии: всё лишнее выкорчевано, где надо подровнено, а где и покосено при необходимости. Картинка ладшафта просто супер, на загляденье, однако кой-кому и на зависть! Как-то весной в небольшой дубраве, примыкающей к пастбищу, как грибы выросли несколько шикарных сборных барнхаузов. Прохор несколько удивился стройке в Гослесфонде, есть ли разрешение на такие неординарные действия? Особого значения как-то не придал, его собственная земля оформлена как положено, с кадастровым учётом и регистрацией в Росреестре. Но увы, это всё туфта для тех, кто не привык соблюдать закон...

В один из солнечных дней начала лета, по соседству с границей Прохоровской земли, на полях началась бурная деятельность: работала техника, подвозились материалы, деловито сновали туда-сюда люди в униформе. На поле началась установка высокого сетчатого ограждения на тонких мачтах. Охватывая широченное пространство, оно продвигалось всё ближе к пастбищу фермера и наконец бесцеремонно вторглось на его собственность! Ошарашенный такой наглостью, Прохор подъехал к нарушителям, но на возмущение, что он хозяин земли и что это беспредел, был один ответ:

— Отвали, здесь Кречет хозяин всего и это будет его поле для гольфа!

Кровь бросилась в голову законному владельцу и первым порывом было сгонять за ружьём и отстаивать свои права с оружием в руках! Он мигом домчался до дома и уже полез к сейфу, но мозги всё же включились вовремя. Нет, с Кречетом так нельзя, больно уж разные «весовые» категории... Обращаться к местным правоохранителям, как и к местным властям бесполезно, они все повязаны, только хуже сделаешь, и тогда, запершись в кабинете, Прохор взялся за сотовый. Ему было кому позвонить.

В этот день отара паслась на другом пастбище, с противоположной стороны села. Хозяин, опасаясь непредвиденных эксцессов, дал команду работникам препроводить овец с выпаса напрямую в загон и чтобы в первую очередь там оказался именно баран! Но не прошло и часа, как он получил сообщение, которого так боялся: Маяк вырвался! Уже из загона, перескочив ограждение, и случилось это уже минут двадцать назад, просто никак не решались доложить...

Ну, работнички, порадовали! Прохор живо представил, что можно натворить с такими способностями за двадцать минут... бр-р-р, это капец!

А воинственный баран к этому моменту уже сделал всё что мог: галопом подлетев к месту, он повалил и порвал сетки, переломал стойки и протаранил компактный дизель-генератор, после чего тот задымился и заглох. Маяк прекрасно знал границу своего пастбища, но сдержат свой буйный нрав уже не мог и, ворвавшись на сопредельную территорию, повалил два электрических гольфмобиля и гонял пытающихся остановить его людей, пока они не закрылись в барнхауз с криками: «Бешеный, бешеный!»

Расплата за содеянное наступила на следующее утро и для Прохора не было неожиданностью появление вблизи села угрожающе надвигавшейся боевой колонны, хотя для каких-то ведомых только ему расчётов это было явно рановато... Кречет решил сам принять участие в показательной расправе, тем более что его злопамятная натура до сих пор не могла простить прежнего инцидента с тем же виновником. Впереди загребал рифлёными колёсами перекупленный где-то у во-

роватых вояк армейский броневилок с пулемётной турелью, следом вальяжно переваливался по ухабам «майбах» бандитского атамана, несколько крутых джипов с братками завершали процессию. В двухстах метрах от Прохоровской овчарни колонна остановилась. Из последнего джипа вылез бритый мужик в кожанке и вскинул какой-то длинный цилиндрический предмет... Прохор вздрогнул! Это был ручной гранатомёт, направленный точно на овчарню! Но там же все его обожаемые подопечные, и Маяк с ними...

— Стой, сволочь! Не надо!!! — заорал он что есть силы.

Как жаль, что в руках нет ружья, поймал бы мерзавец пулю! Боевик повернул рожу, украшенную гадливой улыбкой, затем ещё раз проверил прицел и положил палец на спуск. Прохору захотелось зажмурить глаза, чтобы не видеть страшную гибель своей воплощённой мечты, но увидел он нечто другое... Что-то похожее на большущий снежный ком вылетело сбоку и преодолев несколько метров по воздуху врезалось в стрелка, впечатав его в дверь джипа, и вылетевшая граната с изменённой траекторией угодила прямо в бандитский броневилок. Взрыв опрокинул железяку набок, мгновенно лишив её грозного вида, а над телом оглушённого гранатомётчика стоял, как символ возмездия, невесть откуда взявшийся Маяк! Запертый на этот раз в помещении, баран сумел вовремя вырваться и оттуда!

— Убейте его! Скорее, дебилы! — срываясь на фальцет, вопил высунувшийся из «майбаха» Кречет.

Но выскочившие из джипов братки замерли, не успев поднять оружие, с обеих сторон колонны, как густой гребень, взметнулись и засверкали воронёные стволы. Это охотники-односельчане Прохора, все как один встали на защиту, даже те, кто по каким-то причинам недолюбливал чудаковатого фермера. Стальная решимость в глазах защитников заставила бандитов срочно попрыгать в машины и дать задний ход; джипы пятились сквозь строй направленных на них ружей, последним, как нашкодивший кот, крался «майбах» главаря. Маяк провожал его взглядом и вдруг глаза его сверкнули; стрелой кинувшись вдогонку, он нанёс сокрушительный удар прямо в наглую морду премиального лимузина. Бампер хрястнул пополам, а из вмятого радиатора закурился пар. Громовой хохот сотряс всю округу:

— Да куда фашистской колыхаге против русского барана! — слышалось из толпы охотников. Металлолом!

Прохор обхватил бойца за косматую шею и от души чмокнул в тёмное пятнышко на лбу у основания рогов:

— Ну что, хватит геройствовать, воин? Уж хотя бы на сегодня! Наше-то дело ведь уже сделано...

Прислушиваясь к доносящемуся со стороны дороги мощному гулу, фермер облегчённо вздохнул:

— Едут! Не подвели ребята!

И, обращаясь к вдруг замершей на месте колонне бандитов, добавил:

— Всё, хана теперь вашему владычеству!

Из-за поворота, отрезая боевикам все возможности бегства, выкатывались: БТР и тройка мощных тентовых грузовиков с эмблемами Росгвардии, за ними уверенно следовал внедорожник Следственного комитета. Маяк стоял неподвижно, но сузившиеся зрачки его светлых глаз вселяли подозрение, что он прекрасно понимает суть происходящего. И вдруг губы его разъехались и вздёрнулись, обнажив крупные белые зубы, а родившийся из глубины груди рокот, скоро перешёл в прерывистое низкое блеянье, больше похожее на кашель. Он встряхивал головой, притоптывал копытами... в общем герой наш откровенно хохотал, можно сказать даже ржал, почти по-лошадиному! Клянусь, не будь я сам свидетель тому, никогда в жизни не поверил бы, что бараны умеют так заразительно смеяться...

Алексей МИРОНОВ

УЛЫБКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА

«Языком» оказался немецкий ефрейтор. Его оглушили, сунули в рот кляп, а потом, бесчувственного, поволокли в тыл. Немца протащили не одну сотню метров, но потом пришлось его успокоить навечно. Случилась беда: Петрович подорвался на пэпээмке. Тут не до «языка»: поскорей бы эвакуировать раненого комвзвода в тыл.

Младший лейтенант Анатолий Миронов лежал неподвижно, уткнувшись лицом в снежную кашу. Разведчики осторожно перевернули раненого на спину и разом охнули. Осколки немецкой противопехотной мины посекали командиру левую ногу, пах и живот.

Леха приложил ухо к груди взводного.

— Дышит? — подал из темноты голос второй разведчик, Николай.

— Дышит, дышит! — Алексей оторвал голову от груди Анатолия. — И перевязать-то нечем! Слушай, может, у немчуры что-нибудь найдется?

«Язык» с перерезанным горлом и с кляпом во рту лежал рядом. Лицо его припорошил снежок. Снег на щеках и на лбу покойника не таял, а накапливался, хороня тело под сугробом.

Ножом Алексей разрезал ремни, опоясывающие скатку, и развернул зеленое немецкое одеяло. Нарезав одеяло на ленты, разведчики распоролли маскхалат раненого и перевязали его ногу до колена.

— Самое главное, кости целы, артерия не задета. А в медсанбате вылечат, там не таких с того света возвращали!

Подпихнув под раненого немецкую плащ-палатку, бойцы в положении лежа усиленно заработали руками и ногами.

Очухавшиеся немцы лупили трассирующими пулями поверх голов ползущих. «Трассеры» роем светлячков уходили в черное январское небо.

От рывков, которыми сопровождалось продвижение самодеятельного санобоза, к Петровичу вернулось сознание. Впрочем, ненадолго: сказала потеря крови. Больше всего пострадала от мины ступня.

Как-то глупо получилось с этой миной: вроде бы ребята из саперного обещали нормальный проход шириною в метр, не меньше, да и вешки поставили. Сам виноват! Не стоило церемониться с этим фрицем, тащить его на себе. Дождались бы, пока он придет в себя, и заставили бы ползти в тыл своим ходом. Но как бы не так! Уж больно крепко Николай приложил врага прикладом. Сколько потом разведчики не шлепали по щекам «языка», стараясь привести того в чувство, — всё без толку. Хлипким оказался!

Пропитавшаяся кровью Петровича плащ-палатка на морозе заиндевела, затвердела и шуршала по снегу, как фанера. Санитарный обоз ускорился. Медленно, но верно разведчики приближались к переднему краю своей линии обороны.

Напряжение, долгое время охватывавшее когтистыми лапами сознание тяжелораненого, вдруг улетучилось, схлынуло, подарив офицеру небывалое ощущение полета и восторга.

Где это он? У речки! С разбегу, задержав дыхание, он ныряет в прохладную глубину затона. В сознании вспыхивает: «Надо проверить раколовку». Раков много, они окружают его, увеличиваясь в размерах, шевеля усами. Но что происходит? Раки торжественно приступают к пиршеству, откусывают кусочек за кусочком от тела купальщика. Крупный рак (несомненно, вождь этой подводной зеленовато-серио-ко-

ричевой банды) напрягся и оторвал-таки солидный кусок, отхватил ступню. Торжествуя, поднял клешню с добычей, вокруг которой зацвели алые разводы.

В покалеченную ногу словно тыкали пылающими пиками. Где-то поблизости должна быть мама...

— Ма-ма!!! Мамочка!!! Спаси меня-я-я-а!!!

Нет, он не кричит. Из пересохшего горла вырывается какой-то птичий клёкот.

Мамы нет, а раки атакуют. Щелкая стальными клешнями, они режут тело на части.

Боль становится еще сильнее. Разве такое возможно? Никто не в силах вынести подобных страданий!

Услышав стоны командира, разведчики прекратили ползти. Тот, что помоложе, достал фляжку с разбавленным спиртом. Приподнял голову младшего лейтенанта. И мелкими порциями, раз за разом, влил в глотку раненого огненную жидкость.

Раки бросились отступать. Нет, это не раки. Вождь раков оказался кипящим на костре котелком. Или не котелком? Кажется, Петрович обжегся. Он замотал головой, отталкивая флягу. И тотчас отключился.

Им, деревенским мальчишкам, взрослые охотно доверяли ночной выпас лошадей. Попоив коней на отмели, ребята оставляли их пастись тут же, на берегу. Лошади — животные умные, им ребячий догляд не нужен. Какое же это было наслаждение: печеная картошечка на углях, посыпанная крупными кристалликами соли, хруст разламывающихся раковых панцирей, за которыми пряталось нежнейшее мясо! Пьянящий запах цветущего клевера прохладными волнами накатывал на собравшихся у костра деревенских мальчишек, а ультрамарин летнего неба на востоке разбавляли робкие краски восходящего солнца.

Счастье кончилось враз. Мать получила похоронку. Петра, ее мужа и отца Толи, завалило на шахте. Надо ехать, забирать тело.

Деньги на дорогу пришлось занимать у богатой соседки. Позднее ей достался их дом. Дом — сказано громко. Обыкновенная деревенская избенка. На скорую руку Петр срубил ее после свадьбы. Помыкавшись

и не найдя работы по душе в родной деревне, он рискнул и отправился на угольные разработки. Там обещали хороший заработок.

Похороны отца Анатолий помнит смутно. Вот фигура матери. Женщина в черном сурово поджимает сухие губы. Гроб, обтянутый кумачом. Председатель колхоза произносит речь. На сороковой день — поминки.

И вот Толя и мать едут на телеге, запряженной деревенской Мартой. Путь их лежит до ближайшей железнодорожной станции.

В деревне, перед отъездом, держа поводья, местный механизатор Иван Кузьмич уговаривал молодую вдову:

— Смотри, Мария, может, все-таки останешься? Петра не вернуть, а мальчика твоего я усыновлю. Мне работающая хозяйка во как нужна! Да и женщина ты видная, молодая, красивая!

Мария глядела куда-то в пространство невидящим взором. Слова Кузьмича нисколько не трогали ее. Сознание вдовы сжалось, казалось, до внутреннего хруста. Пальцы побелели, как у мертвой.

Как же так произошло с Петенькой? Люди говорили, что деревянные опоры не выдержали, обвалились. Погибли все, кто был в разрезе. Говорили, что люди не мучились: смертушка забрала их сразу.

Она вспомнила большой холщовый мешок, пахнувший хлоркой, с биркой у завязок. Кажется, там были его ноги. Ей посоветовали мешок не открывать, а хоронить покойного в закрытом гробу.

Мария вспоминает, как расписывалась в двух ведомостях. В одной — о получении тела, в другой — о получении вспомоществования. Этих денежек и на гроб едва хватило!

— Стой! Кто идет? Стрелять буду!

— Свои!

— Пароль!

Разведчики называют пароль. Потом объясняют:

— Командир взвода, Петрович, на mine подорвался. В медсанбат эвакуируем.

— Жаль, молодой парнишка!.. Ему бы жить да жить...

— Да ничего, вроде живой. Правда, крови много потерял, пока тащили.

Стараясь не раскачивать плащ-палатку с тяжелораненым, разведчики спустились в траншею. По ходам сообщения добрались до медсанбата.

— Что у вас? — Подполковник медсанчасти вышел разведчикам навстречу, затягиваясь самокруткой. Его халат покрывали бурые пятна. Марлевая повязка закрывала половину докторского лица.

— Осколочное, на пэпэме подорвался!

Подполковник нахмурился. Строгим голосом, не терпящим пререканий, приказал:

— Быстро раненого на носилки! Награды и документы у него заберите.

У дежурного разведчики зарегистрировали тяжелораненого: ФИО, звание, номер части и подразделения. Двое в последний раз взглянули на своего командира.

Солдатики в белых халатах, накинутых поверх бушлатов, подхватили носилки с Петровичем и скрылись в недрах полевого госпиталя.

— Раздеть! Раны промыть! Скажу, когда стол освободится! — Подполковник бросил на бойцов усталый взгляд. — Поторапливайтесь, лейтенант наверняка много крови потерял. Медлить нельзя. Как скажу — сразу на стол.

В помещении госпиталя было жарко. Раны снова напомнили о себе пульсирующей болью. Петрович слышал собственный стон. Едва ворочая распухшим языком, прошелестел:

— Воды, братцы...

Один медбрат, кромсавший ножницами маскхалат и гимнастерку, своего занятия не прервал. За водой сбегал второй.

— Перед операцией много воды нельзя, — объяснил он Петровичу.

Ему смочили влажной марлей губы и влили в рот несколько столовых ложек воды.

Он лежал на операционном столе голый, прикрытый лишь коротенькой простынкой. С ран на животе и в паху смыли запекшуюся кровь, и страшными они не казались. Но вот левая нога... Синюшная, с ядовитой прозеленью, в клочьях кожи, свисавшей с голени, она давала разительный контраст с правой ногой, чистой и белой.

Подполковник прищурился.

— Гангрена! От обморожения? Не имеет значения. Ткани омертвели. Готовьте инструменты, будем ампутировать. Анестезия... Дайте-ка ему стакан разбавленного спирта. Свяжите руки. В рот вставьте палочку, не то зубная эмаль треснет.

Стакан спирта, поднесенный медсестричкой, сделал свое дело.

Запах женских волос, коснувшихся щеки, запах трофейных духов напомнил ему один безумный поступок, за который, ежели вспомнить законы военного времени, его, командира взвода, снайпера, разведчика, награжденного двумя медалями «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги», полагалось бы разжаловать в рядовые и лишить наград, а то и расстрелять...

Прокручивая эту сцену в голове в сотый раз, разведчик задавался вопросом: откуда там взялась фрау с коляской? А в коляске мирно посапывал ребенок...

Не задумываясь, отработанным движением левой руки Петрович зажал немке рот, а правой выхватил НР-40 (нож разведчика), готовясь одним взмахом перерезать ей горло. И тут его привычное движение, доведенное до автоматизма, словно остановило что-то. Мягкость женской кожи, близость тела — вот что.

В следующее мгновение он убрал нож и, будто мальчишка, уткнулся в беззащитный женский затылок, вдыхая пьянящий запах волос. О, именно так пахла учительница немецкого языка в 6-м классе, Амалия Рудольфовна Вагнер!

Однажды, выполняя у школьной доски задание, Толя мелом написал: «Der Bleistift», карандаш по-немецки. Амалия Рудольфовна подошла к нему совсем-совсем близко, потрепала по щеке и радостно проговорила: «Gut! Sehr gut, Anatol!» Он едва не потерял сознание от тембра ее голоса, от прикосновения ее руки, от запаха волос, белоснежной кофточки и кружевного жабо. Пошатываясь, мальчик, как слепой, не глядя по сторонам, вернулся за парту, не слыша смешков одноклассников. Прозвенел звонок. Побросав учебники в портфели, школьники выскочили на перемену.

В коридоре состоялось театральное представление. После урока немецкого каждый мальчишка считал своим долгом подойти к Толе и

потрепать по щеке. А затем заявить с учительской интонацией: «Гут, Анатоль, зер гут!»

Дальше прочих зашел Саня Коношенко. Он тыкал в Толину грудь пальцем, повторяя: «Блядский штифт, блядский штифт, блядский штифт!» И эта нелепая ругань приводила одноклассников в неописуемый восторг.

Однако на типов вроде Сани укорот у Толи имелся. Коротким ударом под дых он заставил обидчика замолчать. Тот согнулся пополам и повалился на пол.

Коляска с ребенком откатилась и остановилась у фонарного столба. Руки снайпера судорожно шарили по женской одежде. Где эти чертovy застёжки, крючки, пуговицы... Мужское естество, соскучившееся за три военных года по женской ласке, воспрянуло с такою силою, что Петрович утратил над собою контроль. Им руководил теперь исключительно инстинкт самца. Разведчик сорвал наконец с немки одежду.

Когда всё между ними кончилось, он попытался собрать остатки затуманенного разума. В этот момент на соседней улице грохнул одиночный выстрел, затем второй. В ответ полоснула автоматная очередь. Это привело военного в чувство.

Он помог женщине одеться, подал разбросанное по тротуару белье. Офицер сгорал от стыда и гордился собой одновременно... Оружие! Петрович поднял брошенный в порыве страсти ППШ и наконец вернул себе облик командира взвода.

Хирургический конвейер в госпитале не останавливался ни на минуту. Ящик от 130 миллиметровых снарядов, служивший контейнером для ампутированных конечностей, был полон с горкой.

Утром, обходя раненых, подполковник медицинской службы задержал взгляд на спящем младшем лейтенанте. На том самом, которому вчера ампутировали ступню. Офицер улыбался во сне.

«Наверное, от наркоза не отошел», — подумал врач.

— Пускай спит, культю позже обработаем, — распорядился подполковник.

30 июня 2018 года, Москва — Тушино

Анатолий ДЖАМУРЗАЕВ

АКЦИЯ

На площадке, перед входом в метро, развернулся маленький стихийный рынок. Кто-то разложился прямо на расстеленную на асфальте газету, кто-то выставил складывающийся столик. Все хотят что-то продать и косятся на выход из подземного перехода, неподалёку, откуда могли появиться патрульные.

С самого края пристроился мужчина в возрасте, среднего роста, худощавый, лицо прямоугольной формы, высокий лоб, густые брови, под седыми, давно не стриженными волосами скрывались оттопыренные уши. Звали его Макар Чудинов. Одет он был скромно, но одежда была чистой и ухоженной, чувствовалась женская рука. Перед ним стояла большая чёрная сумка, полная книг с мягкой обложкой. Одну из них он держал в руках и на ней красовалась его фотография.

Пришёл Чудинов сюда прямо из книжного магазина, куда попытался сдать свои книги, изданные в частном порядке, на реализацию. Там повертели в руках одну из них и вежливо ему отказали, сославшись на тяжёлые времена и отсутствие покупателей. «Тоже мне Ма-

кар Чудра нашёлся, у нас своих Чудиновых ставить некуда» — услышал он, выходя, но не обиделся.

Макар никого не подзывал, просто смотрел на проходящих, чуть прищурившись и пытался улыбаться. Царившую в нём неловкость прервал подбежавший мальчик лет десяти с красивым лицом и одетый во всё новое и нарядное. Он сравнил фотографию на обложке с лицом мужчины и спросил:

— Дяденька, эту книгу вы написали?

— Да я.

— Ничего себе, — взял он одну из лежащих в сумке. — Так вы писатель, что ли?

— Понимающим людям я бы не стал утверждать... Но с другой стороны, написал, значит писатель.

— А как написать книгу?

Макар всмотрелся в лицо мальчика, пытаясь понять его любопытство. Действительно ли ему интересно. Сейчас дети — не дети.

— Лучше спроси, как написать литературное произведение, — сказал он. — Книга состоит из них. Это стихи, романы, рассказы. Объясню тебе по-простому. Значит так. Берёшь немного смысла, можно совсем чуть-чуть...

— Где берёшь? — перебивает его мальчик.

— Ну у всех по-разному, — улыбнулся Макар. — Каждый должен выбрать сам, где его брать. Можно из головы, но особенно можешь не мучаться. Большинство читателей этот смысл не найдут, даже будут уверены, что его там нет. На всякий случай, этот смысл надо разместить ближе к началу, чтобы они не бросили читать раньше, чем до него доберутся. Так вот, берёшь немного смысла, разбавляешь его водой разнообразнейших слов, желательно связанных друг с другом в предложениях, то есть описанием людей, мест, событий и так далее. С запятыми не парься, никогда не поймёшь где их ставить, а где нет. Какой-нибудь корректор все ошибки исправит, за малую денежку. Самая большая проблема — это логичная концовка. Нельзя, чтобы твоё произведение было как будто обрублено топором, и нельзя вместо хвоста приделывать ещё одну голову. Иначе твой читатель за следующее твоё творение даже не возьмётся, разве что ты завлечёшь его

интригующим заголовком. Но на это лучше не надейся, маленький гений, это ещё труднее, чем логическая концовка.

— Пряма как рецепт блюда, — сделал серьёзное лицо “гений”, почесав затылок.

— Точно. Это как кашу рисовую на молоке сварить, желательно с изюмом. Хотя бы одна изюминка да должна быть.

— Юлиан, — слышался женский голос. — Отойти от этого дяди, что ты к нему прилип.

— Мама, этот дядя писатель.

— Всё равно отойди. Ты ему мешаешь.

Чудинов невольно залюбовался матерью мальчика, стоящей в стороне у столика с бижутерией. Она была высокого роста, с изящным телосложением и красивым лицом, не выражающим эмоций, и ухоженными волосами, спадающими до плеч. Одежда, подобранная со вкусом, подчёркивала её фигуру. Ей не было необходимости обнажать или излишне обтягивать какие-либо части тела, чтобы привлечь внимание.

— Мам, давай купим одну книгу, — крикнул мальчик матери.

— И зачем она тебе? — отозвалась она, не смотря.

— Буду читать.

— Твои каникулы уже почти закончились. Ты прочитал то, что сказала учительница литературы.

— Нет ещё.

— Вот тебе и ответ. Пошли.

Женщина прошла мимо, обдав Макара своим парфюмом. Он не стал смотреть на неё сзади, потому что это делали несколько других мужчин, а обратился полусёпотом к будущему создателю бестселлеров:

— Юлиан, не надо покупать, возьми так. Прочтёшь как-нибудь, если не потеряешь.

— А если я стану писателем, я тоже буду свои книги вот так на улице продавать?

— Нет. Зачем? Ты будешь известным. Имя у тебя уже есть. С ним ты обречён на успех. Твои книги будут продаваться в больших книжных магазинах. Народ за ними в очереди будет стоять.

— А почему вы свои сами продаёте?

— Я неизвестный.

— Ты долго там будешь стоять? — окликнула мальчика мать.

— Иду, мама, — ответил он и, спрятав книгу за пазухой, умчался.

Чудинов вспомнил про утренний разговор с женой, которая всегда отрицательно относилась к его творчеству.

— Кто в наше время книги пишет? Наверняка тот, кто с головой не дружит, — сказала она.

— Кто-то пьёт, кто-то бьёт, а я пишу, — ответил Макар.

— Пьёт, значит ревнует, бьёт, значит любит, пишет значит кто?

— Кто?

— Тёмная лошадка.

— Хорошо хоть не осёл.

— Почему ты себе не выбрал какую-нибудь такую, с литературным уклоном? Ты бы ей читал свои рассказы, а она бы восхищалась.

Иди реализовывай свои книги, или я их выкину.

— Про что книга? — вывел Макара из “транса” первый заинтересовавшийся предметом его торговли. Это был старик в плаще и шляпе. Его жиденькая борода шевелилась на ветру.

— Про жизнь и про любовь, — ответил он с лёгким пафосом.

— Автор описывает свою жизнь?

— Нет, — соврал автор. — Герои вымышлены.

— Ну и зачем ты её написал?

— Я и сам себя об этом спрашиваю.

— Сколько?

— Сто рублей.

— А что так дёшево?

— Акция, — придумал с ходу Чудинов.

На самом деле он назвал первую, пришедшую в голову сумму.

Старик заплатил, сунул книгу под мышку и отошёл. Провожая его взглядом, Макар вовремя не заметил, приближающихся полицейских и уйти, как остальные торговцы, не успел.

— Здравствуйте, уважаемый, — обратился к нему лейтенант, приложив руку к козырьку — Эта территория принадлежит муниципалитету и без его разрешения торговля здесь запрещена.

— Я не продаю, — стал оправдываться нарушитель закона, — а раздаю. Это не еда, которой можно отравиться. Экстремизма в этой книге нет. Можете ознакомиться.

— Я не видел, как вы торговали, поэтому не составляю протокол и предлагаю вам уйти с моего участка.

Макар поднял свою сумку и, кивнув в благодарность головой, направился к подземному переходу на другую сторону улицы, раздумывая, как ему поступить с книгами. В переходе, который также служил входом в метро, он, увидев промоутера, безмолвно раздающего проходящим людям бесплатную газету, пришёл к мысли, что ему надо поступить также.

Макар осмелился на короткую презентацию и за полчаса раздал все книги. Вырученную с продажи сторублёвую купюру он вручил, побирающемуся здесь же нищему и пошёл домой.

Жена, открыв ему дверь и заметив в его руках пустую сумку, спросила:

— Ну как дела, Чудинов?

— Ушли в лёт, — ответил он.

— А где моя доля?

— Отдал на благотворительность.

— Больше не пиши.

— Обещать не могу. Писательство — это как игра на музыкальном инструменте. Кто-то виртуоз, а кто-то, в том числе и я, любитель побренчать. Если подсел на это дело, то не бренчать становится труднее, чем быть виртуозом.

Андрей ВАГАНОВ

КУПАНИЕ В РЕЛИКТОВОМ ОЗЕРЕ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Сегодня это называли бы *team building*, сплочение команды. А тогда, в золотом октябре 1980 года, это мероприятие называлось проще — «поездка на шашлыки». Мы, студенты группы ФП-4-78, третьего курса факультета Промышленной теплоэнергетики (ПТЭФ) Московского энергетического института, решили отметить начало нового учебного года на природе. Почему в октябре? Потому что в сентябре занятий не было — студенты подбирали картошку, забытую на подмосковных полях.

Надо сказать, ФП-4-78 была группой своеобразной. Она набиралась только после второго курса. Кто-то перевелся в нее с других факультетов МЭИ, из других групп ПТЭФ; кто-то пришел из других институтов, даже из Московского инженерно-физического института, легендарного МИФИ. В общем, «сборная солянка» из 11 человек. Неслучайно аббревиатура «ПТЭФ» в шутку расшифровывалась «завистниками» с Теплоэнергетического факультета (ТЭФ) как «ПолуТЭФ».

Впрочем, и мы сами вполне с иронией относились к такой интерпретации. Ну, действительно — у кого еще в перспективе в дипломе могла появиться такая запись: «Окончил МЭИ по специальности “Машины и аппараты по кондиционированию воздуха”. Присвоена квалификация инженера-теплофизика, со специализацией в области кондиционирования электрохимических энергоустановок». Только у нас, парней и девчат из ФП-4-78. Парней, кстати, было — четыре человека.

При таких вводных — *team bulding* был просто необходим. С выбором места для «шашлыков» долго не колебались: Купавна, озеро Бисерное — эта локация всплыла как-то сразу и была согласована без промедления единогласно. Конечно, тогда мы не задумывались о геологических прелестях Бисерного: крупное реликтовое ледниковое озеро площадью 0,4 квадратных километра, глубиной до 3,8 метров. Нас очень устраивало, что от железнодорожной станции «Купавна» до этого геологического подмосковного уникала пешком — 5-10 минут.

Накануне было закуплено мясо. Девушки из нашей группы, жившие в общежитии института, приготовили этот полупродукт для изготовления шашлыков, замариновали какими-то невероятно вкусными ингредиентами и поместили все это в бидон. Скоро мы смогли оценить их кулинарные изыски.

Погода была с нами заодно. День в начале октября выдался кристально-солнечным. Встречались утром на платформе «Серп и Молот». 45 минут в электричке, под гитару, под одобрителные взгляды пассажиров — и мы уже разбивали стоянку на берегу реликтового Бисерного.

Продышались, прокашлялись. С шумным аппетитом распаковали, разложили, оприходовали привезенные с собой сухие пайки (помимо шашлыков!): колбаска двух сортов — ливерная и отдельная, лучок зеленый, лучок репчатый, неизменные яйца вкрутую, картошка в мундире, пирожки — с рисом-яйцом-луком, прихваченный легкой чёрствостью хлеб «Бородинский»... Всё — ломтями, всё — крупно! Как сейчас помню, была даже круглая невысокая, как противопехотная мина, банка атлантической селедочки со «ржавчиной» — где-то умудрились достать этот дефицит по тем временам! Ах, как славно вписывалась в эту золотоктябрьскую эклогу пол-литровая «Ржаная»

красавица! И, прицепом к ней — несколько пиратско-пузатых бутылок токайского...

Дурачились, шутили, гитара переходила по кругу — некоторые из нас умели перебирать струны и брать аккорды. Увы, не я! Главным виртуозом шестиструнной в ФП-4-78 был Михаил Гришков. Как раз, тот парень, который перевелся из МИФИ. Умница, остроум. Спаситель наш на семинарах по специальным разделам матанализа (матана) и на практикумах по электротехнике. Эксплуатировали мы его на семинарах, зачетах и экзаменах по полной программе! Впрочем, он не сильно и сопротивлялся, видимо, смирившись с этой своей ролью в группе... Спасибо тебе, Миха!

Кстати, к пятому курсу Михаил и Люба Матвеева из нашей группы поженились. Помнится, на свадьбе у них я произнес тост, в том духе, что студенческие браки самые крепкие, надежные. Так оно и вышло, не сглазил: у Любы и Михаила родился сын. Сейчас живут в Санкт-Петербурге. А насчет статистики — это правда, такая статистика, действительно, есть. Или, по крайней мере, была тогда. И еще одно «кстати»: Люба, как раз, оказалась главной — под ее руководством и ее руками и готовились аппетитные заготовки для шашлыка. В общем, *team bulding*...

Почему-то, с того дня на шашлыках в Купавне запомнилась песенка, которую с большим чувством исполнял Миха:

*«Лают бешено собаки
В затухающую даль.
Я пришёл к вам в чёрном фраке,
Эlegantный, как роаяль.
Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.
Расположен книзу дулом,
Сквозь карман он мог стрелять:
Я стоял и думал, думал:
Убивать — не убивать?
Было холодно и мокро,*

*Жались тени по углам.
Обливали слёзы стекла,
Как герои мелодрам.
И от сырости осенней
Дрожь свою сдержать не мог.
Вы упали на колени
У моих красивых ног.
Выстрел. Дым. Сверкнуло пламя.
Ничего теперь не жаль.
Он лежал к дверям ногами,
Эlegantный, как рояль».*

Вот это — «элегантный, как рояль», — во все одиннадцать молодых глоток подхватывалось с каким-то особым воодушевлением! И вот, совсем недавно, я совершенно случайно, узнал, что автор этого стишка, пошедшего в народ и ставшего песней, гимном ФП-4-78, был Геннадий Шпаликов. И написал он эти строчки еще в 1959 году. Через четыре года, в прокат выйдет фильм «Я шагаю по Москве», который сделает знаменитым Шпаликова — автора сценария...

А в тот октябрьский день олимпийского 1980 года, на берегу реликтового озера Бисерное, в какой-то момент я и балагур Саша Гринюк, русский, кудрявый красавец-богатырь из какой-то русской сказки, загорелись желанием искупаться в Бисерном. Если бы мы знали тогда, что погружаемся в воды, берущие начало еще в ледниковом периоде!.. На берегу нам уже были приготовлены свитера и телогрейки, а также «наркомовские сто граммов»...

Поедание шашлыков и прочей снеди, под смех и шуточки, под расспросы о том — как там, в Бисерном, водичка, — все это продолжилось с энтузиазмом. Был даже чай, заваренный прямо в котелке над костром, с дымком что называется. (*A propos.* С Александром мне довелось еще раз мокнуться в воды другого легендарного северного озера — Ладожского. Самый большой пресноводный водоем в Европе, между прочим... Произошло это почти ровно спустя год после пикника в Купавне. Мы, ФП-4-78, были на производственной практике в Ленинграде, завод «Ленинская искра». И в один из выходных дней на теплоходике отпра-

вились с экскурсией на остров Валаам. Что могу сказать? Ладога — холоднее Бисерного, хотя дело было в середине лета.)

Так уж получилось, что Александр и я были распределены после института в одну организацию — Конструкторское бюро по электрохимии... Работая в разных отделах, мы частенько с ним пересекались, вспоминали наши заплавы. И оба удивлялись — как это нам не свело мышцы ни в Бисерном, ни в Ладоге. Мы даже не подхватили банальный насморк или кашель... Увы, через несколько лет Саши не стало — онкология...

Конечно, в жизни мне довелось быть участником приготовления и поедания немалого количества шашлыков — и на природе, и в специально оборудованных для этого помещениях. И много раз его, — шашлык, — готовили мастера, знавшие толк в этом процессе, со своими ноу-хау. Но в памяти моей остались воспоминания именно о пикнике на берегу озера Бисерное.

Солнце начало заходить над Купавной. Не побоюсь этого слова — счастливые, мы стали сворачиваться. В цивилизацию вернулись благополучно и благодарно, умиротворенно. На следующий день уже началась учеба на «ПолуТЭФе». Слух о пикнике в Купавне, в том числе — о заплыве двух каких-то сумасшедших парней в озере Бисерном, распространился быстро по всему факультету и способствовал формированию позитивного имиджа ФП-4-78. *Team building* в Купавне дал *spinoff*, о котором мы и подозревать не могли.

Тогда, по возвращению из Купавны, мне вдруг почудилось-пригрезилось, что я наконец-то разгадал экзистенциальную загадку. В чем она заключалась? Я и слово-то, «экзистенция», кажется, узнал несколько позже... У замечательного поэта Аркадия Драгомощенко есть такая строчка: «...ибо я человек, и у каждого человека были зубы, мама, будущее». Вот это вот томление духа и прорвалось: а у меня было еще и озеро Бисерное...

Главный герой-рассказчик в знаменитом романе Умберто Эко «Имя розы» считал, что «тайное попустительство обольщениям памяти — глупейшая попытка сбережиться от бега времени и от смерти». Средневековый старик-монах называл это «предосудительною прелестью»... Но, все-таки, — прелестью!

Банальность счастья юности начинаешь ценить спустя многие годы. Не зря говорят: юности не ждут, ее только вспоминают. Впрочем, и это — банальность... Но, как заметил Ремарк: что делает ту или иную вещь банальностью? — Её несомненная истинность. Вот и я, изредка-изредка разбирая и перебирая старый фотоальбом (почти забытый сегодня артефакт и атрибут быта), с фотографическими снимками (меня воротит от слова «фотки»), запечатлевшими тот день на озере Бисерном, в который мне открылась экзистенция, прошел через все стадии, приготовленные мне Мнемосиной: лёгкая грусть, светлая печаль, зелёная тоска... Попытался это состояние зарифмовать, для памяти:

*Штопором
вывернет душу тоска.
Шпроты вынь,
водку на стол поставь.
Сижусь на стуле,
эдакий вопросительный знак?
Сильно сутулюсь,
поясницу сквозняк
поглаживает,
как доярка буренкино вымя.
Поклажа лет растёт.
Старость ей имя.
Такое дело...
И с этим надо смириться.
Справа налево —
всплывают лица!*

Анна САТЖИ

ИРОНИЯ ХОДЬБЫ ИЛИ ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

Со мной приключился пренеприятный случай. Мне не привыкать, я вечно во что-нибудь вляпываюсь. Ну, вот такая я по жизни растяпа. И со временем не дружу, вернее, я хочу с ним подружиться, но оно с завидным постоянством отклоняет мою заявку в друзья. Вечно куда-то спешу и вечно опаздываю. Селяви.

Так произошло и в тот день. Ничто не предвещало беды. Звёзды накануне выпали на небе в лучшем раскладе. Новые светло-сиреневые туфельки были заранее подготовлены на выход. Стильные брюки белого цвета модно облегали стройные ноги. Тело, облачённое в бледно-розовый блузон, благоухало парфюмом от кутюр. Почему-то захотелось облачиться во всё светлое, в том числе и пальто, наверное, в пику грязным снегам уходящих холодов. Настроение было поймано на нужной волне. Мозг приготовился впитать очередную порцию умных выкладок из популярной лекции всемирно известного русского учёного S, на встречу с которым, между прочим, записалась за месяц вперёд! Будучи поклонницей его талантов, я давно следила за успехами своего кумира в информационных полях медиа-пространства.

И вот настает эта дата, о которой так мечталось, а также долгожданный момент моего сногшибательного появления в означенной аудитории. Я заметила, что, как правило, произвожу неизгладимое впечатление своей удивительно лёгкой походкой и необыкновенной причёской из копны рыжих волос на довольно умной головке...

Но ввиду того, что периодически "страдаю" неспособностью ориентирования на местности (в народе называемой «топографическим кретинизмом»), выйдя из подземки, зазевалась, близоруко щурясь на указатель с названием переулка старинного уголка Москвы.

Вот тут-то и поджидал меня анчутка, бесёнок за левым плечом, и поджидал, судя по всему, на дурачка... И я попала по точной его наводке, да не где-нибудь, а в столице, в самом центре города, ни минутой раньше и ни минутой позже – после поливальной машины на заданном судьбой квадрате метров!..

Для такого злосчастного случая почему-то выбор пал именно на меня! Не пронеслась мимо, а прямёхонько угодила... в ещё горячую, вязкую, чёрную гудроновую «заплатку» выправленного «недоразумения» на тротуаре ... на пути к Светлому, Умному, Вечному!

Таким образом, чей-то запрос на ямочный ремонт «поучаствовал» в празднике женской души вместе с городской службой, которая безалаберно не удосужилась поставить упреждающее ограждение для таких разинь, как моя персона. И ведь до меня не сразу дошло, что оживление в переулке связано именно с дорожными работами!

Туфельки а-ля "на выход" были безнадежно испорчены, впрочем, как и низ белых брюк, и вдобавок ко всему, я еле выбралась из этого строительного месива с характерным тяжёлым смолистым запахом...

Мигом была порушена мечта о встрече с кумиром всей моей сорокалетней жизни с перерывом лишь на детство, учёбу в ВУЗе, замужество и беременность. И поскольку по иронии карта судьбы выпала событием в Прощёное воскресенье, то я поймала себя сразу на мысли, что *не могу простить* главного Устроителя тротуарного благополучия! Ну, нет никаких моральных сил от волны внутреннего возмущения, окатившего мой организм! *Пусть он живёт теперь с этим!*

И как тут верить в приметы и знаки, если они отсутствуют? А надо было включать *шестое чувство*, о котором я так жаждала узнать из развёрнутых цитат от учёного S в упущенной теперь его знаменитой

лекции... Брела обратно, негодуя, продолжая диалог с внутренним голосом.

Разгорячённая эмоциями, плюхаюсь на первую попавшуюся скамью на бульваре, чтобы отписаться дочери о постигшем меня фиаско... и вдруг понимаю, что ЭТО ещё не конец! А конец моему бежевому пальто от Армани! Нетрудно догадаться, что она была свежеевыкрашена зелёным цветом в тон наступающей весны. Ветер-хулиган за ночь разметал нежные красно-полосатые ленты, повязанные "крестиком", и, как часто это бывает, – никакой бумажки с пометкой «Ах-тунг!» не было и в помине! В стране, по всей видимости, научились экономить бумагу. А ещё вспомнилась не к месту поговорка о том, что «снаряд дважды в одну воронку не попадает». Но мой случай сегодняшнего дня – явное тому опровержение!

Осознаю теперь в полной мере название бульвара «Страстной» всеми фибрами моего пострадавшего любимого и дорогого пальто! Про краски в душе – они были далеко нелитературного окраса на тот момент...

Меня пробрал гомерический хохот, до слёз, когда озарила такая мысль вдогонку: «Хорошо, что я сейчас не на Патриарших, и здесь точно не ходит трамвай «Аннушка», а то господин Воланд захотел бы поговорить со мной непременно!»

Зови такси и скорей домой! Хватит на сегодня пополнять список *непрощённых...*

Виталий ЕРЁМИН

ЭЛЕКТРА

Лида вышла на балкон полить цветы, и увидела, как из подъехавшего такси вылезает Ильин. Лида схватила коробок спичек, выбежала из квартиры и затолкала спичку в скважину замка соседской двери. Потом начала мыть пол на лестничной площадке руками, без швабры.

Из лифта вышел Ильин с чемоданом на колесах.

— Ой, Андрей Викторович, какая неожиданность! — воскликнула Лида.

— Лидочка, привет! — сказал Ильин. — Только тебя и вижу здесь за этим занятием. А ты что же, прямо руками, не шваброй? Как только не брезгуешь.

— Порядок люблю. А заодно гибкость развиваю.

— А я уж подумал, с гордыней таким способом борешься.

— Ой, Андрей Викторович, это слишком сложно для меня, — замурлыкала Лида. — Но помимо развития гибкости, есть ещё одна причина. Сказать? Я так рада поболтать с вами. Двадцать четыре года вместе живем, в смысле на одной лестничной площадке, а сколько раз вот так? Впервые. Все время куда-то спешите. Всё кого-то анализиру-

ете. Небось, в основном женщин. Мужиков-то что толку анализировать? Они пустоту свою так прячут. Ух!

— Лида, тебе двадцать четыре, а рассуждаешь.

— Как тётка? Ну, обстоятельная я. Много думаю, размышляю, тоже, как и вы, анализирую. И вас в том числе раскладываю по полочкам. А вы и не знаете.

Посмеиваясь, Ильин нажал на кнопку дверного звонка.

— Андрей Викторович, — сказала Лида, — а ведь ваши на дачу укатили.

— Не дождались, значит, — расстроился Ильин. — Ну и ладно, зато посплю спокойно. Только что за чертовщина! Ключ не вставляется.

— Помочь? — пряча улыбку, предложила Лида.

Ильин уступил ключ. У соседки, естественно, тоже ничего не получалось. Но от этой неудачи она становилась только веселее.

— Видно, это судьба, Андрей Викторович. Ну, а куда вам теперь деваться? Только к нам. Не бойтесь, мамы нет. Она уехала с вашими. Я как раз кофе только что сварила.

Лида исчезла. Ильин заглянул в гнездо замка и увидел, что оно чем-то забито. Появилась Лида с двумя чашками, дала одну Ильину. Он взял с заметной опаской.

Лида смотрела лучисто:

— Почему пишут «дымящийся» кофе? Ведь это пар, а не дым. Попробуйте, не жидко? Я от природы скуповата, характер такой. Хотя это, пожалуй, не характер. (Ильин пригубил кофе.) Ну как? Не пожадничала?

— Гм. Вкусный кофе, даже без сгущенки вкусный, — заметил Ильин.

— Ой! Ведь вы со сгущенкой любите. Пойдемте, положу вам ложечку, что ж вам мучиться. Лет десять уже мечтаю, чтобы вы зашли. Я ведь еще и мечтательная.

— И глаза у тебя какие-то затуманенные, — совсем насторожился Ильин.

— А это о чем говорит? — тараторила Лида. — Секрет? А еще я бываю развязной, даже вульгарной. Но у нас вся жизнь отчасти вульгарная. Зато я умею сострадать людям и чувствовать свою вину. Ну,

пойдемте, Андрей Викторович, пойдемте. Примете душ, накормлю вас вашими любимыми оладьями, поспите. Сколько вы летели? Часов восемь. Ну вот, поспать вам надо.

Лида вкатила чемодан в свою квартиру. Ильин попытался ей помешать, но она ловко уклонилась.

— Лида, что на тебя нашло, отдай чемодан. Я вызову такси, — сопротивлялся Ильин.

Но Лида не давала ему опомниться.

— Андрей Викторович, так ведь до дачи почти сто километров. А вы ж, небось, потратились.

Ильин пересчитал деньги в бумажнике.

— В самом деле, наличных кот наплакал. Но ты одолжишь по-соседски.

— Зачем это мне? — рассмеялась Лида. — У меня насчёт вас совсем другие планы.

— Лида, я раньше не замечал у тебя столько юмора, — заметил Ильин.

— Ой, вы меня совсем не знаете.

Лида решительно взяла Ильина под руку и ввела в свою квартиру. В руках у нее появилось полотенце, она открыла дверь ванной и повесила полотенце на шею Ильину. Ильин снял плащ и обреченно вступил в ванную. Лида включила музыкальный центр. Квартиру наполнила мелодия «Кармен сюиты».

Через минуту в кухне появился Ильин. Лида усадила его, поставила перед ним тарелку оладий, налила в бокалы красное вино.

— Андрей Викторович, я вам постелила в своей комнате. Вдруг мама вернётся и увидит, что вы спите в ее постели без спроса.

— Лида, это у тебя репетиция? Ты получила такую роль?

— Отчасти да, — отвечала Лида. — Роль, репетиция. Я всё объясню, когда вы придете в форму. Пейте до дна, расслабьтесь. Вы даже не представляете, что я сейчас чувствую. Я будто только начинаю жить.

Когда Ильин справился с оладьями, Лида проводила его до своей постели и оставила, прикрыв за собой дверь. Набрала в мобильнике номер.

— Мам, привет! Ну как вы там? Как же я тебе завидую. Ничего я не запыхалась. Просто у меня репетиция. Я в экстазе. Ну как зачем?

Позвонила, чтобы узнать, как тебе там хорошо без меня. Ничего не произошло. Давай, пока-пока!

Лида подошла к двери, хотела открыть и войти, но что-то ее останавливало. Она боролась с собой и приходила почти в отчаяние. Потом все же вошла тихонько, села на пол возле спящего на кушетке Ильина, тихонько прислонилась головой к его плечу и закрыла глаза.

Ильин прервал имитацию дремоты:

— Так что за пьеса, Лида?

— Ах, Андрей Викторович, давайте о пьесе потом, — отмахнулась Лида. — Давайте просто поболтаем. Болтаете же вы со своей доченькой Алинкой. А поболтать мне хочется о любви. Андрей Викторович, у вас есть в настоящее время влюблённость? Ну что вы так удивляетесь? Что вас больше удивляет? Мой бесцеремонный вопрос? Или тот факт, что вы можете быть в кого-то влюблены? Как вам вообще живется, Андрей Викторович? Как дышится? Какие успехи вас радуют? Что вас огорчает и мешает радоваться жизни? Опять не то? Ну, тогда я уж и не знаю, о чем поболтать с вами. Вы чего-то волнуетесь, а моё волнение — в том, что я слишком на равных пытаюсь с вами поболтать, а вы чувствуете свой возраст. Да наплюйте вы на это. Ой, я даже чувствую, как у меня пульс подскочил. Надо померить.

Лида достала из тумбочки пульсоксиметр и вставила в него палец.

— Ого! Под сто! А у вас? Давайте проверим. Не дожидаясь ответа, Лида вставила в пульсоксиметр палец Ильина.

— И у вас столько же. Ну и что? Как снимем волнение? Ведь если не снять, еще больше повысится.

— Лида, думаю, нас обоих успокоит разговор о твоей работе, — сказал Ильин.

— У меня это запланировано, — согласилась Лида. — Только чуть позже. А пока я спрошу вот о чем: вы думали обо мне хоть раз за последние десять лет? Когда-то вы восхищались мной, называли картиночкой, дарили мне подарки, учили танцевать вальс, плавать... Вместе с Алинкой, конечно, но все равно — я забывала, что живу без отца. И все было естественно, от души. Ведь так?

— Так и было.

Лида шмыгнула носом:

— Я сейчас разревусь.

— Лида, что за новая роль? — поинтересовался Ильин.

— Электра Софокла. Только вы можете помочь мне. Мне нужен психоанализ.

— Как у тебя все просто, Лида, — укорил Ильин. — А ведь я соблюдаю правило Фрейда. Не анализировать никого из своего окружения. Да и зачем это тебе? Ты совершенно нормальная девушка.

— Нормальная? — страшно удивилась Лида. — И это говорит специалист?

Ильин замялся:

— Ну, конечно, твой набор качеств кое о чем говорит, но не факт, совсем не факт. Если бы я видел что-то серьезное, я бы не стал скрывать. А я обычно вижу эмоции людей до того, как они начинают их проявлять.

— Просто я научилась держать себя в руках. Хорошо контролирую бессознанию.

Ильин удивился:

— Надо же, освоила жаргон психиатров. (Обратил внимание на книги.) Э, да ты целую библиотечку насобираала.

— Не насобираала, а изучила, — поправила Лида. — И что мне теперь самой себя лечить? Даже Фрейд не смог провести самому себе психоанализ. Не могу даже определить, какая у меня грудь, мягкая или твердая. То есть: невротик я или безобидный шизик.

— Угадывается шизоидный комплекс. Тяга к порядку, неразвитая гибкость, затуманенный взгляд, мечтательность, некоторая скупость, тяга к правде.

— А как насчет груди? — этим вопросом Лида привела Ильина в замешательство. — Что ж вы так стесняетесь? Вы же врач. И я вас как врача прошу, — Лида взяла руку Ильина и прижала к своей груди. — Расслабьте ладонь. Что ж вы такой зажатый?

Ильин готов был вывернуться наизнанку:

— Лида, сколько угодно случаев, когда люди придумывают себе чёрт знает что.

— Ничего я не придумываю. Вы — моя последняя надежда. Поэтому я с вами так откровенна. Это как раз говорит о том, что я вы-

раженный невротик. Смешное слово, но только не для меня. Меня надо полечить. Но я боюсь лечь в психушку. И вы едва ли это посоветуете.

— Тобой может позаниматься моя коллега, Елена Анатольевна.

— Это очень дорого. — отвергла Лида.

— Она ничего с тебя не возьмет, но точно поможет.

— Нет! Или вы, или никто!

— Лида, ты капризничаешь.

— Капризничаю. Еще внушат что-нибудь не то. Ну и психоанализ — это все-таки исповедь. Зачем мне посвящать кого-то в наши секреты?

— Наши? Лида...

— Ну что Лида, Андрей Викторович? У меня далеко все зашло, а говорите, что все видите до того, как начнется.

— Ладно, тогда скажи в двух словах, что тебя беспокоит.

— Ну тогда держитесь за что-нибудь. Флиртую, завлекаю, а в решающий момент страшно боюсь близости, сыплю в бокал вина снотворное. Обманутые мэны угрожают меня наказать. С мамой дикие напряжения. Следит, не приходят ли ко мне ночью ее хахали. Силы все чаще говорят мне: включи газ и уйди из дома. Но самое неприятное — силы говорят, что однажды я убила хахалю мамы и даже подсказывают, каким способом.

— Какие силы, Лида?

— Сегодня я сказала силам: если вы есть, пусть он приедет сегодня, когда никого нет. И вы приехали!

— Ты чувствуешь напряжение в лице, плечах?

— Да, особенно ниже пояса. Но меня еще кое-что беспокоит. Может быть, даже сильнее всего. Мне страшно сразу сказать.

— Ты говори, а я сам сварю кофе.

— Только мне без сгущенки и на этот раз покрепче. Ильин принялся готовить кофе.

— Андрей Викторович, я вам удивляюсь, как вам могла когда-то нравиться моя мама? Наверное, вы были совсем другим, — как бы простодушно сказала Лида.

— Это Даша, мама твоя, так сказала? — удивился Ильин. — Что она мне нравилась?

— Об этом и женушка ваша, Тамара Сергеевна, не раз вспоминала. А что? Разве не так? — добавила простодушная Лида

— Просто это было так давно, что кажется, будто этого не было, — извивался Ильин.

— Я понимаю, мама в молодости была бесшабашной, поэтому вам и неприятно вспоминать. А вы были правильным. Вы быстро поняли, что ничего серьезного у вас с ней быть не может.

— Ну зачем ты так? — укорил Ильин.

— Я говорю то, что было на самом деле. Достаточно взглянуть на её фотографии. Я люблю маму, но не уважаю её. Думать так неприятно, вслух говорить — тем более. Но я не могу ничего с собой сделать. Я заиклена на правде. Она из меня прёт. И вообще, мой внутренний мир, Андрей Викторович, это сплошные комплексы, фобии и неврозы. Интересно, вы могли бы уважать и любить женщину с таким внутренним миром?

— Но ведь ты хочешь быть еще и леди.

— С чего вы взяли?

— Уж признайся, если любишь правду.

— Леди — это всего лишь внешний лоск, — рассуждала Лида. — Настоящее очарование женщины не в красоте. Человеку все приедается, в том числе и красота. Очарование — вот что не надоедает. Короче, у меня, как и у вас, развито чувство прекрасного, но оно мне только мешает. Я всеми недовольна и особенно собой.

— С чего ты взяла, что у меня развито чувство прекрасного? — удивился Ильин.

— У вас нос большой. У мужчин это первый показатель.

— А у тебя какой показатель?

— Ну лицом я точно в маму. Но меня как магнитом потянула сцена, а мама всю жизнь парикмахер. Хотя, конечно, у парикмахера тоже должно быть чувство прекрасного. Видите, мы уже просто болтаем.

— Я убеждаюсь, что совсем не знаю тебя. А раньше казалось... Но тогда ты чаще бывала у нас.

— Тамара Сергеевна меня невзлюбила. Или всегда ненавидела, только прятала это. Посчитала, что я плохо влияю на Алинку. Если честно, мое одиночество началось как раз в то время, когда я перестала бывать у вас.

— Я об этом ничего не знаю.

— Да ладно. Как это? Тамара Сергеевна не раз говорила вам, что я плохо влияю на Алинку.

— Странно, что это никак не отразилось на отношениях Тамары и твоей мамы.

— Еще как отразилось. Мама тоже перестала бывать у вас. Но потом подруги помирились, а я осталась за бортом.

— Как это неприятно. А что же Алинка? Я что-то не замечал, чтобы она так уж слушалась мамочку.

— Тамара Сергеевна сказала Алинке, будто я на вас не так смотрю. (После паузы) Боже, что я несу? На самом деле, я перестала бывать у вас, потому что не могла видеть... Нет, не могу. Пока не могу. Но я обязательно скажу, потому что сейчас это нужно уже не мне, а вам... А почему вы не спрашиваете, не нахожу ли я в своем одиночестве какого-то позитива?

— Действительно, хороший вопрос.

— Я стала записывать свои переживания, мысли, какие-то диалоги. Конечно, это все надо привести в порядок, придать какую-то форму. Может быть, я решусь показать вам, а вы что-то посоветуете.

— Среди литераторов распространено мнение, что произведение о любви должно быть написано именно неумело. С непосредственностью, — сказал Ильин.

— Правильно. Любовь нерассказуема. Так, кажется, Зинаида Гиппиус писала. Стоп! Андрей Викторович, разве я сказала, что мои записи о любви? Они скорее о нелюбви. Интересно, как вы объясните свою оговорку?

— Действительно... — обронил Ильин.

— В кусты, Андрей Викторович?

— Не совсем. Беру тайм-аут на экспресс-самоанализ.

— Это меня бодрит. И почему мнение литераторов, по вашему мнению, странное? Непосредственность как раз привлекает. И лучше убеждает, что написанное — правда, а не вымысел.

— Лидочка, ты рассуждаешь, как очень взрослая, и даже более того.

— Не отвлекайтесь от вашего самоанализа, Андрей Викторович, — призвала Лида. — Или вы уже? Тогда я вся внимание.

— Ну что сказать. Видимо, некоторая любовная грусть...

— ...или даже тоска по любви, — лукаво добавила Лида.

— Хорошо, назовём это тоской... все еще остается на периферии моего сознания и чувственной сферы.

— Вот почему я не могу прочитать ни одной книги по психологии. К чему эта абракадабра? Неужели нельзя о сложном писать и говорить просто? Я бы на вашем месте сказала примерно так. Я, Андрей Викторович Ильин, давно уже забыл, что такое влюбленность. Поэтому даже пугаюсь, когда испытываю что-то подобное. Даже если моя влюбленность чисто платоническая.

— Лида, ты выздоравливаешь на глазах.

— Так вы специально мне поддаетесь?

— У тебя сильная энергетика.

— Тогда влюбляйтесь, если своей не хватает. Жаль, что это вам это не грозит. Хотя знаете: чем сильнее энергетика, тем сильнее спады, приступы депрессии. Я иногда лежу полдня без сил.

— Холерический темперамент.

— Разве холерик испытывает такие приступы?

— Ты можешь быть смешанным типом.

— Вот это точно. Гремучая смесь чего-то с чем-то. Мама говорит, что у меня на дно два-три характера.

— С годами это пройдет. Останется один.

— Ага, самый худший. Если сохранится дефицит любви.

Ильин вдруг заговорил, будто на лекции:

— Да, мы привыкли жить плохо, но никак не привыкнем, что при этом нужно еще уметь любить друг друга. Это вообще не входит в программу жизни. В её первой половине нас захлестывает желание, чтобы любили нас. А потом, когда это не получается, мы перестаём любить что бы то ни было и кого бы то ни было. Любовь как чувство перестает функционировать. Единственное исключение — любовь к домашним животным. Там — полная гарантия взаимности.

— Почему же вы не заведете собаку? — встала Лида.

— Исключительно из чувства страха. Ты же знаешь, сколько у меня разездов. Никто не будет заботиться о ней, как я.

— Ах, почему я не могу превратиться в вашу собаку, — размечталась Лида. — Я бы с вами ездила. Я бы хорошо себя вела. Всё вре-

мя виляла бы хвостом. Между прочим, в Америке с собакой можно хоть самолетом летать, хоть в ресторан ходить. А мы — такая еще деревня! Хотя, может, это и хорошо. Но я вас отвлекла. У меня мысли путаются. Вы меня направляйте. Прежде чем приступить к главному, мы должны наговориться. Почему вы не спрашиваете, есть ли у меня бойфренд? Или вам все равно?

— Лидочка, мои мысли не залетают так далеко, — как бы извинился Ильин.

— А вы знаете, что 49 процентов пар сегодня спариваются на первом свидании? — строго спросила Лида.

— Меня это не удивляет, — как бы оправдывался Ильин. — Девственность вышла из моды, перестала быть фетишем. А если этого фетиша нет, то всё не просто разрешено, а крайне желательно, ибо сладострастие — это инстинкт, а секс — наслаждение.

— Куда-то не туда вы повернули, ну да ладно, — еще строже сказала Лида. — Вообще-то, я просто хочу проверить, можете ли вы на глазок определить человека. Рентген вы, в конце концов, или не рентген? Потому, что у меня к вам есть главный вопрос. (Ильин изобразил интерес.) Нет, только не сейчас. Мы еще недостаточно близки. Наверное, для того чтобы ускорить сближение, я должна кое в чем признаться. Вас, наверное, покорили мои слова о маме. Но поверьте, я далеко не всё сказала, а всего никогда вам не скажу. Этой правды не выдержит никакая исповедь. Я скажу вам только часть. Вы, конечно, догадываетесь, что у мамы было многовато мужчин. Некоторых она приводила сразу после стрижки. Но с годами тех из них, кого мама могла увлечь, становилось всё меньше. И когда я выросла, клиенты стали мне улыбаться чаще, чем маме. А один заявился однажды, когда мама была на работе. Мне было двенадцать, но у меня, как ни странно, еще не было эротических позывов. Я была в этом смысле очень неразвитым ребенком. Но мамин клиент был терпелив и нежен. Он распял меня своими ласками не меньше недели, пока я не вспыхнула. Но именно в этот момент мама вычислила его и застукала с поличным. И натравила на него другого хахала. Вы должны помнить этот жуткий скандал.

Ильин пожал плечами — он не помнил.

— Для меня потеря девственности не стала трагедией, — продолжала Лида. — Я в этом отношении вся в маму. Во мне бродила жажда

дикого языческого секса. Так что девственность мне только мешала. Трагедией стало то, что мама увидела во мне соперницу. Мой соблазнитель был у неё на особом счету. Она хотела выйти за него. Пошла ситуация. Но в двенадцать лет всё выглядит иначе. Я готова была убить её и не скрывала этого. Она так боялась меня, что врезала в дверь своей комнаты замок. Почти год мы не ели вместе, за одним столом. Мама успокоилась только после того, как мой растлитель исчез.

— И сколько длилось твоё чувство к нему? — поинтересовался Ильин.

— Это вам важно? Полгода точно, пока он не выдохся. Потом у меня появился мальчик. Десятиклассник. Он это язычество перешиб одним актом. Тогда только мама окончательно успокоилась, и мы как бы помирились.

— Как бы?

— Конечно, как бы. Мы простили друг дружку, но ничего не забыли.

— В общем, история Электры у вас, слава богу, в полном виде не состоялась.

— Ну я бы не заявляла так категорично. Мало ли что впереди.

— Лида, ты меня пугаешь, — признался Ильин, и они рассмеялись. Лида взяла листы с текстом пьесы.

— Говорят, жизнь — хаотичное нагромождение всего. Почему же тогда режиссер назначил на роль Электры именно меня? При этом не разобрал со мной ни одной сцены, будто уверен, что мне не нужны его советы. А они нужны мне.

— Прочти отрывок, — попросил Ильин.

Но Лида отказалась.

— Не могу. Там столько дебильного пафоса. Софокл — есть Софокл. Пятьсот лет до нашей эры. Смешной высокий штиль. Наверно, откажусь от этой роли. В жизни это, может быть, отчасти и по мне, но не на сцене. Да и кому это сейчас нужно, какая-то Электра?

— Не скажи, — возразил Ильин. — Родители сегодня все чаще убивают детей, дети — родителей. Любовь как чувство умирает или, в лучшем случае, заменяется одной только видимостью любви. Даже вроде любя, любят не любимого человека, а что-то свое.

— Значит, не отказываться? Играть? Прожить эту роль на сцене? — растерянно спрашивала Лида. — А если на «прожить» не хватит сил? Поможешь? (как бы осекается) Извините.

— Это не оговорка. Ты хочешь перейти на «ты». Зачем тебе это? — спросил Ильин.

— Для получения сил.

Лида подошла к Ильину, положила руки ему на плечи, посмотрела в глаза и прижалась головой к его груди.

— Папочка, ну сколько еще ты будешь мучить меня?

Глаза у Ильина заметались:

— Лида, что с тобой?

— Ну что ты придуриваешься? Где твой голос крови? Ты ведь психолог. Неужели тебе не видно, что я вся в тебя? Мне ничего от тебя не нужно. Я хочу только называть тебя отцом и обсуждать с тобой мои сердечные и творческие дела. Обсуждаешь же ты с Алинкой её личную жизнь. Вот и мою будем обсуждать. Ты переживаешь за неё. А как же я? Я хочу, чтобы ты и за меня переживал. Обещаю взаимность. Все мои откровения пойдут в твой особый опыт, в копилку. Ты сможешь написать книгу о своих отношениях с девушкой, которая решила считать тебя своим отцом. Это внесет разнообразие в твою работу. Поднимет тебя на высоту, сделает знаменитым.

Тихонько открыв дверь, в квартиру вошла мать Лиды Дарья. Услышав голоса, насторожилась. Медленными движениями сняла курточку и кроссовки. На цыпочках подошла ближе к комнате, где находились Ильин и Лида.

— Лида, я все это учитываю. И все же пойми и ты меня, — проникновенно говорил Ильин. — Я не могу не думать: а вдруг это твой каприз, прихоть, фантазии? Почему я должен верить тебе на слово, даже если я давно и хорошо тебя знаю? Мне нужно подтверждение твоих слов.

— Одно подтверждение ты уже сделал, — отвечала Лида. — Ты признал, что у тебя с мамой было то, от чего рождаются дети. Да, это было только раз. Но, как известно, бывает достаточно и одного раза. Какое ещё тебе нужно подтверждение? Во внешнем сходстве? Но я

вылитая мама. И лицом, и фигурой, и даже отчасти характером. Но есть другие параметры. Я их вижу — ты тоже видишь, но отказываешься их учитывать. Ну что делать? Придется сдать материалы на ДНК.

— Представляю, что произойдет, — потерянно вымолвил Ильин.

— А что произойдет? Алинка будет только рада. Мы с ней и так — как сестры. Твоя жена и моя мама — давние подруги, тоже почти сестры. Просто наша жизнь освободится от этой тайны. Уверю тебя, твоя жена тоже давно все знает. Какие могут быть секреты между настоящими подругами? Твоя жена простила грех моей маме, а тебе прощать было нечего. В то время ты еще не сделал выбора между ними. Насколько я знаю, сначала у моей мамы кандидатом в мужья был ты. А у твоей жены был другой молодой человек.

— Не совсем так, — сказал Ильин. — Я был кандидатом у обеих. Если бы Тамара узнала, что у меня что-то было с твоей мамой, она бы дала мне отставку.

— У меня опять пульс подскочил, когда ты сказал, что был кандидатом у обеих, — тихо сказала Лида.

— Что делать, — тоже сбавил звук Ильин. — Когда откровенничаешь, всегда что-то ляпнешь против самого себя. Ну, в общем, первое, что мне нужно сделать — это поговорить с Дашей, твоей мамой. Вдруг она всё же ничего не сказала тогда Тамаре. Такое ведь тоже могло быть.

— И если так... Если не сказала, то... эта тайна так и будет висеть в воздухе? По-твоему, это правильно? — рассуждала Лида.

— Лида, ну ты же знаешь Тамару Сергеевну. Она очень щепетильна в вопросах супружеской верности.

— О, да! Я не раз слышала, какая Томочка однолюбка, какая пелопка.

— Ну зачем ты так? Она в самом деле строгих правил.

— Папочка, ну ты же психолог!

— Что ты этим хочешь сказать? Что ты в это не веришь? Я понимаю, она отказала тебе в доме. Но нельзя же вот так, из мести грешить на человека.

— Ладно, будем считать, что это у меня вылетело по дури, — прибавила громкости Лида. — И, возможно, я в самом деле не права...

Я только сейчас подумала: мама и твоя Тамара одногодки, а мама выглядит моложе. Ну так ведь? Это сама твоя Тамара признает. А все отчего? Однолюбки блекнут и стареют быстрее — это известный факт.

— А знаешь, мне эта твоя дурь отчасти даже нравится.

— Интересно. А ведь это слова не отца. Продолжай.

— А я и не чувствую себя твоим отцом, — сказал Ильин.

— Это меня обнадеживает. Только уточни. Не чувствуешь или не хочешь чувствовать?

— Ну ты прямо мастерица пускать нюансы, — жалко рассмеялся Ильин.

— Так ведь в кого это у меня? — в голосе Лиды зазвучали нехорошие нотки. — Обнадеживал сразу двух подружек — это как же тонко надо было играть. А сколько было в этой игре умения нравиться, то есть умения обманывать, сколько лицемерия и тонкого коварства! Хотя, скорее всего, мама просто решила взять тебя тёпленьким, пока Томочка раздумывала, стоит ли ей рискнуть своей непорочностью. В любом случае ты, папочка, Казанова! Хотя, возможно, я преувеличиваю. Мне просто хочется так о тебе думать. Мужчина, всю жизнь верный своей жене, для меня не совсем мужчина. Как и женщина, до припадка верная мужу, для меня меньше, чем просто женщина. Меня от этих достоинств тошнит. (Ильин боролся со смехом.) Человек не может ни в кого не влюбляться. Иначе он просто моральный и психический урод. Чего ты смеёшься?

— Сам не знаю. На самом деле ты говоришь страшные вещи, но мне это отчасти даже нравится, — странно говорил Ильин.

— А ты заметил, что мы с тобой больше смеемся, чем говорим серьёзно, а когда серьёзно, то все равно частично со смехом? Это ведь, между прочим, признак. Почему ты не спрашиваешь, признак чего? Значит, сам знаешь. А признать не хочешь. Господи, если б ты знал, сколько я тебя ревновала: к маме, к Тамаре Сергеевне, к Алинке. А ведь одиночество от ревности только усиливается. Иногда я почти умирала. Можно я тебя обниму, пока у тебя доброе лицо? Ну что ты такой деревянный? Расслабься, не бойся, не трону.

Дарья не выдержала — вошла в комнату Лиды, готовая отхлестать дочь по щекам. Но только прошипела:

— Из всех дряней дрянь!

Лида отстранилась от Ильина.

— Мама, ты мне тысячу раз говорила — стучать надо. И я ни разу тебе не помешала, хотя знала, что ты не одна.

— Я просто обязана вам помешать, — зловеще сказала Даша.

Лида нервно рассмеялась.

— Очень интересно. Как ты сделаешь это?

— Очень просто. Анализ ДНК.

— Никакой анализ уже не поможет тебе, мама, — сказала Лида. — Раньше надо было. Правда, папочка?

Ильин молчал. Вид у него был жалкий. В такой переплет он еще не попадал.

— Ну если так, тогда анализ потребует Артемка, — процедила Дарья.

Эта угроза должна была добить Ильина. Этого только не хватало — впутать в эту свару 14-летнего сына. Но Ильин только еще больше сник, словно для него этот намек не был новостью, словно он давно подозревал, что сын — не от него.

— А ты думал, Тамара не отомстит тебе? — сказала ему Даша, подойдя совсем близко.

Он мог ударить ее, но он только смотрел с отвращением, как на гадину. Ему страшно неловко было, что теперь об этом узнала Лида. Но Лида его успокоила.

— Эх, Андрей Викторович, с кем ты связался? — сказала она и только что не плюнула.

Даша тоном общественного обвинителя сказала:

— Тысячи баб сохраняют беременность без согласия мужиков, но живут в разных концах города и даже в разных городах. А тут все в одном доме и даже на одной лестничной площадке. Это ж туши свет, но пока кой-кому везло. И вот пришла расплата.

Не переводя дыхания, Даша обратилась к дочери.

— Твой фатер связался с двумя подружками. Ну как же, квартиры в центре Москвы, а он кто? Лимита. Одной заделал ребенка, а на другой женился. Мог сделать нас с Томкой врагами, а мы остались подружками. И даже нашу дружбу сохранили, хотя он тут помог своими сеансами гипноза с пациентками.

— Это ложь! Клевета! — наконец-то заорал Ильин, но Даша отмахнулась.

— Всегда что-то есть, — сказала она. — И ты за это получил рога. Сын, который на самом деле тебе не сын, это красивые развесистые рога, как у северного оленя. Отличный головной убор. Тебе очень подойдет.

Ильина трясло, Лида обняла его.

— Не переживай, папочка. Зато ты теперь уйдешь от них от всех, и никто нам не будет мешать заниматься психотерапией.

Николай ДАНИЛИН

МОЙ СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

Мысли о том, что нет хуже занятия, чем разбирать имущество покойного, тем более, когда покойный твой отец, все время вертелись в его голове. Он чертыхался, удивлялся, порой негодовал:

— Ну зачем ему были нужны газеты восьмидесятых годов с материалами съездов партии. Они уже желтые, почти истлели. Кому они сейчас нужны?! А десяток механических часов? Носи одни, ну, если испортятся, еще одни про запас, пока починят те, которые сдал в ремонт. А десяток зачем? Старые учебники и монографии, которые сам лет пятьдесят не открывал, и которые уже не пригодятся никому, зачем их хранить? Готовальня, логарифмическая линейка и угольники? Господи!

Он запихивал этот ненужный хлам в заготовленные мешки и думал:

— Вот ведь барахольщик! Умный же, понимал, это никому не пригодится, и все равно хранил, не выбрасывал. Зачем?

Все-таки среди этого барахла он обнаружил то, что решил сохранить. Это были две толстые тетради с заглавием на первом листе каждой — «Неслучайные мысли». Он вынул их из письменного стола,

где они были сложены в аккуратной стопочке вместе с документами на квартиру и дачу.

В них четким, летящим почерком отца были записаны его отдельные замечания по поводу тех или иных событий, случавшихся в их семейной жизни и жизни страны.

— Неожиданно, — подумал он, листая, — никогда бы не подумал.

Записки начинались мыслью, которую отец считал «фундаментальной»:

— Жизнь состоит из набора стандартных ситуаций, как в них поступать, давно известно. Предки наши на своем богатом опыте выработали определенные правила, говоря современным языком, оптимальный алгоритм. Только люди горды и невежественны. Каждый по своим страстям и похотям думает, что у него ситуация уникальная. Ну, и, понятно, наступает на грабли, которые безупречно работали для миллионов его предшественников.

— Специально для меня в самое начало вставил, — подумал он с иронией. — Тоже мне гуру.

Пролистав записки, он хотел было их отложить, но помедлил. Изпод обложки второй тетради выглядывал краешек листа. Он заинтересовался, открыл и...

Это были стихи, написанные тем же легким, летящим почерком:

Мой свет не вечерний, желанный звонок телефона,
Как поздно ты звонишь, но сроков для радости нет,
И вот, я, волнуясь, плыву по волнам разговора,
И слушаю, слушаю твой телефонный привет.

Неважно, что скажешь, не важно, что в трубку отвечу,
Я сердцем внимаю и сердцем с тобой говорю,
И наш разговор не в словах этой будничной речи,
Он смысл имеет такой же, как слово «люблю».

— Уж, поздно, уж, поздно, — мне разум настырно внушает,
— Смотри, скоро ночь, ты седой от болезней и бед!
Но сердце блажит, сердце слушать его не желает,
Как будто имеет в резерве какой-то секрет.

Мой свет не вечерний, мой поздний звонок телефона,
Судьбы ли ты дар, лукавых страстей ли ты бред?
Почаще звони своим тихим серебряным звоном,
Что б сумерках жизни не гас не вечерний мой свет.

— Это писал отец! Кому? — отозвался в сердце вопрос. — Неужели у отца кто-то был? Не может быть!

Он знал, что отец любил стихи, иногда на юбилеи друзей сочинял стихотворные посвящения, умные, с юмором, порой отражающие особенности политической жизни.

Что же было в его сердце, если он взялся за лирику? Какая любовь заставила его написать такое?

После смерти матери на семейном совете было решено, что внук переселится к деду, будет ухаживать за ним, доглядывать.

Дед не возражал, соглашался. Говорил:

— И мне веселее будет, все не один, и внука хозяйствовать научу.

Все вышло с точностью до наоборот. Внук был раздолбай, и вместо того, чтобы ухаживать за дедом, повесил на него все бытовые заботы. Дед не роптал, он вообще был самостоятельным человеком, умел делать все сам, даже шить. Он готовил, кормил, обстирывал внука, иногда брал в руки утюг и гладил ему рубашки и брюки. Да и уборкой также занимался сам.

Хлопоты о внуке прерывались на весенне-осенний период. Как правило, в апреле отец уезжал в деревню и оставался там до конца октября. На даче он редко покидал свой участок, только по необходимости, когда надо было съездить в магазин, по грибы, за дровами, сходить на родник. Они с сестрой часто бывали у отца и никогда не замечали присутствие в его деревенской жизни посторонней женщины.

Зимой отец сидел в городе, отлучаясь из квартиры для обязательных прогулок в парке, для визита в магазин или к врачу. Случалось, ездил к друзьям, на встречи однокашников. Но это было редко.

И опять же, внук никогда не говорил, что у деда появилась какая-то женщина, кто-то приходил к нему в гости.

— Какие слова! Мой свет не вечерний! Кто же это?

И вдруг он вспомнил, да, был однажды необычный эпизод. В тот раз вечером у него выдалась пара свободных часов. Он подумал, что давно не навещал отца и решил заехать.

Отец открыл дверь и сразу предупредил его:

— У тебя только пол часа, потом мне надо уйти, — он возвратился к гладильной доске, на которой лежала его самая красивая рубашка.

В коридоре стояли до блеска начищенные ботинки, на стуле висели уже отглаженные брюки. Встреча, на которую собирался отец, была явно неординарной.

— Куда это ты наряжаешься, на встречу однокашников?

— Почти, — улыбнулся отец, чуть смущаясь.

— На свидание, что ли? — он хихикнул. Представить себе отца в роли Дон Жуана было забавно.

— А что, нельзя? Я мужчина в самом расцвете старческих сил, что тебя не устраивает? — отец продолжал улыбаться.

— Да так, все устраивает. Только ты бы почаще в зеркало смотрел или в паспорт на дату рождения.

— Не хами, — отец замкнулся, улыбка исчезла.

От этого воспоминания ему стало стыдно. Он осознал, что почувствовал этот старый и бесконечно любимый им человек. У него, у них с его «Невечерним светом» не было будущего, не было совместного прошлого, было только несколько счастливых мгновений здесь и сейчас, в которых была вся их жизнь.

А он обхихикал, нахамил. Каким же душевно глухим идиотом надо быть, чтобы сказать отцу такое!

Сожаление о содеянном болью отозвались в нем, и как будто пелена спала с сердца, раздражение и ирония покинули его.

Он по-новому взглянул на свое занятие. В этой квартире он провел детство и юность. Почти все в ней до боли знакомо ему и любимо. Сейчас его стараниями мир этой квартиры, мир детства и юности исчезнет. Каждая из выброшенных вещей унесет в небытие далекое и счастливое время.

— Наверное так уж устроено свыше, — подумал он. — Мы начинаем самостоятельную жизнь, обрастаем вещами и детьми, друзьями. К концу жизни квартира в известном плане превращается в склад не-

нужных вещей. Вон лежат гантели, которыми сначала отец, а потом и я размахивали по утрам. Сейчас это просто ненужный ни ему, ни мне предмет. И так почти со всем.

В ней все принадлежит моему отцу и матери. Это плоды труда моих родителей, в этих вещах — память об их и моей жизни.

Значит, надо отобрать только то, что дорого мне, а остальным пусть занимается тот, у кого с выбрасываемыми вещами не связаны воспоминания. Походив по квартире и сложив в отдельный мешок то, что хотел забрать, он позвонил сыну:

— Вот что, друг мой, ты собирался со своей девочкой жить в квартире деда, приезжай и обустраивай свое семейное гнездо.

Через три дня квартира отца преобразилась, ее стены были готовы принять новую жизнь. Увидев ее радостное начало, он подумал:

— Вот и все, папа, прости.

Тогда он решил навестить отца и поехал на кладбище.

У поворота на нужную тропинку, ведущую к могиле родителей, его встретил знакомый памятник. Обычно он проходил мимо него, не замечая. Сейчас, посмотрев на хохочущего мужика, он вспомнил отца.

Как-то в деревне он увидел, как отец, кряхтя от напряжения, катит откуда-то на тачке валун. Тогда он жестко выговорил отцу, пеняя, что тот не бережет себя. Он считал, что камень не по силам старику, поднимая его, отец мог сорвать свое больное сердце.

Отец выслушал его раздраженную речь молча, потом, кивнув на валун, сказал:

— Поставишь на мою могилу, на нем — табличку из нержавеющей стали с датами рождения и смерти, фотографии не надо.

— Почему?

— А какую будешь клеить? Сегодняшнюю, где я седой, плешивый и облезлый? Или ту, где мне двадцать пять, и я молодой и рьяный? Тире между датами не зря стоит, каждое десятилетие — свое фото, даже на паспорте три фотографии. Как ты одной фотографией отобразишь всю жизнь?

— Ну, выберу какую-нибудь, где ты посимпатичней.

— Ага, красавец такой. Знаешь, рядом с могилой матери памятник стоит, на могильном камне фото мужика в полный рост, хохочет. Каж-

дый раз иду мимо и думаю, что его так рассмешило на кладбище? Его собственная смерть, или то, что потешается над дурнями-родственниками? Те, когда выбирали фото, старались. Небось, хотели наклеить ту, где он, как в жизни, красивый, счастливый и веселый. Ну, и что получилось?

Нет, сын, без фото лучше. Захочешь вспомнить мою внешность, откроешь фотоальбом.

— И здесь отец оказался прав, — подумал он, миновав хохочущего мужика. — Он часто оказывался прав. Вообще, если бы не он, не его забота, моя жизнь сложилась бы совсем по-другому, не так благополучно, как сейчас. Я же, самонадеянный дурак, хихикал, иронизировал, хамил, погасил его «невечерний свет».

Сознание непоправимости случившегося было мучительным и горьким. Стоя на могиле родителей, перед холмиком, который еще не оброс травой, он, как нашкодивший мальчишка, вытирая слезы и шмыгая носом, шептал:

— Прости меня, папа, прости.

Он не знал, что много лет назад его отец также стоял перед могилой его деда и шептал те же слова.

Владимир ЛАВРОВ

ИСТРЕБИТЕЛИ ПАЛИ С НЕБА

В Турции разбился истребитель местных ВВС.
(сообщение бегущей строки в телевизоре от 01.12.2014 г.)

При отработке взаимодействия на учениях в Турции разбился
американский самолет-истребитель.
(CNN, из новостей телевизионной передачи 01.12.2014 г.)

В далекой от нас Каролине (штат в США) жил мальчик по имени Кент. Жил в достатке и любви родителей. Ему с детства внушали, что только они, американцы, знают, как правильно обустроить мир, мир свой и заодно всех других народов, которые родились как бы по недоразумению.

Отец его, Джим Рассел, часто рассказывал сыну, как делает бизнес в Боливии. Он и компания таких же дельцов скупали там нефть, а деньги оставляли в своих же банках. Потом давали их в долг боливицам на строительство дорог и малых городков в стране. Причем контракты на строительство доставались американским фирмам. За это чуть перепладало местным чиновникам, чтобы они лояльно вели себя к великой Америке.

В общем, брали местных в кабалу и отбирали фактически их национальные богатства за грош. Как цинично они говорили: ничего личного — только бизнес.

Здесь отец самодовольно улыбался.

— Гляди, сынок, всё, что видишь вокруг, я заработал своими мозгами на дальней земле, где люди отчасти тупы и отчасти не образованы. И запомни: за деньги всё можно там купить.

Мальчик проникся идеей: великие американцы, великая нация, должны нести новый свет по всему земному шару, а несогласных — к ногтю! Рос, рос и вырос Кент Рассел. Решил сделать себе паблисити, прежде чем заняться бизнесом — записался в армию. Умный и здоровый — в интеллектуальные престижные войска, в летчики. Учеба в элитном авиаполку давалась легко. Техника отличная, инструкторы толковые и с юмором, девушки особо не докучали. И парень быстро освоил истребитель F-16. Настало время показать себя миру. И вот он уже на американской базе ВВС в Турции зорко следит за мировым порядком. Всем должно быть ясно, что только американцы знают, как жить другим народам!

А в далекой деревушке на востоке Турции жили в разных семьях мальчик Керим и девочка Айша. Жили бедно, но дружили. Вокруг горы, заросшие низкими соснами. Каменистая земля, которая требует много труда, чтобы потом разродиться фруктами, овощами, виноградниками. Тощие голенастые куры, пятна на дороге от упавшего созревшего инжира. Кажущиеся бесхозными козы вдоль дорог. И каждодневное палящее солнце!

Утро начинается рано. Женщины уже в пять часов затапливают печь — готовить завтрак для мужей, потом корова, овцы, козы. Нелегкий труд в теплице и в поле. И дети тоже обязаны помогать. А девочкам еще сложнее. В мусульманских странах уже с одиннадцати лет надевают на них чадру, готовят к забитой женской доле.

Много зим и весен муэдзин в мечети мелодичным и волнующим голосом призывал к молитве. Читая азан, местный имам с каждым годом старел. Вскоре он уже не мог подыматься на минарет, и тогда там вверху установили громкоговорители. Жизнь менялась. А дети росли и росли. И как трава пробивается весной к солнцу, так вскоре и юные сердца потянулись друг к другу. И приглянулись друг другу.

Сначала как брат с сестрой часто были на виду у всех. А потом, ловя подозрительные взгляды сельчан, стали тайком встречаться в сосновом лесу. Пушистые сосновые ветви укрывали их от всевидящих деревенских глаз. Угольками светились их глаза и тесно сплетались руки. Короткие жаркие объятия и дерзкие планы на будущее.

Жизнь стала стремительно меняться, Турция всё больше становилась страной Европы. И молодые люди уехали учиться из деревни в столицу Анкару. Город их ошеломил стремительностью жизни, обилием машин, магазинов, светской направленностью. Новые одежды и раскрепощенные нравы городских сокурсников переворачивали в их головах многие догмы родителей. Оказывается есть Европа и Америка и если сами эти страны далеко, то их влияние на турецкую жизнь здесь в столице и, особенно в Стамбуле, очень велико!

Следы друг друга Керим и Айша не теряли, но учеба властно забрала много времени. И так вышло, что повторно они встретились, когда им уже стало по двадцать пять лет. Керим выбрал уважаемую профессию военного и стал летчиком, а Айша выучилась на врача. Она за годы учебы в городе сильно преобразилась: взгляд стал открытый, пышные волосы не прятались под платок, ее английский язык стал лучше (в стране стало много туристов, и она планировала работать в частной клинике), а одежда как у европейки.

Молодые люди стали встречаться, уже как современные столичные жители. Плоды созрели. Теперь они были готовы к свадьбе. И не как в их деревне — по приказу родителей, а по своей любви! Готовы, но...

Судьба порой сводит воедино совсем разных людей. Кому на радость, кому на горе. Вот и случилось здесь в Турции такое событие.

А началось всё с пьяного дебоша двоих военных американцев, одним из которых был Кент, в баре. Оба они были в увольнительной и снимали стресс выпивкой, ну и переборщили с виски. Без повода сцепились с местными. Началась заварушка: турки не любят тех, кто им нагло хамит. Южная кровь горяча. Поняв, что они могут серьезно пострадать, американцы по-быстрому ретировались из бара. Вовремя уехали на армейском джипе от появившейся вскоре местной полиции. Уже вечерело. Но мозг молодых парней, разгоряченный алкоголем, требовал продолжения вечеринки.

И тут Кент увидел на дороге одиноко идущую девушку. Взыграло, что турки дали им отпор, сердце захотело мщения. А тут такой случай, и они с напарником остановили машину. Попытались на ломаном турецком языке пригласить ее покататься в машине по вечернему городу. Но она не испугалась иностранцев и на удивительно чистом английском предложила им ехать своей дорогой и смотреть хорошие фильмы. Им, покорителям всех стран, дали вежливый отказ с внутри скрытой издевкой. И от кого — местной азиатки! Гордой и неприступной! Второй раз проиграть туркам — это уж слишком!

Дальше были уже не люди — животные. Они схватили девушку, придавили шею и бесчувственную затащили в машину. Круто свернув на сельскую дорогу, заехали в сосновый лес. Айша, очнувшись, стала сопротивляться, как могла, но подонки сорвали с нее одежду и изнасиловали. Выместили на ней свой скрытый страх перед этой страной, где их никто не рад видеть. А увидев растерзанное женское тело, испугались уже за содеянное.

Боясь расплаты, они трусливо выбросили еще живое тело на крутой склон на краю горной дороги. Тело девушки покатилося по камням. Удар головой об острый валун прекратил ее земной путь. Ее душа маленьким облачком воспарила к звездам. Насильники сели в машину и уехали. А на окраине дороги среди ночи некоторое время мигал светлячок экрана ее телефона, крича о помощи.

Керим вечером не находил себе места: девушка не пришла на свидание. Ее телефон молчал. И только поздно вечером вдруг проявился сигналом SOS. Керим сразу в полицейский участок: выручайте, любимая пропала, беда пришла. Запеленговав место телефона, полицейские с Керимом на машине быстро приехали на место — телефон завалился среди корней сосны. Это Айша в последние мгновения своей жизни сумела отбросить телефон, нажав на кнопку тревоги.

...Утром у американцев никакого раскаяния, приехавшим на базу полицейским дали от ворот поворот: военные неподотчетны вам, сами разберемся в инциденте. Точка! Население, что глухо зароптало на очередной беспредел «союзников» и собралось у ворот базы, разогнали палками и водометом.

... Керим приехал к базе, не первый раз. И выдался случай — нашел Кента, собравшегося в увольнительную:

— Ты что творишь! Убийца.

Завязалась драка, но оба опомнились и успели, сбежали от полиции, как от местной, так и от военной. Запомнили друг друга. Кент, понимая, что натворил и боясь мести, подал рапорт на перевод в другую часть. А Керим? Он заледенел душой от потери любимой, но там, внутри, среди ледяной пустыни утраты любимой, разгорался огонь справедливой мести. Нельзя обижать турка!

Керим ярился от бессилия. Он понимал, что нельзя в своей стране тронуть насильника и убийцу иностранца-американца. Как же — они ядерный зонтик его страны. Но нельзя — при всех. Это на востоке понимают хорошо. И зуб заточен! Выждем момент, когда они останутся один на один, и никто им не помешает.

Когда чего-то страстно ждешь и веришь, то providение дает шанс осуществиться твоей мечте. И вскоре такой случай представился. Для них двоих, летчиков.

Начались очередные совместные турецко-американские учения в воздухе. База "Инджирлик". У тех и у других свои зоны ответственности. Спокойно летит на своем «Фантоме» Кент. Машина послушно режет воздух чужой страны. Да, мы, американцы, будем везде первые! Во всех странах, как, к примеру, здесь, в Турции. Кстати, скоро его переведут на Сицилию, к знойным итальянкам. Здесь как то стало беспокойно и тревожно ему за содеянное.

...Небо чисто. Но вот локатор опознал чужой самолет. Кент слегка сдрейфил — неужто русские? Их так часто пугали главным противником демократии. Уф, пронесло: почти свой летит — турецкий. И чего его так далеко занесло, не в свой квадрат залетел. Интересно стало, позволил приблизиться ему на визуальный контакт.

Ба, да в кислородной маске знакомый тип, что недавно полез в драку за девчонку. Смотри, как прёт на меня. Ну, ну, давай покружим карусель. И самолеты завертелись в воздухе, выписывая сложные фигуры. Неплохо, совсем неплохо обучили их наставники.

Здесь, в голубой синеве, они были одни: ни начальников, ни полицейских, ни судов — никого, только два человека силой моторов вознесшихся ввысь и схлестнувшихся в яростном бою. Один за поруганную и убитую невесту, за униженную чужестранцами страну. Другой за снобизм Америки и свою несправедливую жизнь. А где-то

высоко-высоко над ними и всеми нами один всемогущий Бог, который иногда ленится и не смотрит за поведением своих неразумных детей.

На командных пунктах кутерьма: приборы, радары показывают реально идущий воздушный бой. Без приказа. Самоуправство! У экранов собралась группа проверяющих, все удивлялись и комментировали, командиры орали команды прекратить боевой контакт, но все напрасно! В воздухе продолжалась смертельная карусель.

Вначале американцы и турки «болели» каждые за своего пилота, как в футболе. Но наконец все поняли из переговоров, что бойцы сошлись насмерть и на то есть причины: нельзя безнаказанно нарушать законы гостеприимства, нельзя убивать из похоти. Пилоты стреляли друг по другу боевыми патронами!

Вскоре турку удалось мастерски зайти сбоку и он располосовал-таки длинной очередью «Фантом» американца. Кент, получив пулю, враз ставшими бессмысленными глазами ткнулся на приборную доску. Черная стрела израненного, уже неуправляемого самолета скользнула к земле и взорвалась рыжим клубком, столкнувшись с ней. Все потрясено молчали, что на американском командном пункте, что на турецком.

А где-то далеко в небе одинокий самолет выписывал танец победы. Первым опомнился турецкий полковник, руководитель полетов.

— Что ты натворил, сынок? Ради интересов страны ты теперь должен тоже погибнуть! Мне безумно жаль и тебя и твою мать и бедную погибшую невесту, но ты должен спикировать точно в то место, где лежит первый самолет. Только авария от совместного столкновения спасет отношения между нашими странами. Мы небогаты, сынок. Надо думать о каждом из нас, турок. Исполни свой долг.

Замолчал полковник с седыми висками, еще недавно черных волос. А в небе вдруг прекратилась веселая карусель самолета. Он выправился и торжественно полетел в сторону дальнего дыма. Летчик всё понял. Ярость его улеглась, эйфория от победы быстро улетучилась, и наступило холодное осознание неизбежного.

Да, погибнуть молодым в расцвете лет и карьеры это несправедливо. Но он воин и сын своей страны. Так выпали звезды, что он последние минуты смотрит на этот яростный и прекрасный мир. Керим

принял решение и торжественно запел гимн турецкого государства. А потом отчаянно включил форсаж и стремительно вошел в пике. Полет был короткий, а летчик был он замечательный: вместо одного уже слабеющего дыма в том же месте возник новый, мощный.

И в огне сгорели две души двух разных людей, одинаково любивших свою маму, небо и веривших в свою страну. И, тем не менее, выросших совсем разными. И только Всевышний воздаст каждому из них по заслугам. А на оставшейся Земле потрясенные люди еще стояли у экранов локаторов, на которых всезнающий луч уже не видел самолетных точек. Только зеленая пустота.

Геннадий ПАНФИЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ

За три года до войны нам в Юрьевце дали квартиру на МТС в деревянном доме, чему мы так обрадовались! Комната и спальня, а кухня на две семьи была, да. Тут муж (Панфилов Александр Дмитриевич) работал бухгалтером, когда его взяли на фронт.

Взяли его в Москву охранять правительство. Какое-то время он служил под Москвой, но немец стал нажимать на Москву. И вот он пишет в 42-м году, что правительство и охрану эвакуировали в Куйбышев. Он был прожектористом. Пишет, что они голодуют, дают им селёдку да хлеб. Если машина какая застрянет, земля там чёрная, они толкнут, тогда им что-нибудь перепадёт. Ещё осенью картошку копали себе, бабы давали хлеб, довольства не хватало. Вот он и пишет, чтобы я приехала к нему с Музой (дочка родилась летом 39-го года).

А я лето работала на пристани кассиром и в камере хранения, а зимой шила, ходила по домам — муки заработаю, картошки. Я не голодовала. А Музу тётки любили, она у них под присмотром была, они с нею возились, у них детей не было. Муза прибежит в комнату, встанет на футляр швейной машинки: «Алё-алё! Папа, приезжай домой».

Павел Иванович Чистяков, директор, пошёл мне навстречу, оформили командировку от МТС в Ставрополь, это сто километров не доезжая до Куйбышева. Меня послали как бы за запчастями. Хлеба взяла, вина, продуктов (в войну буханка хлеба стоила 100 руб., осьмушка табаку (100 г) — 100 руб.), везла в сумках на перекидку. Поехала не одна, со знакомой, её муж служил в той же части, что мой Шура. Она — от артели и тоже как бы за запчастями. Дали сто рублей, мы и рискнули. Сели здесь на «Скорую линию» до Куйбышева. В Куйбышеве нас задержали, допрашивали: куда едете? Да вот, говорим, едем в командировку в Ставрополь. — А зачем приехали сюда? Объясняем, что пароход там не пристал, нам больше некуда деться. Сейчас, сказали, пойдёте к пристани товарной, там местный пароход разгрузят, и вы на нём уедите в Ставрополь. А здесь мы вас не пропустим, потому что город такой, на особом положении, только по пропускам.

Ждать нам некогда. Матроса уговорила, мол, к мужевьям прибыли побывать, какие мы шпионы, дала ему осьмушку табаку, вещи пронёс наши, мы и вышли за ворота. А то с вещами не выпускали. Машину подыскали, сказали шофёру, куда нам ехать и в какую часть.

Приехали. Мужья так обрадовались нам, так обрадовались! Десять дней мы, две парочки, жили в отдельных домиках, сфотографировались. Их уже в ночное дежурство не отсылали.

Оттуда мы настрадались, справлялись местными пароходами, от городка до городка, бомбили, пароходы были замаскированы. Две недели проездила. В Юрьевце переживали за меня — жива ли там?

Потом уж вот его на фронт выслали из Куйбышева. В открытке написал, что едет на фронт. И всё — письма от него нет и нет, что такое? Переживаю. Думала, погиб. Оказалось, ранили его, он заболел тифом в госпитале, рука правая не писала, ноги шесть месяцев не ходили. После тифа давали месяц отдыха, я письмо главврачу написала, чтобы отпустили домой. Мне ответили, что отправили его в глубокий тыл, в Саранск. В письме из госпиталя с помощью санитарки он написал мне, может, ты справишь меня в госпиталь в Кинешму.

Я поехала с фальшивой командировкой от врачей из Кинешмы, взяла хлеба, водки. Доехала до Горького, меня на пароходе задержали: «Ты куда едешь? Ты спекулянтка». Говорю, так и так, еду за мужем, показала справку. Поезжай обратно, приказали, у тебя ложные

документы, нужен пропуск. Что делать? Вернулась, меня на пристани спрашивают: «Ты что так скоро?»

Пошла к Павлу Ивановичу, говорю: «Достань мне пропуск, я тебе самогонки наделаю». Сходил в милицию, там все знакомые, выправил мне пропуск, поезжай, сказал. Не откладывая, поехала в Саранск. Это было в конце сентября 43-го года.

В Горьком народу, две ночи просидела на вокзале, холод, нет билетов на поезд. Начальник вокзала брал людей на работы чистить пути, потом давал билеты. А тут как раз это запретили. Мы с женщиной одной из Львова, она надоумила, взяли ему бутылку вина, колбасы, хлеба, поработали до трёх часов дня, таскали песок на носилках под рельсы, он нам дал билеты.

Приехала поездом в Саранск. Адрес у меня — только почта полевая. Госпитали и тут, и там. Хожу, спрашиваю, у меня чемодан больший, набрала всего. Перехожу на другую сторону улицы, гуляют солдаты в халатах, в тапочках. Обратилась к одному: «Панфилова не знаете?» Идёмте, сказал, он ждёт вас. Вошли в госпиталь, медсестра спросила, кто я ему буду, обрадовалась: «Пойдёмте, пойдёмте, он ночь не спал, рука беспокоит, переживает, вас ждёт, на ногах не ходит шесть месяцев. Его дружок Паша уже начинает ходить. Ваш муж не раненый, у него тиф был, на руке сделали операцию, гипс положили. А нога почему-то не ходит, от этой болезни, что ли. Кожа да кости. Пойдёмте, пойдёмте». Она на меня халат накинула, вошла я, он обрадовался, заплакал. Он сказал, что врач его отпустит в Кинешму, только пусть кто-нибудь приедет за ним, таких, как он, отпускают.

Тут, в госпитале, до завтра и ночевала, комнатка была. Утром врач пришла в обход, спрашивает: «Ну что, Панфилов?» Он: «За мной жена приехала». Она: «А как ты поедешь, ты же не ходишь». «Ну, как-нибудь, Галина Ивановна, — я говорю. — Там мы его питанием поддержим». Она: «Я не против, не против». Написала документ, идите, говорит мне, к начальнику госпиталя за разрешением. К начальнику госпиталя пришла, говорю, отпустите, дома поддержим питанием, у матери корова есть. Начальник резолюцию пишет: «Не возражаю». А потом спрашивает: «А он ходит?» Ходит, говорю. «Пусть сам придёт, заберёт документы». Что делать? Сажу на лавочке, реву. Тут Паша этот подходит: «В чём дело?» Я сказала. Он в халате, тапках

заковылял к начальнику. Пришёл и доложил ему: «Товарищ капитан, Панфилову некогда, надо сняться с военного учёта, одежду получить. Разрешите, я передам ему документы». Паша выходит ко мне, улыбается, подаёт документы: «Всё в порядке, пойдём собираться».

Стали собирать его, шинель у него была хорошая, украли. Привезли в госпиталь без шинели, без всего. Шинелишку плохонькую нашли, тапки дали. Он: «Как я поеду в таком виде?» Я говорю, ладно, доедем до Юрьевца, там есть у тебя пальто и валенки. Такая женщина была хорошая, врач его, дала лошадь и санитарку сопровождать. Друзья вывели его из госпиталя под руки, матрац положили на телегу. Рука в гипсе была, обе ноги плохо ходили. Без костылей, пошли, посадили его в телегу, трясти дорогой нельзя было, тихо ехали. Довезли его на матраце до вокзала, тут я и сказала: «Мой ты! Никому не отдам!».

До Горького доехали поездом. Сняли его с вагона, он говорит: «Всё, Настя, я больше не могу». А я не порожняя, вино, табачок есть — мужики помогают, угощаю. Пошла к начальнику вокзала, попросила машину. Он говорит, все в работе, ждите до вечера. Что делать? А народу у вокзала! Ездят с тележками на двух колёсах, вещи возят. Я к одному подошла, договорилась за сто рублей. Положили мы его в тележку, чемодан поставили. Привезли его на пристань, для раненых касса отдельная, без очереди, сутки ждали пароход на Юрьевец.

Вот приехали в Юрьевец, он не может идти, в гору-то, да чемодан ещё. Поднялась на МТС, нет ни машины, ни лошади, что делать? Вернулась на пристань, пошли потихоньку, поддерживаю его. Шаг шагнёт, сядет. В гору шли час. Муза увидела его, заверещала, испугалась, не подходила к отцу. Побыл четыре дня дома, встал на ноги, отправил в госпиталь, под гору уже лучше шёл, дошёл до пристани потихоньку в чёсонках и пальто своём.

Привезла в Кинешму, там ночевали у знакомого. Он главным был в организации по закупке капусты и мяса для госпиталя в колхозах. И к нам в район посылали из госпиталя больных, раненых собирать капусту. Вот и Шура моему, значит, оформили командировку в Юрьевец за капустой. Он у меня целый месяц жил. Он что делал — на берегу принимал капусту для госпиталя. Ходил в обмотках, френче. Вот я тогда Ларисой и забеременела. Он уехал в Кинешму, когда снежок выпал.

Я надеялась, что после госпиталя такого инвалида, как он, не возьмут на фронт. Ездил к нему в Кинешму, ведро пива купила, ночевали две ночи у свояков. Мог остаться служить писарем в нестроевой в Иванове, но не захотел сам. Я фунт масла заработала, отдала ему в Кинешме, а он Зинаиде, сестре, отдал, она в Иванове училась. Уехал на фронт, а я осталась уже с двумя. Он писарем при штабе служил, красивый почерк у него был. До конца войны он служил в Прибалтике.

Пришёл, когда война кончилась. Ларисе больше годика было. Мы ждали его каждый день. Как мы обрадовались, когда 11 ноября — как сейчас помню, 11 ноября — он постучал в окошко! Лариса вскочила: «Мама, папа приехал!» Она со мной на кровати спала. Он с ней всё водился, катал. Муза ревновала: «Папа меня не любит, он только всё с Ларисой».

В партию вступил на фронте, да. А комсомольцем не был. Почему не был, — я рассказывала. Отец мой ни за что не разрешал нам расписаться без венчания. Венчались в соболевской церкви, в 37-м году она ещё работала. Вот за это его из комсомола исключили. На свадьбе был и твой отец, Геннадий, он в церковь не заходил, потому что комсомолец был. А свадьбу сыграли в нашем доме в Соболеве, у Хреновых.

Я вот о чём ещё думала не раз: как повезло матери мужа моего — все три сына вернулись с войны. Мой Шура был старшим из братьев, с 14-го года, был ранен. А Геннадий (с 17-го года) и Павел (с 19-го), оба офицеры, остались живыми тоже и даже не были ранены. И зять их Павел Александров тоже вернулся с войны целым.

А в нашей семье, у Хреновых, были потери. Мама говорила, 12 детей родила. Володя в 5 лет помер. Иван в 9 лет умер. Павел работал на сплаве, он там застудил ноги, заболел и помер в 19 лет. Старший брат на фронте в Гражданскую войну погиб. Илья был на фронте, погиб. Николай Иванович тоже погиб, под Сталинградом. Василий пришёл с фронта, остался жив. Я в семье самая младшая была, с 15-го года.

Когда с фронта пришёл Шура, обещал помнить хорошее. А сам стал посылать к ядрёной матери. Сейчас бабы так не держатся за мужчин, как раньше.

Маленькое послесловие. Эти воспоминания моей тёти Панфиловой Анастасии Ивановны я записывал в 1986 и 1997 годах.

Со слов её дочерей, за годы войны отец получил боевые ордена Красной Звезды и несколько медалей за отвагу. Как большинство участников войны, дядя Саша не любил вспоминать то время. Поэтому подробностей его участия в войне не сохранилось. Одно могу с уверенностью сказать, что, воюя, он был уверен за свой тыл — его любили и ждали. Ярким подтверждением этому, мне кажется, служат воспоминания тёти Насти, её деяния, которые без преувеличения можно назвать подвигом.

На обратной стороне фотографии — они вдвоём во время её приезда к нему в Ставрополь — дядя Саша перед отправкой на фронт оставил надпись: «Любимой Насте. В случае гибели меня в борьбе с германским фашизмом вспомните это свидание в гор. Куйбышеве. 12.11.42 г. Панфилов».

Евгений ОБУХОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ МАСТЕРСТВО

Раньше мои стихи и рассказы критиковали все, кому не лень. И даже те, кому лень. Послушают немного, и давай воспитывать! Литературного вкуса нет... Рифмы типа вялые... Сюжет как бы вторичен... Образы — сплошные штампы... Язык небогатый... Шутки плоские... Лексикон как у биндюжника из Бабеля... И даже не удосуживались объяснить мне, кто такая эта Бабель...

Но ведь подобное грустное наслоение случается, наверное, у всех начинающих? Поэтому я решил не сдаваться. Стал ежедневно и упорно совершенствовать своё литературное мастерство.

Пробежки затеял пять километров по парку, где труба-железяка между деревьями приторочена. Поначалу едва-едва со скрипом в суставах парочку подтягиваний на ней осиливал, а потом уж почувствовал вкус, смог и десять, двадцать, шестьдесят... Книжки приладили читать. Когда в качалке на тренажерах сидишь, глаза-то и свободны, и от нагрузки удобно вытарашены. Так чем ещё в эти часы их занять? Из книжек, кстати, и узнал, что Бабель — это, оказывается, мужик, а, например, Жорж Санд — баба! Представляете! От знаний аж голова приятно потяжелела.

Ага, и насчёт других утяжелений: тоже хорошо вписались. Штанги, гири. Хотя, со временем уловил, как халтурят тренеры и как на металле за мои бабки экономят, выгадывают — месяц от месяца мне всё более и более лёгкие двухпудовые гири подсовывают. Тогда добавил бокс и карате. Но там тоже закавыка. Сперва все подряд ко мне на спарринг охотно шли. А потом отказываться приладились. Чтоб какого-то партнёра найти, доплачивать пришлось. На лечение. И то не все даже за большие деньги соглашались. Чтоб от такого безудержного повышения литературного мастерства отвадить, мне какую-то чёрную ленточку на пояс повязали. Но разве настоящего писателя символической ленточкой удержишь!?!..

И что вы думаете? В итоге у меня с творчеством как у классика — классно получилось!

Теперь всем-всем, абсолютно всем, кому я, уцепившись за оставшийся целым рукав или за оставшуюся пуговицу, свои произведения читаю, эти тексты очень нравятся. Говорят мне прямо в глаза, что такой настоящей, высокой, талантливой и богатой по языку и рифмам литературы они в жизни не встречали. Некоторые даже в обморок падают от восторга. Но я о таких сильно забочусь: поднимаю их, встряхиваю и, держа на весу за шкурку, дочитываю своё произведение до самого конца. Чтобы совсем уж полностью восхитились.

И теперь по себе точно знаю: чтобы сделаться большим настоящим писателем, нужен огромный, постоянный, упорный и именно физический труд!

Томас ТОРРЕС

НАД РУССКОЙ ПАЛЕСТИНОЙ

«Никто не просил Вас покупать такой большой дом!»

Это сказали ей люди, которые проводили в ее новый дом коммуникации, они были бестолковы и завистливы, они все время переглядывались и смеялись за ее спиной, они испортили мебель, которую София бережно вывезла из старой квартиры и выбросила здесь, потому что когда ходят грязными ботинками по светло-серому дивану, диван перестает быть таковым...

Впервые в жизни София столкнулась тогда с проявлением классовой ненависти — обращенной на нее саму. Родившаяся в начале семидесятых, помнящая детские мантры «дедушка Ленин и дедушка Брежнев», — в этой новой, грязной и несправедливой, своей родной стране, на этом новом витке и ее, и своей биографии София научилась с чувством цедить сквозь зубы «люмпен-пролетариат!». И ужасалась, что ей за это ни разу не стыдно...

Всегда, во всех эпохах, на всех классовых уровнях, в любой стране находились вот такие «люмпены», босяки, рвань не по уровню жизни, нет! — по скудному своему душевному состоянию. В этой новой

стране под названием Россия, после всех кровопролитий, потрясений и бурь, вдруг стало очень видно... Да-да, стало видно, кто есть кто.

Как будто кровь древних родов начала призывать к себе своих потерявшихся детей, и люди внутренне осознавали свой статус, кто-то удивлялся, а кто-то ненавидел других. Это было нормально...

София не чувствовала себя какой-то особенной, она отчаянно сражалась за жизнь и только в шутку называла себя «обедневшей французской дворянкой». «Такой большой дом» был у нее тоже единственным. Потеряв в двенадцатом году одновременно отца, мужа, здоровье и работу, София очень долго не могла оправиться. Онкологическая клиника всегда оставляет тяжелый след, она надолго потеряла способность нормально передвигаться, и купила машину на последние гонорары, не успев заработать совсем немного прежде чем стало проседать сердце. Она влезла в кредиты, за какие-то пять лет сожравшие московскую квартиру ее матери, продала собственную квартиру и купила этот дом, потому что в городе жить ей больше было нельзя.

В восемнадцатом году, когда ее кардиограмма стала напоминать ниточку ювелирного бисера, София приползла умирать сюда.

И здесь почему-то ей было тепло, хотя она понимала, что всегда будет здесь одна, что этот дом велик для нее не габаритами, а по масштабности затрат, не только финансовых. Как будто дом выбрал ее для чего-то важного и теперь баюкал, исцелял, охранял.

Зима в 2018-м году выдалась суровая, одна из самых снежных на памяти Софии. Перед Новым Годом в доме завелся котел, и София ездила туда проверять, как он работает, каждые три-пять дней. Выходила в пять утра из дому, садилась в свою серую «вишенку» Черри и отправлялась в путешествие. Для нее это было как отпуск, как медитация, как зализывание ран при помощи серого пластыря замерзшего Новорижского шоссе.

В ту ночь, второго февраля, выпало много снега. Выкапывая машину из сугробов, София время от времени прерывалась на фотографирование маленького сквера возле Дендропарка, на рыжую лису, пробирающуюся вдоль школьного забора... Подсвеченные оранже-

выми фонарями ветки деревьев, похожие на белые сардельки, были прекрасны, как в детском театре, и весь мир был маленьким сундуком со сказками.

Пока София чистила машину, Машка вывела собак и на обратном пути к подъезду остановилась около матери.

— Ты сегодня вернешься?

— Сегодня нет, малыш. Я ж не знаю, что там. Пока доеду, пока то, пока другое... Сегодня *Имболк*, я хотела построить иглу, помнишь?

В те времена София играла в собственный дом, как ребенок, забавляясь тем, что у нее есть свой собственный снег, своя собственная лужайка, своя собственная вода в колодце. Она три месяца собирала картонные пакеты из-под молока, и в прошлый свой приезд наполнила их подкрашенной водой. Теперь шестьдесят пакетов с разноцветными ледяными кирпичами ждали ее на веранде, Софии ужасно хотелось построить иглу до вечера, а потом смотреть, сидя на крылечке, как горит лампа внутри стеклянного купола.

— Будь на связи.

Дочь подтянула к себе собак, норовивших запрыгнуть в машину, и пошла к подъезду, а София запрыгнула в машину.

Ей было немножечко стыдно, что она бросает своих больше, чем на сутки, но иногда очень хотелось побыть в тишине, не сражаться перед сном с собаками за подушки (в однокомнатной маминной квартире было тесно от них самих и их вещей, и Софии приходилось спать на полу). Хотелось посидеть вечером на крылечке, хотелось просто подышать своим собственным воздухом... В доме она спала на коробках с книгами — но зато одна.

Он шел по коридору отеля и был зол сам на себя. Зачем он снова приехал сюда? Озвучить его в тон-студии «Мосфильма» мог кто угодно. Эта роль была противна Мишелю, и он был так рад расквитаться с ней... Но почему-то он снова здесь, и идет по красному ковру самого шикарного отеля в Москве, недоумевая, что он здесь делает.

Ну ладно, ладно, любую работу, даже неприятную, надо доделывать до конца, и этот уверенный в себе молодой режиссер прав: его уникальный тембр не повторит никто.

Ну вот он прилетел.

А группа оказалась в экспедиции вместе с режиссером — оказывается, они что-то там в Прибалтике не досняли... Как будто это не было ясно вчера, когда он садился в самолет!! Разве он мальчишка так распоряжаться своим временем, что они вообще себе навывдумывали о нем!

Хотя, если честно... Если честно, да, они его купили, и это была его последняя большая роль, хотя Мишель пока еще не мог этого знать. Но он чувствовал это всеми клеточками, да и как могло быть иначе, когда он столько лет потратил на запойный алкоголизм и непристойные тусовки, в которых гасил одиночество, внутреннюю тишину, вакуум и горе. Во всем мире в него почти никто уже не верил, только эти странные русские, которые обожали его любым. Как же было не вернуть им хоть капельку этой любви? Другой любви у него не было.

А еще Мишель любил Москву. Он обожал ее древнюю архитектуру и восхищался храмами, хотя, сказать по правде, кроме ресторанов он в Москве ничего толком и не видел. А еще здесь было холодно, как в Канаде, и ему уже не было забавно рассказывать всем, что он-де привык к холодам. Теперь его тошнило от снега, и от этой ненормальной беготни, в этой стране, где не соблюдаются никакие графики, а эти русские... От них больше шума, чем от итальянцев! И почему его вечно тянет к ним?

Тео рысцой трусил за его спиной, негромко о чем-то переговариваясь по мобильнику. Когда Мишель остановился у своего номера, Тео осторожно тронул его за плечо:

— Мистер Морель, сэр, — кашлянул он. — Здесь спрашивают вас...

— Кто? — скривился Мишель.

Ну вот, сейчас парижский агент вставит ему пистон в... по голове. Но это была не Оливия. Это был еще один молодой русский бездельник, который каким-то чудом узнал, что Мишель в Москве и несколько дней свободен. Этот режиссер задумал снимать короткометражку — «Я Вас не займу больше, чем на двое суток, сэр!» — и мечтал, чтобы в его картине снялся Мишель.

Мишель мрачно посмотрел на своего агента. Это какая-то шутка? Вот так взять и предложить ему, Мишелю Морелю, взять какую-то роль? Сейчас? Когда на него очередь в два года? Он снова изумился сомнению этих русских. Что они о себе думают, в самом деле...

— Они говорят, что заплатят столько, сколько ты попросишь, — шепнул ему тот. — А занят будешь максимум два дня. Режиссер уже здесь, сидит в машине.

Мишель вздохнул. За деньги он мог... много, в общем, чего он мог за деньги. Просто ему до смерти не хотелось работать, а хотелось посмотреть Красную площадь и Новодевичий монастырь. Но они сами это сказали, а Россия богатая страна... Ну ладно.

Он царственно кивнул, и тут же оказалось, что для съемок этой картины была выбрана чья-то усадьба в районе города со странным названием Тверь. Мишель содрогнулся при мысли о новой дороге — о пробках, снежных заносах и прочих радостях, о грязи и холоде, наконец...

— Они обещают вертолет, сэр.

Здесь бывают частные вертолеты? Мишель поднял брови, Тео кивнул. Посмотреть Россию с высоты, на которой летают птицы, было бы забавно, тем более что на севере от Москвы, ему рассказывали, множество прекрасных храмов. Будет что выложить в соцсетях.

— Это может быть интересно, — сказал он.

Они с Машкой искали этот дом пять лет. Пять лет колесили по Подмоскovie, то забираясь на юг, то нехотя устремляясь на север. Точки восточнее не рассматривались — грязь, вонь, отравленная вода и забитые трассы; там было очень дешево и очень подозрительно. «Владимирка — смерть», — говорили в Федерации Ездогого спорта, и впрямь, им приходилось по несколько раз в сезон болтаться по Шоссе Энтузиастов, переходящим во Владимирское шоссе, кинуть в многочасовых пробках, и каждая мысль о восточном направлении бросала Софию в дрожь.

На западе Подмоскovie ей тоже вроде бы нечего было делать, а вот Северо-Запад она любила. За чистые ветра, за высокие сосны, за

реликтовый лес и хрустальные родники... Но это было самое дорогое направление.

И вдруг в один прекрасный день она наткнулась в сети на рекламу нового поселка недалеко от Новорижского шоссе. Она увидела на фото свой дом и сразу влюбилась в него. На рекламном буклете к дому были припечатаны две сосны.

Там было недорого, потому что там ничего не было. Двое соседей жили постоянно — ближайший населенный дом через два участка от нее, с их площадями это было достаточно далеко. Там не было ни газа, ни воды, был только свет и канализация. Впервые в жизни София надавила на застройщика, удивив сама себя:

— В договоре написано, что здесь есть все коммуникации, без воды нельзя жить, придется вернуть деньги.

Ей было стыдно, что она говорит, как барыня, но на следующий день на ее участке появились brave парни, выкопавшие колодец глубиной в восемнадцать колец. Надо же, это, оказывается, работает.

София потом долго находила в отвалах куски горного хрусталя, халцедона и окаменелостей, а глина на глубине была синяя, годящаяся для огорода... И плевать, что ни на одной геологической карте Центральной России и в помине нет никаких кварцев.

София влюбилась в чистые небеса своей новой усадьбы, в соколов, живших на соседнем поле, в волков, рыскавших вокруг, и в медведей, чьи следы иногда виднелись возле калитки. Она полюбила гребень леса и кукушек по утрам, ясные росы и самую вкусную на свете воду. Полюбила даже то, что над ее домом постоянно дули ветра. Они нагоняли inferнальные грозы летом и снежные заряды зимой, но зато здесь всегда был чистый воздух.

И дом платил ей тем же. Переехав сюда, София перестала умирать от сердечной недостаточности: так уж вышло, что вода в ее колодце оказалась богата магнием и калием.

Ворота в поселок были не просто закрыты — они были завалены снегом, и когда навстречу Софии выскочил охранник дядя Леша и принялся раскапывать то, что надуло ветром, она отвязала от машины свою лопату и пошла помогать.

Вместе они кое-как отвалили хлопавшие на ветру ворота — клеенчатый рекламный щит с изображением ее дома.

— Ты сегодня надолго? — спросил дядя Леша, которому было до смерти скучно среди волков и медведей.

— До утра. Дорога тяжелая, хочу отдохнуть.

— Чем-то помочь?

— Да нет... Поброжу по дому, подмажу штробы.

— А то приходи вечером, посидим, я баню планирую.

— Хорошо, — кивнула София, чтобы не огорчать старика.

Какая баня, она и не одета для бани-то...

Мишель поморщился. Если еще Тео заговорит по-французски, его стошнит.

Режиссер по имени Роман смотрел на Мишеля настолько преданными и восхищенными глазами, что тому стало еще противнее. За всю жизнь он так и не привык к обожанию и восхищению, и смотреть на него как на звезду позволял только на соответствующих мероприятиях, в работе это всегда мешало. Он покосился на сшитые листки бумаги в руках у парня — тоненькая мятая книжечка.

— Что это? — спросил он по-английски. — Дайте мне.

Тео выхватил у неуверенного парня сценарий и протянул Мишелю.

Первая страница была заполнена французским текстом, очень хорошим.

— Что это? — снова спросил Мишель.

— Это Чехов. Это его рассказ «На чужбине», — английский давался парню лучше. — Вот это Ваш текст... У меня есть копия сценария на французском для Вас, но Вам все равно придется выучить несколько русских фраз, и...

— Что значит придется? — огрызнулся Мишель. — Кто Вам сказал, что я соглашусь на это?

Парень покосился на Тео. Тот кашлянул.

— Мишель, нам все равно нечем заняться эти несколько дней.

— Как это нечем? Лично я лечу домой.

— Вам понравится, — уверенно сказал парень. — Почитайте, пожалуйста.

Чехов... Мишель полистал сценарий. Улыбнулся. Это было интересно, неожиданно и любопытно. Мишель вошел в номер, уселся в кресло и прикрыл глаза. Перед ним тотчас же появились заснеженные елки, огромные, как в Альпах, маленький домик с садом, покрытым снегом, белые сахарные колонны, зеленая крыша, толстые русские женщины в цветастых платках... Он услышал даже глухое гуканье коровьего колокольчика и смех детей, играющих в снежки.

Мишелю страшно хотелось ванну, массаж и отдохнуть с дороги, и кроссовки жали, и что это такое вообще... Но Чехов. Он знал этот рассказ, он был очень смешной.

— Каст, — не открывая глаз, Мишель протянул руку.

Два балбеса продолжали жаться на пороге, но на его оклик русский подошел и протянул Мишелю свой планшет. Мишель уставился в экран. Барин хорош... глаза веселые, морда большая, видно, что не дурак поест. Мишель сглотнул — он был голоден. Толстая молодая женщина очень мила, с ямочками на щеках... Хохотушка. Приятная компания на пару дней.

— Какого роста этот человек? — он ткнул пальцем в барина с бакенбардами. — Если ниже меня, то смысла нет.

Парень назвал рост актера. Мишель хмыкнул и вернул ему планшет. Тео во все глаза смотрел на него. Он только сейчас представил, что скажет парижский агент Мишеля про страховку, про здоровье, про морозы и частный вертолет, про путешествие в глухой русский лес без охраны... Тео содрогнулся. Это все больше пахло авантюрой, за которую отвечать будет он, а не Мишель.

— Мы полетим на вертолете?

— Да, — засуетился режиссер. — Вы не волнуйтесь, это военная машина, и мы готовы покрыть страховку...

— А где я буду жить?

— Там же в усадьбе.

Тео застонал. Мишель наклонился и снял кроссовки.

Да, надо было в три раза больше коробок из-под молока... София вздохнула и обошла свое произведение вокруг. Маленький хрустальный домик из цветных кирпичиков был ей по колено, но он был очень красив, хоть и немного кособок.

София сфотографировала его и вошла в дом. Быстро опускалась ночь, у соседей вдалеке зажглись окна, воздух был невероятного сине-фиолетового цвета, и чернела вокруг поселка гряда вековых елей и сосен. Ах если б еще звезды... Но тогда было бы очень холодно.

Уютно, как в старой квартире, горели под крышей веранды два стилизованных под бронзу фонарика с рыжими стеклами. Их свет ложился на сугробы вокруг веранды, освещал белые рейки крыши, и было в этом что-то из девятнадцатого века. София выбрала этот дом именно за то, что он очень монтировался с этим местом — он был похож на барскую усадьбу, бело-желтый, с круглым стилизованным окошечком под коньком крыши, вот с этими белыми рейками крыш над крылечками...

И сейчас, зимней ночью, когда воздух был густым, как застывшее стекло, все это больше всего напоминало театральную сцену: и мягкий желтоватый свет, и далекое сияние чужих окон, и черная зубчатая стена вокруг. Стены маленького мира очень тесно обступили уютное пространство, и было это как раёк у бродячих трубадуров.

На подметенном крылечке горела туристическая лампа из матовой пластмассы. Рядом стояла маленькая миска с кефиром и лежало шесть оладий. София взяла миску в руки и поставила на приступочку за балюстрадой веранды — к саду. Это был дар для духов. Смахнув с приступочки снег, она положила рядом оладьи и несколько конфет.

Ее сооружение матово блестело в свете фонариков. София зажгла туристическую лампу и поставила внутрь домика. Ее мир сразу стал еще более уютным — сотня цветных окошек отразилась в окружающих иглу сугробах, это было невероятно красиво и сказочно, и этот таинственный свет, и вспыхивающие то тут, то там снежинки, висящие в плотном воздухе, и весь этот маленький мир...

Она попыталась сфотографировать иглу, но не вышло. Без вспышки не хватало света, а со вспышкой это было совсем не то...

София уселась на верхнюю ступеньку крыльца и закрыла глаза. Она услышала, почуяла кожей дыхание тех, кого не было видно. Они со всех сторон обступили стеклянный домик, заходили внутрь, топали по разноцветным сугробам. «Маленький народ» обожает творчество — это единственная магия, доступная только имеющим душу, то есть людям. В заснеженном саду сразу стало тесно, как на Венецианском карнавале, откуда-то донеслась мелодия флейты...

Сама того не ведая, в эту волшебную ночь София зажгла маяк, и этот маяк был не только даром для «тех, кто прячется в темноте». Он готов был притянуть на свой свет чью-то душу, заплутавшую под холодным бессмысленным небом.

Мишель лежал под одеялом, наблюдая за тем, как Тео возится с его сумкой. Спать им не хотелось, но вертолет будет ждать в десять утра на какой-то трассе к северу от Москвы, и Тео уже дал боссу лекарства, чтобы он заснул. Мишель улыбнулся и закрыл глаза.

Завтра он увидит русскую зиму с вертолета. Он обожал летать, сам водил самолет, и это новое приключение возбуждало его, заряжало азартом каждую капельку крови... Он вытянул ноги. Тело болело, как всегда, когда он переставал двигаться. Жизнь, полная путешествий, драк, перелетов и травм. В юности ему пришлось за год нарастить тридцать килограммов мышечной массы, слишком плотной для тонких костей, и его позвоночник каждый день напоминал ему об этом...

Почему он согласился на эту авантюру? Чехов, русская усадьба, пышнотелая барышня с ямочками на щеках?.. Конечно нет. Просто скоро все это закончится.

С недавних пор Мишель стал всеяден в проектах. Каждое предложение он ощущал как последнее, ведь мало ли что, он немолод, у него плохая генетика, и он пятьдесят лет гробил здоровье... Каждая роль была как последняя. Как любовь.

Тео что-то уронил, и он открыл глаза. Почему в его спальне ночью возится мужчина?..

Потому что ты, Мишель, распугал, уничтожил, растоптал всех своих женщин. Ты мстил им за то, что они — не Она...

Не та, что приходила в снах, не та, чьи легкие руки он ощущал на своих волосах, засыпая. Он перебирал женщин, как носки в супермаркете, но все они не были ею... Если не она — то никто.

Но ее нет... Мишель долгие годы болтался по миру, но так и не смог найти ее след. Друг сказал, что надо искать в России, где живут древние сказки, но как здесь искать... Тонкая ниточка чьей-то грусти тянула его, поэтому он иногда прилетал сюда, но не мог здесь оставаться. Россия для него была слишком волшебна, здесь жили странные сны, здесь было тревожно, вот и сейчас внутри него будто работал какой-то моторчик, вибрировал напряжением. Это было настолько сладко, что у него не выдерживали нервы. Как будто он прикоснулся к источнику слишком большого напряжения.

Тео внимательно следил за лицом босса. Мишель был ему не просто хозяином или звездой его агентства. Итальянец из маленькой деревни в предгорьях Альп вырос на фильмах молодого Мишеля, восхищался им, гордился и боготворил, и до сих пор не мог до конца осознать, что этот мифический мужчина — вот этот самый, чьи трусы он только что уложил в дорожный кофр.

— Тебе нехорошо? Что-то нужно?

Мишель помотал головой.

— Мне хорошо, — прошептал он и закрыл глаза.

И тотчас же его лицо обдало морозом, колкими снежинками, ароматом выпечки и огня. Она несомненно была где-то здесь, но он не станет больше искать ее, он так устал...

За приоткрытой дверью мирно вздыхал котел, разгоняя теплоноситель по трубам. Из глубины дома доносился топоток домашних. София, все так же закрыв глаза, дышала ароматами уходящей зимы.

Внезапно сквозь тонкий запах мороза пробился новый аромат. Чей-то парфюм ударил в ноздри, и София вздрогнула, ощутив, как мгновенно вскипела кровь.

Ну вот, уже галлюцинации...

Свечи догорали в вытопленных лужицах на крыльце. Повалил снег, и соседи пошли спать. Ей тоже пора.

София спустилась с крыльца, вытащила свою лампу из иглу и поклонила на четыре стороны:

— Спасибо вам всем за то, что вы со мной.

Ветерок налетел, забрался под куртку, донес еле слышный шепот маленьких голосов. София поднялась на крылечко и вошла в дом.

Вертолет подпрыгнул, вздымая тучи снега, и, раскачиваясь, стал набирать высоту. Мишель, вцепившись в подлокотники кресла, с любопытством смотрел вниз.

Косо уходила в глубину серая лента широкого шоссе, начинались леса, в которых то тут, то там, как грибы, торчали поселки, связанные узкими дорогами.

Они летели вдоль шоссе, внизу сновали машины, и было не очень интересно. Тео тронул его за рукав и показал назад: там, словно на дне огромного блюда, поворачивалась вокруг своей оси огромная Москва. Трубы заводов теплились сигаретными сиреневыми дымами, сверкали в восходящем солнце стеклянные башни Сити, похожие не то на гнездо сумасшедших термитов, не то на острые зубы. То тут, то там сквозь желтоватый смог вспыхивали искорки церквей. Москва, окутанная серо-розовым заревом утра, была величественна и ужасна, она была похожа на Мордор, и Мишель снова порадовался, что он летит в лес. Шестидесятилетний мальчишка прилип носом к стеклу.

София выкабалась из спальника и подошла к окну. За ночь напал снег, и теперь все вокруг было похоже на застывшее море сплошного серо-голубого света. Только за дальними елками расплескалось розовое — над низкими тучами взошло солнце.

Дышал, пощелкивая, котел в глубине дома, домовые возились в ванной, а в небесах над крышей нарастал рокошующий гул.

Вертолет...

София выросла среди летчиков, и восторг перед небом был у нее в крови. Вот и сейчас она сбежала по лестнице и толкнула дверь веранды. Дверь открывалась туго, и она навалилась на нее всем телом, преодолевая сопротивление наметенного за ночь сугроба.

Проваливаясь по колено, набирая холод в сапоги, она вышла на открытое пространство будущего сада и задрала голову. Рокот нарастал, но источника пока не было видно — наверное его скрывала крыша.

Мишель задремал, но его разбудил восторженный возглас Тео. Мишель хмуро покосился на него, но тот что-то кричал, тыча пальцем вниз.

Мишель глянул туда и ахнул.

Тонкие сосны убегали от вертолета с пригорка вниз, между ними сновали фигурки лыжников, а над ними... Зеленая лента галерей опоясывала, как венком, вершину холма, внутри этого венка лежал настоящий свадебный торт: белый, в маковках засахаренных бус, с золотыми куполами, древний монастырь.

Сидевший позади него Роман наклонился к самому уху Мишеля.

— Это называется Новый Иерусалим! — крикнул он. — Мы пролетаем над самым сердцем Русской Палестины!

— Русская Палестина?

Мишель уже слышал это название, читал в юности, что масоны очень боялись этого места. Это было сердце всей светлой Магии, часть энергетической сети древних храмов Европы. Он обожал древние легенды — и вот перед ним величественно плыла одна из них, вся осыпанная жемчужным снегом, как фатой невесты... Какие странные ассоциации, в чем дело?

Мишель вытащил айфон.

— Пусть пролетит еще раз! — крикнул он, показывая гаджет.

Тео замахал руками, Роман кивнул и стал торопливо пробираться к пилоту.

Вертолет был прямо над ней, он словно выпал из облака и зашел на широкий круг над монастырем. Началась метель, но София не могла оторвать глаз от машины в небе, как будто от этого зависела ее жизнь.

Облетая холм, они увидели маленький поселок, после которого начиналось поле и лес, и что-то заставило Мишеля снова припасть

к стеклу и всмотреться в пейзаж. Ничего особенного, дом как дом. Мишель проводил его взглядом, не понимая, что так сладко толкнуло его в сердце. Как будто чей-то взгляд.

А потом на окно надвинулся огромный купол главного храма.

Громада монастыря манила и пугала, и этот огромный серый купол с сотнями окошек был настолько необычным, что Мишель сделал несколько снимков.

Через полчаса он выложит в Инстаграм пост под названием «К северу от Москвы», и друзья начнут спрашивать, что занесло его в Россию... И он не сможет им ответить.

Это было нельзя объяснить. Ему просто сделалось вдруг очень хорошо, словно бы он только что пролетел над своим любимым и единственным домом. Домом, где он найдет покой.

Какая странная мысль. Какой покой? Какой дом? Его дом — весь мир... Мишелю вдруг почувствовал, что замерз, как будто кто-то сдернул куртку.

Вертолет вместе со своим кошачьим рокотом улетал за кромку леса, а София все никак не могла отвести от него взгляд. Черная точка в небе с каждым оборотом винта как будто наматывала какую-то тонкую нитку. Над ее домом летали сотни вертолетов, но только этот вел себя так, что у Софии разрывалось сердце.

— Возьми меня с собой, — прошептала она и испугалась.

Это было странно, очень внезапно и непонятно. Вертолет улетел, София села в сугроб и заплакала. Острая тоска навалилась на нее, словно небо упало всей массой, мир погиб, и вокруг на миллионы километров — серая пурга.

Она сидела, пытаясь понять, откуда взялось это чувство потери, сидела, пока не промокли утепленные штаны. Потом поднялась и побрела к дому.

Монастырь давно исчез за заснеженными елками, а Мишель, вывернув шею, продолжал смотреть назад, как будто потерял там что-то очень важное, что-то не успел разглядеть со своих сияющих вершин.

Они встретятся только через десять лет. И все эти десять лет София будет вспоминать эту снежную метель и маленький вертолет над лесом, а Мишель снова решит искать ее и снова не найдет, и отчается, и будет молиться.

Они были такими разными — эта русская писательница-домоседка и капризная французская кинозвезда, но древние снега Русской Палестины, на секунду позволив им встретиться взглядом, навеки связали их судьбы, и два пути в хитросплетениях подснежного мира, путаясь и плутая, стали неумолимо приближаться к одной далекой точке.

Истра, 19 апреля 2026 года

Екатерина КСЕНОФОНТОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

- Лёнька, Лёнька! Глянь, что я нашёл!
- Кидай, Петька, в ведро, дома глянem.
- Да тут много, на растопку пойдёт!
- Бяри всё!

По пепелищу неделю как сгоревшего дома лазали в поисках сами не зная, чего, двое мальчишек лет десяти. Дом стоял с краю деревеньки, отделённый от улицы пожарным водоёмом, давно заиленным и служившим долгие годы источником самых лучших червяков для гусей. Когда дом загорелся, гусятинная столовая остановила распространение огня и защитила от пожара соседние избы.

- Лёнька, глянь, что я нашёл!
- Дай посмотрю.

Петька засопел и начал перебирать черными от золы пальцами обугленную по краям плотную стопку листов, покрытых изящным летящим почерком.

- Это, наверное, она письма писала!
- Кто?

- Да городская, какая здесь жила.
- А, знаю, в шляпе всё ходила...
- А что не отправляла-то?..

Петька пожал плечами, примостился на груди осыпавшихся в огне печных кирпичей и начал разбирать непривычный лёгкий почерк. На обгоревших листах сохранились дневниковые записи владелицы сгоревшего дома.

7 июля 1996

Возвращаюсь из отпуска поездом. Проехали поле зонтиков. Их трепещущий белый ковер сменился самоцветными россыпями многоцветья, пошли то скошенные луга с рулонами сена, то нескошенные луга и на лугах редкие коровы, лежащие на прохладной траве, спасаясь от зноя. Проехали Орёл и начались просторы с серыми деревеньками и редкими церквями. Небо нависает самое русское, голубое с кучевыми белыми и сизыми облаками. Наконец показалось и поспевающее поле, уже золотисто-тёплое, одним своим видом дающее силу и радость. Всё это было настолько прекрасно и самодостаточно в своём великолепии полноты и сдержанной гармонии, что наполняет ощущением счастья причастности и благодарной любви. Пошли зелена. После крымских степных палевых тонов они спят сочной яркостью, и я знаю, сейчас над ними слышны жаворонки.

Так сильно я хочу обнять тебя, Родина.

16 июля 1996

Выдержала дома только неделю. Асфальт плавится от зноя, дышать невозможно, работать тяжело, голова туманная от жары. Бедные люди, которым некуда деться летом! А мой домишко в деревне радует несказанно — и диссертация там быстрее напишется.

Приехала — и попала в пору сенокоса. Знакомое до сладкой боли чувство охватило, защемило где-то под ложечкой и сразу далеко-далеко отошли и море, и солнце, и радужная галька на берегу, и даже степная полынь перестала манить своим тонким и не таким терпким, как в средней полосе России, ароматом. Вот мужичок накопил целый воз и наполнил свежей зеленью прицеп к автомобилю. Родное, с первых шагов ощущаемое и потому незаметное уже чувство радости от

встречи с милой деревней и домом наполнило внутренним покоем и теперь отчётливо осознаваемым ощущением причастности только к этой неповторимой и чудесной земле. Тонкие молодые берёзки доверчиво стояли вдоль железнодорожной полосы и пели хором какую-то протяжную старую песню о жизни и судьбе. Розовато-сиреневые стрелы иван-чая покачивались в такт пению, а редкие ромашки, купавки и пижмы словно сбегались на опушку, вслушиваясь и кивая. Стоит июль, в лугах зной, видно, как воздух колеблется, а в рощу зайдешь — и обволакивает свежестью.

Вечером пришли соседки. «Варькяа», — кричали, — «иди возьми-кя, огурцов вядро и лучкя... поди нет у тебя!» Люблю их, сердечных.

19 июля 1996

Тяжела задача обустройства участка. То косила, то грядки сажала. Который день в поте лица своего, как и завещано. Не успеваю как следует поесть, обедаю молоком с хлебом. Заварка прокисла на жаре, да и некогда пока что чаёвничать, пью родниковую воду, а она — сладчайшая.

Вечером к калитке пришел сосед с приятелем, два старых любителя выпить надеялись выклянчить угощение. Видели, как прошлым летом строителям крыльца к нашей баньке стопочку в конце работы поднесла. Надо было меньше доверять советам местных доброхотов! Вот ведь беда, теперь соседки запомнили, что водку здесь видели. Минут сорок эти двое всё гундели и выпрашивали, на свой лад подхваливали, что я-де добрая и понимающая, а у них повод есть, надо отметить им свою встречу. Никак уйти не хотели, больше не у кого им просить — местные мужички сами в таких же поисках, а бабы могут и поленом угостить. Что было делать, уже темнело, надо гостей непрошенных отвадить... Решение родилось неожиданно. «Да, — говорю им, — водки нет, а самогонку поставила, да она ещё не готова». Мужички вскричали: «Неси, неси, попробуем». Ну и подала им прокисшую заварку в гранёных стаканах. Они жадно глотнули, губами зачмокали и скривились: «Да, не готова...» Поняв, что здесь выпить больше нечего, ушли наконец. И смех, и грех.

21 июля 1996

Мои радости: добралась наконец на рассвете до родника и нашла по дороге разросшуюся высокую краснокнижную серпуху и кокушник комарниковый. Не ожидала такого дивного события, как бы теперь эти бесценные редкости убережь. Кокушник в одном экземпляре, ярко-розовая свечка издали была видна. На горе среди карстовых выходов известняков, на песчаных насыпях нашла ковыль Залесского, тонкий и изящный колыхался на ветру, красавчик, и есть мордовник обыкновенный, причём мордовник в большом количестве и на лугу тоже имеется.

22 июля 1996

Сегодня ночью спать не могла. Соседушка хоть и на другой стороне прудка, но громко и отчётливо в тишине завывал и разговаривал со своей собакой до утра, что бывает, когда бедолага напьётся недостаточно для того, чтобы уснуть. «Мося, ты одна уважаешь меня, одна понимаешь меня. Мося, ты же понимаешь, что я хочу сказать. Давай поговорим, Мося. Ууу-ооуоуоуу...» — и, как заведённый, на разные лады голосил до рассвета. Умная Мося, глядя из будки на сидящего на траве напротив хозяина, редко и тихо взвизгивала. Зато от души с разных сторон то лаяли, то скулили три соседские собаки. Утром сосед наконец навылся и убрался в дом. А мне вставать уже через час на рынок за молоком и лампочками для подсветки сеянцев.

23 июля 1996

Днём сидела на траве возле порога своей старой избушки, отдыхала от работы на огороде и любовалась на стрекоз. Воздух чистейший, тихо, благодать... «Эй!» — раздался грубый голос за спиной. Обернулась — на меня смотрят прозрачные, почти белёсые выпуклые шары глаз, выражающие тупое и ясное желание. «Ты, это, скучашь небось? А я, это — сходил в баню!» — глаза стали по-собачьи угодливыми и просящими.

«И я оделся чисто!» Действительно, загорелая шея была красиво оттенена вылинявшей на сенокосе свежeweыстиранной льняной рубашкой. Тут голос стал ещё грубее, и он хрипло предложил: «Хочешь, грибов принясу?» И пересохшие губы задрожали.

Это был местный безработный мужичок — Андрюха, которого мы с мужем нанимали когда-то ставить забор. То есть перелез через этот самый забор там, где за яблонями не видно, подкрался. Медленно встала, чтобы он не понял, что ухожу, сделала шаг к двери и — успела быстро юркнуть в дом, запереться на замок, заложить дверь железной трубой-засовом. Оттуда и ответила, чтоб больше через забор не лазил и ни на что не рассчитывал. Резко отвечать нельзя, как говорят местные, надо «уважить», иначе проблем потом не оберёшься...

24 июля 1996

Чудесную птицу видела в саду, вяхиря. Оперение играло на солнце, переливалось от меди к синеве, порхал, ягоды клевал, на меня оборачивался, но не улетал. Как будто привет передавал. Вспоминала тебя, ангел мой, Илюшенька, весь день поминала. Вроде нет тебя, а как будто живой и рядом, только делать всё одной надо.

* * *

— Чаво ты, Петька? Потом считаешь, уже тьмнеет, на завтрашнюю рыбалку пора собираться, забыл, ведь нас дед Агафон звал с собой! Покажет, где угри норы роют, угри там больно жирнющие!

Петька нахмурился и протянул, что не рыбалку завтра не пойдёт. Он читать много хоть и не привык, но интересно ему было. Особенно — про родную деревню.

26 июля 1996

Произошло откровение. Баба Маня, которая всегда помогала советом и казалась кладезем народной мудрости, сама вызывалась помочь в прополке и прочих огородных заботах, пришла ко мне в сумерках с разговором. Он был безыскусным. К бабе Мане приехал из города на недельку престарелый и пьющий сын, которого бросила недавно жена. Видела я его вчера — заводской работяга крошечного роста, немый, корявенький, с глазками-гвоздиками, лицо сморщенное, кислое, из кармана мятого пиджачка, покачиваясь во время ходьбы и почти выпадая, глядела наполовину выпитая бутылка водки. И вот в мой собственный дом, ко мне — образованной, молодой, столичной и не бедной женщине, никогда не дававшей повода для сплетен, приходит

малограмотная, трудолюбивая и казалось, заботливая и равнодушная деревенская старушка и предлагает, наклонившись близко, почти по-родственному, но пряно улыбаясь: «А вот ко мне сынок приехал, ему сейчас тижало, так ты его прими, прими. Пока молодая, порадуй себя. Небось хочца! А то что вдовой-то пропадать! Потом жалеть будешь! Да от тебя не убудет. А он тебе грибов принесёт!» И буравчатые глазки бабы Мани плотоядно блеснули.

Думаю, что это они все про грибы заладили? А вот такая она, крестьянская практичность. Сейчас полоса грибная как раз, белые пошли — и собирать легко, и не стоит ничего. А какой натуральный обмен можно «произвесть»!

Спроварила бабу Маню вежливо, заперлась на засов.

А сегодня шла мимо её дома на автобусную остановку, и услышала, как добрая старушка внучку-первоклассницу поучает: «Чаво ишшо! Не выдумывай, не надо быть ботанихой, как тётя Варя, баловство это, всё в цветах ковыряется, не пойми на кой они, цвяты энти, ни пользы, ни денег. Вот иди лучше класть кирпичи, как тётя Галя. Там всё понятно — сколько положила, столько получила. И всегда с работой будешь, всегда сытая!» Думает, ботаникам в отличие от каменщиков есть нечего, так за грибы на всё согласны будут!

Где ты, песня моя? Почему не льешься, а тихим стоном еле слышно выдыхаешься из груди? Почему не хотят смотреть глаза, не хочет весело стучать сердце? Неужели пришёл уже тот час, когда становится всё безразлично и небо становится тёмным и душным покрывалом?

Почему я так устала?

27 июля 1996

Придётся сестру или друзей пригласить пожить, если согласятся. Что же действует на местных, солнечная активность повышенная или это всегда так? Прямую речь понимают не прямо, а истолковывают на свой лад, переиначивают смыслы и факты, как самим захочется, а потом сами и верят в это.

Ходила за белыми в ближайшие лощины, как партизан за языком. Не дай Бог встретить никого. Урожай богатый, два часа — две корзинки. На обратном пути с горушки баба Надя стала звать меня: «Варь-кяаа, Варькяаа! Зайди, дам тебе блинкяаа!» Зашла, погоревали по-ба-

бы, мужу её память нынче. Спела мне «Сронила колечко» на старый лад, пела хорошо, долго и неожиданно нежно. Поплакали. Спросила её про Андрюху, что делать. Она заохала — лезут со свиным рылом в калашный ряд! Мужик он наглый и злой, себе на уме, говорит, поймёт, только если матом его прогонишь, да и то если согласится.

Радость: скоро приедет Мила. Выручай, сестрёнка!

28 июля 1996

Мила приехала вчера вечерним автобусом...

А ночью у нас баня сгорела, дотла. Мила отвезла моё заявление в милицию. Мужички местные обрадовались подработке, сами пришли разбирать пепелище.

31 июля 1996

Три дня как сгорела баня. Новая совсем, два года назад ещё мужем построенная, бревенчатая, в два этажа. Сама она сгореть никак не могла. Подожгли мужички-строители из соседней деревни, да больше и некому. Всё приходили последний месяц, водочку клянчили. Отвечала им, что за труд оплату и угощение ещё в позапрошлом году получили, а теперь-то за что их угощать? «А ничаво, — говорили, — жалко тебе, что ли. Уважь, чай от тебя не убудет». Бабы некоторые приходили, жалели меня, приносили молоко, картошку, лук. Общинная поддержка ещё жива и выручает в трудное время. Только окна лучше не открывать, то одна голову засунет, то другая, спасу нет. А соседка по улице, старуха по кличке Свистуха, так и подавно, по пояс в окно влезла, головой во все стороны крутила, интересовалась, оставляю ли на зиму ведра и одеяла? Ответила, что всё, всё увезу...

2 августа 1996

Утро. Милочка спит, как в детстве любила, руку под подушку кладёт. Ночью была сухая гроза, громы и сполохи по всему небу перекачивались, зрелище космическое, живой Эль Греко. Вспышки яркие, широко высвечивались попеременно с разных сторон, ни на что не похожие, а молнии голубого цвета, словно трещины, прорезали бархатную темноту неба. Хорошо, что местные все грозы боятся, сразу свет выключают и всегда дома сидят, можно было ночью в окно спо-

койно выглянуть. Открыла окно и любовалась, а воздух такой свежий, что можно его пить. Илья Пророк! Будет ли большая гроза днём, как каждый год бывает?

10 августа 1996

Перебранки, которые происходят здесь регулярно, довольно яркое зрелище. Сегодня две местные пожилые бабы установили рекорд по его длительности. Пошли выкапывать лук с пяти утра, и до двенадцати переругивались без перерыва и с большого расстояния, так что слышно было на все огороды (а мы засекали время с сестрой, это её идея). Потом бабоньки сделали перерыв на обед, через час возвратились, и до пяти вечера продолжилось то же — крики, брань, искры. Кто с чьим парнем в молодости целовался под мостом, а кто у кого ведро картошки накопал пятьдесят лет назад, кто занял и не вернул, да кто кого оговорил и «сколдовал», чем болел, в чём «опозорился». Особенное подробно происходил разбор, кто из них что кому и про кого «передал». Кричали благим матом, припомнили все грехи молодости друг другу, потом перешли на родственников и друзей, и всё это без пауз, на одном дыхании.

Вопили так, что весь день мешали сосредоточиться.

12 августа 1996

Рекорд-перевёртыш. Мы с Милой полагали, что теперь после яростных, полной ненависти и злобы, с нашей точки зрения смертельных оскорблений, которые выслушивала вся деревня, эти бабы рассорились. Каково было наше изумление, когда мы увидели их на следующий же вечер сидящими рядом на завалинке, с семечками, голова к голове в своих ярких платочках. Спокойно обсуждали они свежие деревенские сплетни и решали, когда топить баню, сейчас или через часок и кто веник принесёт (париться ходят вместе). Одна из них поделилась, что у неё второй день болит голова, потому что её Любка — чёртова голубка — вчера на огороде «сколдовала».

14 августа 1996

Проснулась, солнце играет зайчиками на стенах, искрится на стальном чайнике, радугой бликует на стёклах пробирок. Проверяю

долгожданные ростки на подоконнике — и чувствую, что-то не так, взглянула в окно — у двери дома на ступеньках лежит ветошь, серая тряпка. Думаю, наверное, ветром с чужого огорода принесло. Всмотрелась — а это никто иной, как Андрюха, опять влез на участок и спит прямо под дверью, а рядом с ним валяется в траве большой подсолнух и много окурков. Хорошо, что ночью мы с сестрой из дома на участок не выходили. Нароботались за день и спали, как убитые!

15 августа 1996

Терпение иссякло, после напрасных попыток объяснить Андрюхе, что его место за пределами моего участка и через забор лазить нельзя, посетила деревенского участкового. Ехать пришлось в рабочий посёлок к нему домой, дома и находился опорный пункт милиции. Добираться до него пришлось на автобусе и затем пешком. Жилище это находилось в одноэтажном типовом деревянном доме, разделённом на две половины. Крепкий на вид участковый, голый по пояс, заполнив полкомнаты своим полным розовым торсом, сидел за столом, обедал и смотрел телевизор. Выслушав мой рассказ, он ухмыльнулся и спросил: «А ты что, не рада? Раз через забор полез, значит очень хотел. Что плохого-то? Радоваться надо. Я обычно только к трупам выезжаю, бензин нынче дорогой. Вот вчера был повод, выезжал. А в вашу деревню, как буду мимо проезжать, может и заеду на неделе, проведу с ним беседу. А что баню сожгли, так это теперь не доказать. Сгорели все следы, ну что ж поделать, бывает». Он принял заявление, положив его на клеёнку рядом с тарелкой дымящейся солянки, и думаю, вряд ли когда-нибудь ещё раз увижу этого человека.

Выйдя от участкового, повстречала Елену Ивановну, пожилую дачницу из своей деревни, которая тоже приходила к нему. «Третий год хожу, как на работу, каждый отпуск сюда! Правды добиться не могу. То одно, то другое. Разворотили все полы в доме в сентябре, после нашего отъезда, водку искали. А ей откуда там взяться? Думали, приедем в следующем году, отдохнём. Приезжаем — а нет ни полов, ни проводов, ни даже розеток! Всё с корнем выворотили. И знаем, кто, да не хочет наш участковый с местными отношения портить. Вы, говорит, уедете, а мне здесь жить. Иди, говорит, жди, приеду, как смогу. Да только воз и ныне там».

Вернулась — соседские бабы опять ругаются — кто кого «сколдовал» и «сглазил».

* * *

Петька, загорелый, курносый, с головой, похожей на крепкую луковичу, молча сидел на берегу речки. Лицо его слегка осунулось и стало взрослее. Он думал, надо ли рассказывать другу о том, что понял из найденных на пожаре записей. Наконец он решился.

— Лёнька!.. Прочитал я... Хозяйка в город к сестре уехала в тот день, а Андрюха пьяный вечером у ней окно вышиб и залез, прямо на стол у окна повалился, а на столе у ней всякие склянки с растениями стояли, по работе, вот он их обронил, огонь и занялся. Деда говорит, спирт там у ней был, и лампа горела специальная, для проростков. Кабы знал я, зашёл бы на них поглядеть...

— Выходит, Андрюха это учудил!

Помолчали.

— Дак это ей связало, что жива осталась. Да чаво он полез-то, совсем отвязалси?

— Дед говорит, он в посёлке в тот день самогонки купил, а она в голову шибает, её у нас и не бярёт никто, дураков больше таких нету. Вот она шибанула яво, и полез к ней сначала, жанихаться, всё там опрокинул, пожар занялся, он тогда вылез из её дома-то, сбжал, чудил, воявал, кулаками размахивал, по дяревне бегал всю ночь, глаза выпучил страшно, кричал бялугой, на Пантелеевом доме порошки зачем-то отломал и заборы Гришуткины у дороги все повалил. А в еённом дому как разгорелось и дым пошёл, такой густой, чернющий, даляко видать, дак и мы, и все Петровы, и Кисели, и Митрушкины тогда с лопатами да с вёдрами побяжали, тушили, тушили, дак поздно было. Она ту ночь у Любки-то просидела, а утром на первом автобусе уехала, ничего у ей не осталось почти, платье старое соседка дала, дед сказывал, одну сумку с тетрадками только увязла, она всё писала чтой-то. А таперича на месте пепелища еённого дома с баней никто строиться нипочём не захочет.

— Новая пустошь будет, походу уже чатвёртая. Вон у бабы Мани пепелище рядом, всё заросло напрочь, не пройти-не проехать, и не бярут землю энту никто!

Друзья посидели ещё немного, собрали нехитрые снасти, плетёную корзину с выловленной плотвой и ершами, и пошли с рыбалки домой. Окошки деревенских изб в сиреневых сумерках засветились тепло и маняще, и слышно было, как начали стрекотать сверчки. Привычно ступая босыми ногами по траве с крупной вечерней росой, мальчики не чувствовали холода земли. Холодок другого рода смутной струйкой проливался в их юные души, заставляя непривычно молчать всю дорогу.

Дойдя до деревни и расставаясь на развилке, они остановились и взглянули вверх. Над головой, сверкая звёздами, открывалось огромным куполом молчаливое и прозрачное августовское небо.

Игорь КЕЦЕЛЬМАН

ЖЕНЬКА

В последний раз я увидел Женьку в дирекции. Стояла рядом с секретаршей. В теплой шубке (зима), с открытой головой — без шапки, без платка. Всегда так ходила.

— А Женя от нас уходит, — сказала секретарша. — Вот я ее телефон записываю.

— А мне телефон дашь? — спросил я.

Женька молча на меня посмотрела. Потом кивнула:

— Запиши.

Мы познакомились здесь же, в дирекции. Невысокая, худенькая девушка стояла у раковины и мыла посуду. Светлые волосы, нежное лицо. Рядом — стул с подносом, туда она ставила чистые чашки.

— Давай помогу.

Взял поднос и отнес в конференц-зал. Там шкаф с посудой.

Потом вернулся.

— А ты знаешь, что у тебя фамилия, как у последней возлюбленной Маяковского? Тебе это говорили?

— Говорили, — кивнула она.
 — А не спрашивали: почему ты его убила?
 Девушка польщенно улыбнулась.

Мокрая жесть крыши. Снег падал на нее и сразу таял. Словно крыша живая.

«А у Женьки тает?» Скосил на нее глаза. Но Женька уже накинула на голову капюшон. Снег шел густой.

— Никого нет... — сказала она.

Мы стояли у чердачного козырька — деревянной будки посреди крыши. Окно выбито. Через него и выбрались наружу.

— А кто должен?

— Ну я же тебе рассказывала: мы собирались здесь, говорили о Писателе, стихи читали. Я тебе показать хотела.

— Спасибо!

— Не за что.

Женька отвернулась и пошла по крыше прямо под густой снег, потом остановилась, подняла лицо кверху и что-то выкрикнула. Имя какое-то. Капюшон откинулся... Волосы у нее были мокрые.

Я подошел и взял ее за руку:

— Пойдем, простудишься.

— Ты, как мой муж... — тихо сказала Женька. Но пошла за мной.

Чердак. Какие-то доски, ржавое железо, мелкие камешки под ногами, черные как зола.

Женька высвободила руку:

— Пусти, волосы поправлю.

С чердака в подъезд, лестница вниз, шесть этажей. Стены в рисунках и надписях. Цветные. Когда поднимались, хотел рассмотреть, но Женька торопила: «Пошли скорей, стемнеет!»

И стемнело. Уже полумрак. Женька шла впереди, руки она держала в карманах.

— А где жил Писатель? — спросил я.

Она обернулась:

— Там, наверху... Мы уже прошли. Хочешь посмотреть?

— Ладно, потом.

Мы вышли во двор. Арка на улице. Машины мелькают.

Женька повернулась ко мне:

— Я пойду? Мне еще на работу нужно.

— Я тебя провожу.

Она кивнула:

— Хорошо.

Женька работала у переводчиц. Печатала для них, отправляла почту. И мыла посуду после иностранцев.

Снег перестал и Женька тут же сбросила капюшон куртки.

— Простудишься, — сказал я.

Покачала головой:

— Нет, не простужусь.

Небо хмурилось. В тяжелых тучах. А снега не было. Фонари зажгли.

Женька шла на работу — что-то допечатывать.

— А ты в зоопарке кто? — спросила, пока шли.

— Перевозчик животных.

— Что это?

— Животных вожу, в другие страны отправляю, в зоопарки.

— И сам с ними ездешь?

— Нет, только до аэропорта. Бумаги там оформляю. А в другие страны — директор ездит.

— Плохо, — сказала Женька.

— Конечно, плохо.

И была еще встреча.

Мы стояли у пруда, рядом с дирекцией. Зима, а вода не замерзла — компрессор работает. Птицы плавают. Утки и два черных лебедя. Со всем рядом с нами. Здесь в воду корм высыпали.

Утки громко кричали, подбирая зерно. Некоторые ныряли. Ныржи. Лебеди, опустив головы в воду, вылавливали размокшие зерна.

— Как их много! — Женька показала на уток.

— А они только до весны. Скоро улетят.

— Я тоже наверно скоро уйду, — вздохнула девушка.

— Почему?
 — Да Маринка из декрета выходит. А я на ее ставке. Придется уходить.
 — Договорись где-нибудь еще в зоопарке.
 Покачала головой:
 — Не возьмут. Переводчицы везде обо мне рассказали — какая я плохая, ленивая, работать не хочу.
 — Чего они так?
 — Им не нравится, что ты ко мне ходишь. Аж перекашиваются.
 Я вспомнил, как недовольно смотрела на меня сегодня переводчица, полная женщина в очках, когда я зашел за Женькой.
 — Значит, я виноват?
 Женька кивнула.
 — Теперь ищи мне работу.
 — Но я ничего не знаю... Сам здесь сижу. Никуда не могу уйти.
 Улыбнулась:
 — Испугался? Успокойся. Ничего не надо.
 Она стояла, облокотившись об ограду (железная сетка, сверху перилки), и смотрела на птиц. Потом вдруг спросила:
 — А лебеди весной тоже улетают?
 — Нет, — ответил я, — они не могут. У них крылья подрезаны.
 — А кто у тебя крылья подрезал? — тут же спросила Женька.
 — Сравниваешь меня с лебедем?
 Помотала головой:
 — А разве только лебедям крылья режут?
 — Нет.
 — Кому еще?
 — Ну, пеликанам, бакланам...
 — Баклан, — сказала Женька.
 — Женька...
 — Что?
 Я обнял ее.
 — Не надо, — сказала она.
 — Почему?
 — Я мужа люблю.
 — А со мной зачем?

Пожала плечами.
 Мимо проходили какие-то люди, и Женька высвободилась.
 Подожди, не уходи, — попросила она. — Расскажи что-нибудь.
 И добавила:
 — Не хочу на работу — печатать заставят.
 Пруд, а рядом дирекция. Желтое здание с коричневой дверью.
 Лестница наверх, и там, в одной из комнат, Женька и сидит вместе с переводчицами. А под ними, внизу, топчутся в загонах антилопы. И раз в год заведующий секцией ходит к ним с большими ножницами — копыта стричь.
 — О чем рассказать?
 — Ну хоть о Маринке. Правда у нее муж погиб?
 — Правда. Его змея укусила. Откачать не смогли. А через три дня Маринка мальчика родила.
 Женька сделала огорченное лицо, но думала о чем-то своем. На воду смотрела.
 — Еще расскажи...
 — Могу с подробностями.
 — О чем?
 — Ну, про гибель.
 Покачала головой:
 — Не надо. Про что-нибудь смешное расскажи.
 Смешное?
 — Про слоненка слышала?
 — Нет...
 — Недавно родился. Никто не ждал, по слонихе-то незаметно.
 И вдруг — слоненок. Сашка-сторожил смешно рассказывал: «Утром рабочие пришли навоз забирать, а там слон стоит!»
 — А можно на него посмотреть? — спросила Женька.
 — На Сашку?
 — Нет! На слоненка.
 — Можно.
 — А нас пустят?
 — Конечно.

— Какой он сильный! — сказала Женька с восхищением.

Не слоненок. Женька у клетки с тигром остановилась. Толстые лапы, полосатый хвост. И по бокам тоже полосы.

— А почему он так ходит? — спросила она.

Тигр, не останавливаясь, двигался вдоль решетки. Доходил до конца и тут же обратно. И опять.

— Замкнутое пространство, — объяснил я. — Человек в тюрьме тоже так ходит — взад-вперед. Ленин, говорят, целую дорожку протоптал.

Женька удивленно на меня посмотрела.

— Сейчас спросишь: а кто это такой?

— Нет, я знаю. Только откуда у него в камере ковер был, чтобы дорожку...

— Ну, значит, в Смольном или Кремле протоптал! Не важно.

— Или в снегу, — добавила Женька.

Я кивнул:

— Ага.

Мы шли сюда по снежной дорожке, по бокам — сугробы, дворники лопатами навалили, когда расчищали.

Женька подошла ближе к клетке и, глядя на тигра, ласково произнесла:

— Та-а-йга, та-а-йга.

— Что это?

— Тигр по-английски. Переводчицы научили.

И грустно добавила:

— Ленин из тюрьмы вышел, а тайга — никогда.

— Что поделаешь, — сказал я.

Со всех сторон сквозь решетки (стальные прутья в ряд) к нам тянулись хоботы. А мы посередине, в узком проходе между загонами слоновника. Больше — никого. Только слоны у самых решеток. Уши-лопухи и длинные хоботы, словно трубки от противогозлов, тянутся к нам.

— Потрогай их. Не бойся! — сказал я Женьке.

Девушка протянула руку и осторожно погладила слона по хоботу.

— Теплый, — сказала она, — и шершавый.

И повернулась ко мне:

— А ты?

— Господи! Тысячу раз!

И я сжал хобот всей рукой, но тот вывернулся из моей ладони и опять потянулся ко мне. Словно просил что-то.

— Думают, мы им что-нибудь вкусное принесли, — сказал я Женьке.

— Вкусное?

— Ну, фрукты, бананы...

— А им не дают?

— Сеном их кормят

Я кивнул на тюки сена, лежавшие перед входом, у высоких дверей, створки полуоткрыты. Через них мы вошли.

— И все?

— Еще картошка и хлеб. Из булочной возят, тот, что не раскупили.

— А если раскупили?

— Значит, ничего.

— А фрукты — слоненку дают. Вон он.

Я показал на соседний загон.

Напротив решетки, у бетонной стены, стоял маленький слоненок. Тоненький хобот свисал до земли. Рядом — большой слон. Его мать. Слоненок — под ней, прямо под животом. Как маленькая матрешка внутри большой.

— Какой маленький! — удивилась Женька. — Как игрушечный.

И оглянулась на меня:

— А другие слоны у него фрукты не отбирают?

— Не знаю... Да не должны...

Женька улыбаясь смотрела на меня.

Подошел еще один слон и совсем загородил слоненка.

— Посмотреть не дали! — огорченно сказала Женька.

— Так и будет стоять?

— Пока не уйдем.

— Ну так пойдем! — сказала она и перешла к следующему загону.

— Почему пустой?

— Здесь человека раздавили.

Пустой загон, дверца приоткрыта, в углу кучка гнилой соломы. Подстилку сгребли и не убрали.

Женька молча на меня смотрела.

— Здесь работал один, Володя его звали. Приветливый, руку всегда тянул, поздороваться. У него привычка была — на ночь у слонов оставаться. В загоне спал. Много раз. Говорил: слоны — мои друзья. Ничего не будет.

Утром его нашли с раздавленной грудью. И слоны в другом конце загона собрались. Молчат. Так-то они обычно по утрам трубят, служителей встречают, а тут ни звука.

Володей его звали. Улыбался всегда.

— Господи, и что тебя все тянет какие-то гадости рассказывать! — воскликнула Женька.

— Почему гадости? Человек погиб.

— Ну, ужасы, — поправила она.

— У тебя все истории плохо кончаются. Неужели все погибать должны?

— Почему? Сережа жив остался.

— А с ним что?

— Ребра поломал. Его слон о стенку швырнул. Когда он у него в загоне убирался.

— Зачем же он к нему зашел?

— Тоже наверно другом считал.

Женька молчала и я продолжил, чтобы хоть что-то сказать:

— Сейчас он в Испании работает. Сережа. В Мадридском зоопарке. Его туда в командировку послали, а он остался.

— Я бы тоже осталась, — вздохнула Женька.

— Хочешь уехать?

Кивнула.

— Что ж не едешь?

— Муж не хочет.

— Муж, муж, объелся груш!

Я прижал ее к решетке и наконец-то поцеловал. А сзади, из вольеры напротив, к нам тянули свои хоботы слоны...

Женька сказала:

— Слоны смотрят. Не хочу при них...

— Стесняешься их?

Не ответила. Повернулась спиной:

— Куртку отряхни. Решетка наверно грязная.

Я несколько раз провел ладонью по куртке.

— Чистая.

— Пойдем, — сказала Женька.

Опять мимо вольеры со слоненком. Теперь его никто не загораживал. Один стоял у стены.

— Точно, как игрушечный, — повторила Женька.

— У меня в детстве такие на пианино стояли, — сказал я.

Женька искоса на меня взглянула:

— Первый раз что-то о себе рассказал! Почему ты никогда о себе не рассказываешь? Расскажи!

Я покачал головой:

— Лучше о слонах.

— Ага, одни ужасы.

Вышли в раскрытую дверь. Уже темно. Сумерки. С горки вниз. (Слоновник на горке). Скользящий снег. По пустым дорожкам между вольер шли к дирекции. Держались за руки.

Через неделю Женька ушла.

— Телефон дашь?

— Запиши.

Я позвонил ей. Никто не ответил. Ни голоса, ни гудков. Снова и снова звонил — то же самое. В справочной сказали: номер неправильный.

У переводчиц ее телефона не оказалось. («Нет, не оставила»). У секретарши такой же. Вместе записывали.

В какую-то фирму она ушла. Совместное предприятие.

Искать не стал. Если не хочет.

Потом говорили, что и оттуда, из фирмы, она ушла. Почему, отчего, неизвестно. «Плохо работала», — сказали переводчицы. Им-то откуда знать?

Больше я о Женьке ничего не слышал.

Не слышали о ней и ребята. Не собирался расспрашивать. Просто, в разговоре вырвалось:

— У меня знакомая была, тоже к вам ходила.

— А как ее звали?

— Да давно это было, четыре года прошло.

— Все равно!

— Женя...

— Нет, а как ее прозвище? У нас как звали?

— Не знаю, не сказала.

— Без прозвища не можем...

Пожал плечами: я и не просил.

Снова на крыше. Там, где мы с Женькой были. Когда снег падал. Никого не было. Сейчас есть. Ребята, с которыми говорю.

— Кто она тебе?

— Знакомая.

Парень в бейсболке поинтересовался. У других длинные волосы, у этого бейсболка.

Отошел от них.

Случайно занесло. Пиво пили, здесь продолжили. На короточках у кирпичной трубы. Печное отопление. До войны строили.

Хмель в голове. Никак не проходит.

Подошел к краю крыши. Барьерчик из белого камня. Встал на него, заглянул вниз. Было не страшно. Было все равно.

Крошечные машины, черный асфальт (недавно уложили). По асфальту белые полосы.

Через дорогу — зоопарк. Башенки ворот как раз подо мной. А за ними пруд, дирекция. Чуть голову поднять — увижу. Не хочу.

Пошел назад, к ребятам.

Две девочки появились. Вылезли из чердачного окошка. С ними какой-то парень в светлой куртке. А девочки в шортах. (Начало мая. Тепло, как летом).

— Он из Питера, — кивнули на парня. — Просил Дом показать. На Арбате познакомились.

Девочек угостили пивом.

— А мы сегодня еще на уроках были, — похвастались они.

— Какой класс? — спросил я.

— Девятый.

— Ты где работаешь? — спросил парень в светлой куртке.

Рядом со мной сидел. То молчал, уставившись куда-то вдаль. Спирной к трубе привалился. Теперь вдруг разговорился.

— Здесь, в зоопарке.

— А я из Питера...

— Знаю.

— За движением слежу.

— В полиции, что ли?

— Да.

И продолжал:

— Сутками на работе. Напряжение бешеное! Кажется, все, больше не выдержу. А через день все снова. Сил моих нет!

— Так уходи.

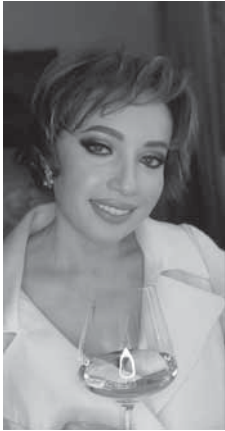
— Не могу. Крылья у меня подрезаны!

Я улыбнулся:

— Баклан.

— Кто баклан? — обиделся парень.

— Я. Так меня одна знакомая называла. Утка перелетная.

Ирина КУКЛИНОВА**САКРАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ ЛЮБВИ****Сочи — Москва 2026****Предисловие**

То, что вы прочтете дальше, многих, наверное, заставит покрутить у виска пальцами. Но не обольщайтесь, не стоит воспринимать рассказ, как простую сказку или только вымысел.

Люди говорят, что неизведанное — это что — то страшное и непознанное, что — это лишь отсутствие информации или даже глупость и безумие автора. Но, как быть, если информация страшнее самого страха, опаснее неизведанного и круче вымысла? Как быть, если интуиция «зашкаливает», а глаз видит запретное?

Этот рассказ родился в очередную бессонную ночь. Я лишь записала то, что мне передали, что видела, где была и то, что шептали мне исполины веков в стране Гиперборее. В северной стране, в райском краю, где по тысячу лет жил счастливый народ, в гармонии с собой без болезней и войн.

Страна эта была солнечной, с благодатным климатом, без вредного ветра и катаклизмов. Домами для жителей являлись рощи и леса. Культ Богов в Гиперборее справлялся всем обществом; там неизвестны были раздоры, обиды и ссоры. Смерть приходила к людям только от пресыщения жизнью. Люди в стране были дружелюбны и красивы. Огромные исполины, голубоглазые с пшеничными волосами они производили впечатление совершенных людей. В совершенстве владели тайными, мощными, уникальными знаниями обо всем: о нас и нашей жизни, а главное: о каждом из нас. Они тщательно хранили эту информацию в солнечном храме своего высшего «Я».

Знаете, самые странные вещи происходят не в темных зарослях и не в заброшенных домах, а в тишине собственной квартиры. Там, где каждый предмет знаком до боли, но в какой-то момент начинает казаться... странным и чужим. Рассказ о том, что случается, когда разница между «здесь» и «там» становится тоньше человеческого волоса и мягче человеческого голоса.

Верить или нет, думать на эту тему или нет — решать вам, но, опыт нам говорит: закрывая дверь, убедись, что и окно заперто на все замочки ...

Погрузитесь в этот мир, заземлитесь и доверьтесь мне, но помните: мистика иногда оказывается ближе, чем нам кажется.

1.

Уже в который раз время 03. 33 толкает меня проснуться с «тяжелым», практически «разбитым сердцем». Измученный мною ум продолжает обдумывать — что же это только что во сне было? Я уже сомневаюсь, был ли это сон или это моя жизнь, моя прошлая жизнь дает о себе знать. Кто же я?

Спустив ноги с кровати, я присела. Пришлось сбросить с себя сорочку, в надежде, что тело остынет и восстановится учащенное дыхание, но не тут то было. Через балкон моей спальни, как всегда, я вижу высотки офисных зданий и немигающие глазницы в их постоянно освещенных окнах. Белорусская, «белая» площадь в Москве живет своей жизнью.

Погода медленно портится, трясая наличниками окон на балконе, громко завывая и плача, призывая обратить на неё особое внимание. Еще темно и странные незнакомые мне тени плывут по комнате. Настенные часы медленно тикают, давая понять, что важнее всего на свете их — тик-так, тик-так.

— Мы здесь, ты здесь и значит все с тобой реально. Не бойся, детка, мы с тобой, тикают часы.

Голова в изнеможении опять падает на подушку и ловит сигналы нереальной частоты, красоты и мистики.

Мое сердце, сердце, расколотое пополам, ярко красного цвета расширяется, как канал, проделанный огромным, хрустальным сверлом, и, осыпаясь золотистым дождем, зазывно приглашает меня пройти вовнутрь. Вход становится все больше и больше, все шире и шире. Я проникаю вовнутрь и вижу огромное пространство сказочной красоты.

Здесь яркое солнце освещает величественные горы и храмы, реки и озера неизвестной страны. Вдалеке виднеются колоссальные каменные сооружения и пирамиды. Я медленно, с опаской, продвигаюсь вперед. На пути встречаются фруктовые сады и хвойные деревья, приятные запахи восхищают и дурманят сознание. Свет бьет в глаза и заставляет сравнивать его с тьмой, которую я только что покинула за пределами входа в сердце.

— Тики — тук, — услышала я шепот на ухо и тут же что — то влажное скользнуло от моей шеи и остановилось на щеке сладким и влажным поцелуем.

Я вздрогнула, остановилась и развернулась всем своим телом назад. За спиной у меня стоял огромного роста мужчина, улыбаясь во весь рот.

— Ты, кто? — вскричали мы оба и тут же отпрыгнули по сторонам, испугавшись, реакции друг друга.

— Я — Абарис, а ты, моя малышка, кто ты? Ты что такая маленькая? Забавно, ведь ты легко уместилась у меня на руках.

— А меня зовут Лоухи.

Не знаю, откуда я вдруг взяла это имя, но оно шло прямо из моего сердца.

— О, ты Лоухи? Богиня, управительница гиперборейцами. Восхитительно. Раз так, приказывай, я рад служить тебе.

— Ты уверен, что я богиня?

— Конечно, я уверен, ведь Лоухи может быть только одна.

— Тогда слушай. Я пришла сюда, чтобы узнать, кто я, кем была в других воплощениях, какие контракты души я подписала в прошлом и как мне жить дальше. Ты мне поможешь? Я знаю, что твой народ обладает уникальными знаниями о каждом человеке во вселенной во всех воплощениях.

— Да, у нас есть сакральный храм уникальных знаний. Он тщательно охраняется, и к нему допускаются только чистые душой люди, обладающие способностью любить. Но к хранителям этих тайн тебя может проводить только женщина. Пойдем, я тебя познакомлю со своей сестрой. Поговори с ней, возможно, она тебе поможет.

Мы тут же двинулись в путь. Дорога была долгой, но очень красивой и запоминающейся. Солнце светило ярко, освещая все вокруг. Пение птиц, звучало, как мантра. Абарис нес меня на руках. Каждый его шаг был равен моим десяти. Он шел быстро и вскоре мы попали в зеленую экзотическую рощу и сразу наткнулись на роскошный, деревянный, двухэтажный дом ручной работы. На пороге стояла высокая, невероятной красоты девушка. Длинноволосая блондинка, она изящно наклонилась надо мной, и стала трогать мои рыжеватые волосы и медовые глаза, она гладила мою кожу и рассматривала маникюр, удивляясь и восхищаясь тем, что я на неё совсем не похожа. Маникюр на моих руках и на ногах её просто потряс, и она своими пальчиками пыталась стереть цветной лак с моих ногтей, сильно надавливая на них.

— Ой, вскрикнула я. Мне больно.

Абарис ей что — то сказал на ухо, и девушка отошла от меня. Он поприветствовал её так же, как и меня, лизнув от шеи к щеке и нежно поцеловал.

— Её зовут Ильга. Это моя сестра. Расскажи ей все, что тебе надо. Ильга отведет тебя к хранителям тайных знаний. Они ей не откажут и выслушают тебя.

— Солнце мое, Ильгушка, помоги этой маленькой богине. Её зовут Лоухи.

— Абарис, конечно, я все сделаю, но сейчас все за стол. Гостя тоже видимо голодная. Я вас покормлю, у меня все готово.

Мы вошли в дом. На огромном столе стояли дары природы: ягоды, фрукты, рыба, дичь, размоченная пшеница, завернутая в пшеничную солому, чтобы не теряла влагу и всегда была готова к употреблению. Посуда была вырезана из дерева и похожа на произведение искусства.

— Абарис, посади малышку за стол. Покушает, и мы с ней пойдем к священной реке знаний. Только тебе придется идти с нами, ведь это очень далеко и поэтому её лучше тебе донести до реки.

— Хорошо, я помогу, а то у неё ногти на руках и ногах какие — то кроваво — красные, видимо жизнь её — не очень — то легкая.

Мы приступили к трапезе. Еда была очень вкусная. Я ела какие то, незнакомые мне, красные ягоды: сочные и вкусные, рыбу и зерна пшеницы.

Абарис не ел вообще. Он восхищенно смотрел на нас обеих и, сложив руки лодочкой, молился своим богам.

Я пристально смотрела на него. Это был высокий, статный и светловолосый человек. Настоящий гигант, потомок титанов.

— Ильга, почему Абарис не ест? — спросила я девушку.

— Это совсем не обязательно. Ведь Абарис — жрец. Он обладает магической способностью вообще не употреблять пищу. После того, как Аполлон подарил ему волшебную стрелу, Абарис стал настоящим магом. Он может все! Тебе повезло Лоухи, ты встретила на своем пути самого известного и могущественного гиперборейца. Если ты сыта, давай собираться в путь. Я переоденусь, и сразу же отправимся к хранителям тайных знаний.

Через час Абарис взял меня на руки, и мы втроем двинулись в путь. Я бесстрашно продвигалась навстречу тайным знаниям о себе, о своем прошлом и о своем будущем.

— Ой, какие красивые лебеди — вскрикнула я, увидев в небе птиц.

— Да, очень красивые — ответил Абарис.

— А это значит, что мы уже недалеко от реки. Малышка Лоухи, я должен покинуть вас с Ильгой. Дальше вы идете одни. Мы уже совсем рядом. Я надеюсь, что вскоре еще с тобой встретимся, моя маленькая. Будь осторожна.

Мы подошли к реке. На первый взгляд экзотическая река Гипербореи напоминала священный поток чистой воды, но её капелька, случайно попавшая на руку, показалась мне горькой, как полынь.

— Стой здесь — попросила меня Ильга.

— Ни шагу дальше не делай, пока я не договорюсь о тебе с хранителями тайных знаний.

Я отошла на несколько шагов от берега, а Ильга приблизилась к реке вплотную, и стала издавать звуки такие же, с которыми меня встретил Абарис.

— Тики-тук, тук, тики-тук, таки, тики-тук.

Как из-под земли перед ней выросли два исполина в металлических доспехах. Вернее, это даже доспехами назвать было сложно, ведь доспехи прикрывают тело, а здесь было такое впечатление, что тела нет, а есть только металл, который прикрывает их металлические образы. Исполины были покрыты матовой сталью, металлические заклепки и цепи свисали с их фигур до земли. Они стояли, как две горы, отражали свет и создавали волны на реке.

— Говори — сказали они Ильге. Я — Вамматар, а вот он — Эйбон — колдун.

— Я привела Лоухи — богиню гиперборейцев и прошу вас показать ей истину её рождения и тайну её предыдущего воплощения.

— Подведи её ближе. Мы проверим. Есть ли в ней та вибрация, которая позволит ей перевоплотиться и получить сакральные знания Гипербореи.

— Малышка Лоухи, подойди сюда. Позвала меня Ильга.

Я впервые вздрогнула от испуга и остановилась, но тут же поняла, что дороги назад уже нет. Передо мной стояли Вамматар и Эйбон. Они держали руки над моей головой. Эйбон вдруг вскрикнул и сделал шаг в сторону.

— Вот это да! Ты кто, малышка? Твой огонь так силен, что жжет даже металл. Я понял, ты не просто богиня, ты еще и — Жрица, Верховная Жрица. Мы тебя не отпустим одну и сами доведем по реке до храма сакральных знаний. Это на другой стороне затона, но будь осторожна. Как войдешь в тоннель, сделанный в изгибе за поворотом реки, мы тебе уже помочь не сможем. А куда ты попадешь потом, в какую реальность, мы не знаем, но вернем тебя сюда, в Гиперборею, живой или мертвой ровно через сутки, в 03.33.

Эйбон взял меня на руки, и мы втроем: я, Ваммарис и Эйбон двинулись по реке к подземному тоннелю для того, чтобы я перешла на

другую сторону реальности. Там меня оставили хранители, и я одна предстала перед порталом вечности.

— Прыгай в тоннель — крикнул Ваммарис.

Испугавшись крика, я, не оборачиваясь, сиганула в огромную крутящуюся воронку.

2.

1280 год. Смерд и хаос, крики, стоны и скрип колес: все смешалось в едином душераздирающем людском страдании. Ни земли, ни неба не видно. Ни один лучик солнца не пробивается сквозь дым, огонь, пыль и грязь. Стонут люди, ржут истощенно кони, скрипят телеги и крытые повозки. В богатой кибитке для перевозки юрт, имущества и женщин нахожусь я, одетая в практичный кожаный доспех поверх кафтана и удобную для верховой езды одежду, вооруженная луком и огромной плетью — камчой. Мои волосы крепко заплетены в косу и уложены на затылке.

— Гуюк, окликнула я мужчину — воина, выглянув из кибитки.

— Слушаю тебя Хутулун

— Подковали ли моего коня? Я жду.

— Сейчас приведут. Ты, может быть, пока примешь для разговора хана Батый? Он привез весть о твоём бывшем муже.

— Зови его, Гуюк.

Дверь кибитки скрипнула и вовнутрь, нагнувшись всем телом, вошел хан Батый, мой верный друг по оружию. Он был ранен и слегка покачивался, рассказывая мне о событиях на поле битвы.

— Хутулун, моя дорогая, я должен тебя предупредить что сегодня, вечером на совете полководцев будут судить твоего бывшего мужа, Ажайя.

— Судить? За что? Что он сделал?

— Твой отец Кайду считает, что он предал нас. Вообще он уверен, что если Ажайя был уличен в неверности тебе, то может предать и нашу великую страну, нашу Орду.

— А в чем конкретно его обвиняют?

— Он накормил пленных. Двух мужчин и одну молодую женщину, которых мы вчера пленили в русском княжестве. Они умирали от голода, холода и ран.

— Ажайя не только твой бывший муж, он — мой лучший друг. Я прошу тебя вмешаться и помочь ему. Я знаю, что ты все — так любишь его. Помоги, иначе его сегодня же казнят.

— Но что я могу сделать, как ты думаешь?

— Поговори со своим отцом. Ты же праправнучка Чингисхана, к тебе совет полководцев прислушается. Они просто побоятся идти против твоего мнения, но тебе надо сделать так, чтобы и отец был на твоей стороне. Все знают, что такой сильной и храброй богатырши, как ты, во всем королевстве твоего отца Кайду нет ни мужчины, ни женщины. Нет никого, кто мог бы превзойти тебя в подвигах силы.

— Я тебя услышала хан Батый. А, теперь уходи, я подумаю.

Я любила Ажайя и что — то изменить в своих чувствах к нему не могла, как не пыталась. В голове родилась мысль, как произвести впечатление на отца и совет полководцев, чтобы спасти Ажайя.

Я продумывала ситуацию, когда, наконец — то, Гуюк привел моего коня. Радостный, подкованный конь улыбался мне, строил глазки, тряс своей гривой, готов был опять совершать подвиги и защищать меня в бою.

Пришпорив его, я полетела в стан врага. Ловко, как ястреб, приблизилась к своей добыче, командиру лагеря, князю Владимиру и выпустила стрелу с костяным наконечником, которая пронзила плечо князя. На скаку подхватила за доспехи его окровавленное тело в седло и умчалась. Я скакала к своему отцу, торопилась, чтобы помочь своему любимому. Совет уже находился в юрте. Бесцеремонно бросив врага к ногам Кайду, я заслужила восхищение полководцев и одобрительный взгляд отца. Я так делала много раз. Это был беспроигрышный вариант заслужить похвалу и внимание отца.

— Присаживайся с нами Хутулун, участвуй в совете. Твое мнение очень важно для нас, сказал Кайду. Ты мой лучший воин и можешь быть здесь.

Я огляделась. В углу юрты, находясь под охраной, лежал навзничь Ажайя. Его руки были связаны за спиной. Он был ранен. Кто — то

нанес ему удар ножом в спину. Да, предать Ажайя был каждый рад, ведь многие воины завидовали его смелости, храбрости и тому, что он официально был моим мужем. Породниться с Кайду все хотели.

— Докладывайте о предательстве Ажаия, сказал отец.

Один из полководцев стал рассказывать о том, что Ажайя пожалел пленных, накормил и перевязал их раны.

— За это его надо лишить жизни, — закончил свою речь, предательски улыбнувшись, один из правителей Орды, полководец, который имел на меня виды и пытался ухаживать за мной.

Все уже готовы были проголосовать, но в этот момент вмешалась я.

— Лишить жизни Ажайя мы всегда сможем, но я хочу разобраться — так ли его поступок опасен. Отдайте мне Ажайя. Я разберусь.

Отец внимательно посмотрел в мою сторону, но не высказался против меня и совет принял положительное решение.

Ночью Ажайя привели ко мне в юрту. Я его ждала. До выхода из портала оставалось немного времени. Ночь была глубокой и темной, она уже заканчивалась. Моё сердце разрывалось от боли за Ажайя. Я понимала, что как только меня не станет в этой реальности, его постараются убить. Он обречен.

Надо торопиться, ведь тайна моего предыдущего воплощения пока полностью не раскрыта. В 03.33 хранители сакральных знаний меня возвратят в Гиперборею.

Ажайя стоял у выхода в юрту. Я кинулась к мужу и обняла его. Он вздохнул очень глубоко. Мне показалось, что как будто его пронзила невыносимая душевная боль.

— Я был уверен, что потерял тебя навсегда, — сказал он.

— Мне сказали, что ты погибла в бою.

Знал бы он, что так оно и было. Хутулун уже не было. Ведь я — из будущего. Моя боль в реальности заставила искать её причины и поэтому я здесь. Теперь — то я точно знаю, что мы с Ажайя — близкие люди, мы — семья, и что, еще совсем недавно, доставили друг другу много боли. Сможем ли мы это просто забыть и простить друг друга? Как вылечить душевные раны? Сможем ли мы это сделать или так и останемся любимыми врагами друг для друга?

— Хутулун, ты сможешь простить меня?

— Ажайя, очень жаль, что так все получилось, и что ничего не исправить. Вместе мы не сможем быть. Береги себя. Надеюсь, что я смогла сегодня тебе помочь. Подойди ко мне.

Мы присели на циновку. Я гладила Ажайя по голове, целовала его шею. Слезы застилали мое лицо. Я понимала, что в этой жизни мы никогда больше не увидим друг друга. Я вспоминала свою жизнь. Отец воспитывал меня очень жестко, по — мальчишески, без нежностей и ласк. Проявлять их было для меня необычно. Мать моя была замучена давно. Я её не помню. Почему её нет с нами, всегда было тайной. Думаю, отец тоже приложил к её гибели руку. Только сейчас я поняла, что Ажайя единственный человек, который меня действительно любил по — настоящему. Но сейчас уже изменить ничего нельзя. Я чувствовала, как обнялись наши души... и они тоже попрощались.

3.

В следующее мгновение какая — то неведомая сила меня встряхнула и я очутилась у ног Ваммариса и Эйбона.

— Малышка, Лоухи ты жива, — вскрикнули оба железных великана. Мы очень рады! Сейчас прибудет сюда Ильга и вы двинетесь в обратный путь. Но сейчас получи от нас дары.

— С этого момента, — сказал Ваммарис, и навсегда ты наделяешься способностью влиять на умы и способности людей. Прими, во благо.

— И еще, с этого момента и навсегда ты наделяешься способностью лечить людей. Прими этот плетеный сундучок с лекарствами. Во благо.

— Благодарю вас, друзья мои. Я не забуду вас никогда.

— Лоухи, я здесь, — услышала я крик Ильги. Ваммарис подхватил меня и легко перенес к берегу.

Мы с Ильгой обнялись, как давние подруги и тут же двинулись в путь.

— Лоухи, Абарис тебя ждет у входа в портал сердца.

Я понимала, что мы расстаемся, и не могла сказать ни слова. Ильга тоже молчала и не спрашивала меня ни о чем.

Вдалеке уже видна была фигура Абариса. Он стоял, как исполин веков, великий избранный богов.

— Лоухи, малышка, я жду вас с Ильгой. Получила ли ты все, что хотела из храма сакральных знаний.

— Да, Абарис, я теперь знаю, кто я, какие у меня есть дары и с каким мужчиной в предыдущем воплощении подписала контракт душ. По контракту в этой жизни я должна его спасти, а он должен стать моим мужем без предательства и боли. Высшие силы не успокоятся, пока этого от нас не добьются. Я теперь поняла, что карма существует, потому что каждое действие влечет за собой соответствующие последствия в будущем. И это не мистическое наказание, а естественный принцип, регулирующий причинность.

— Да, Лоухи, долги надо отдавать. От меня тебе подарок — посвящение на роль полноправного воина — аристократа Гипербореи.

Абарис подошел ко мне ближе и на пальчик надел великолепное кольцо — символ Гипербореи.

— Не сомневайся, теперь точно у тебя получится решить все свои кармические задачи. Нам с Ильгой надо уходить, а тебе пора возвращаться в свою реальность. Не забывай нас, малышка.

Я подошла к своей сердечной чакре. Вход в неё стал ещё больше, расширился и звал меня своей золотистой красотой. Я вошла в этот золотой портал и очутилась в своей комнате, где все также тикали часы и показывали 03.33.

Послесловие

Наш ум — искусный «и лжец, и жнец, и на дуде игрец». Он всегда будет цепляться за логику событий. Он будет объяснять существование храма сакральных знаний — большим воображением, а существование Гипербореи и кармы — шумом в мозгах. Но иногда все-таки логика отступает и оставляет нас лицом к лицу с тем, чему нет названия. Многие события, как мне казалось, в моей жизни не должны были произойти, но произошли. Они навсегда оставили неизгладимый след и заставили меня с этим жить дальше.

Александр КОЛГАНОВ

СИЛА ВЗГЛЯДА

Когда переходишь ручей по бревну, имеет смысл смотреть на то место, на противоположном берегу, куда ты планируешь дойти. Но, точно не под ноги. Иначе вероятность попасть именно в ручей, а не противоположную сторону, сильно увеличивается.

Когда мне было лет восемь-девять, я в летнем передвижном цирке в Сокольниках увидел, как фокусник гнул ложки и вилки одним только взглядом. Возьмет в руку, вытянет перед собой и бац — предмет для поглощения пищи стал не пригоден. Попытался потом дома повторить, но бабушка очень скептически относилась к таким экспериментам. Ложки и вилки ей было жалко. Попытался силой детской мысли приклеить ложку к своему лбу. Результат оставался похожим. Секундная задержка — и — ложка звонко шлёпалась на пол.

«И — раз». Пока вы читали эту фразу, прошла секунда. Запал у гранаты срабатывает на четвёртой.

Та весна в Приморском крае выдалась солнечной, насыщенной красками. Море по-особенному ярко пахло йодом. Шум тайги завоора-

живал, казалось ветер застрял в кронах деревьев и не собирался выходить из них. Никогда.

Уже вышел приказ о новом весеннем призыве. Мыслями я был уже в институте. Как там будет дальше? Скоро дембель.

До срочной я поступил в МВТУ им. Баумана на какую-то жутко засекреченную кафедру, такую, что первокурсники толком не знали, чем они будут заниматься на третьем курсе, не говоря уже о пятом.

Так получилось, что на самом излете первого курса, с ребят моего года рождения сняли бронь. Повестки о необходимости явиться в военкомат нам стали приходить за две недели до конца летней сессии. До последнего мы с одногруппниками не могли поверить, что мы окажемся первыми, за пятидесятилетнюю историю нашей кафедры, кто пошёл на срочную не из-за того, что завалил сессию.

Стрельбы проходили достаточно регулярно. После выполнения упражнения по мишени необходимо метнуть гранату и дальше — марш-бросок.

Мой подчинённый, давно уже не новобранец, замахивается, бросок. А дальше мой взгляд, впервые за всё время службы, вместо того чтобы просто отключиться, выждать паузу, не просто упирается, а именно прилипает к гранате. Кольцо-то парень выдернул, чека слетела, но граната вместо того, чтобы полететь вперёд, взлетает вертикально вверх.

«И-два». Я отчётливо вижу свежие царапины на её корпусе и как, долетев до верхней точки, она на мгновение зависла и начинает падать вниз. Замедленное кино прямо. Летит мне в лоб и ещё вращается вокруг своей оси. Взгляд не отлипает и в голове не просто пусто, а пусто совершенно. В этот момент я понимаю, что наблюдаю за процессом со стороны и сверху.

«И-три». Мой взгляд всё там же. Такое ощущение, что это я лечу сверху вниз. Времени нет, как нет и мыслей. Я так и не понял, сначала я посмотрел на пучок травы, рядом с окопом, или я потом увидел, как граната упала рядом с окопом. Вжимаемся с подчинённым в стены окопа, обернувшись вокруг автоматов. Как будто за ним можно спрятаться.

«И-четыре». Стало ещё тише. А потом загалдели в тайге птицы. Звонко и о чём-то своём. А перед птицами я услышал, как отозвалось в тайге эхо от взрыва.

Все сослуживцы целы и уже их взгляды прикованы к небольшой воронке перед окопом. Оружие к осмотру. И дальше собственно марш-бросок. Буднично, как обычно.

Вечером, за ужином, я долго смотрел на алюминиевую вилку. И складывал её пополам. Мысленно. Но, как бы не так. Она оставалась без каких-либо изменений. После ужина я оставил эту затею.

Для себя я решил, если будет надо, взгляд приклеится. А у фокусника в цирке, кроме глаз, ещё руки имеются. А за их ловкостью ещё смотреть и смотреть.

* * *

С тех пор у меня так и остались без ответа два вопроса.

Первый — на какую же высоту граната взлетела, если упала она между «и-три» и «и-четыре».

Второй — а если бы мой взгляд отклеился? Что тогда?

Но ни на первый, ни на второй вопросы я так и не стал искать ответ. В моменте почему-то забил, а потом стало уже не важно.

А ещё друзья мне говорят, что она и так летела в сторону, ты всё придумал.

И это всего лишь совпадение. Сначала я спорил с ними, а потом перестал. Может быть да, они правы. Но если ты замечаешь, что события в твоей жизни складываются, когда просыпается инстинкт, чутьё, то это уже, скорее всего — закономерность.

Другое дело, что это происходит не постоянно, а тогда, когда ты подошёл к границе своих возможностей. Именно в этот момент совершается рывок. Сейчас его ещё называют квантовым скачком.

Только как понять, что вот она — граница твоих возможностей? Может быть тогда, когда ты начинаешь видеть ситуацию со стороны? Когда ты начинаешь ощущать, что ты проживаешь каждый момент своей жизни, не откладывая её на завтра.

Когда ты ощущаешь себя в моменте. Так же?

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ

АНТИЛЬСКИЙ ДРУГ

Чапа достался Леле от товарища отца, капитана дальнего плавания. Это был королевский амазон, тропический попугай с игривым и дружеским характером, привезённый с Антильских островов. Однокомнатную квартиру хозяйки он быстро превратил в свой вольер и благосклонно позволял ей сосуществовать на его территории. Она ходила, уклоняясь от его качелей, пригибаясь под его канатами и спотыкаясь о его игрушки.

Лела была старше меня на два года, но после её поступления в университет разрыв в возрасте стал мне казаться больше. Обычно она звонила в субботу и приглашала в гости — либо «катать каматэли», игральные кости в нардах, либо сыграть несколько партий в «джокер». Я ждала приглашений и с удовольствием принимала их. Мне нравились не столько сами игры, сколько рассуждения и размышления, сопровождающие наши посиделки. Её интересовало всё: и Конфуций с его этической школой; и Талейран — несменяемый министр, сумевший удержаться при разных режимах: монархии, республике и реставрации; и философ Мамардашвили, определивший мышление как высшую цен-

ность бытия... О незаменимости писателя она говорила: «Если я не достала Акутагаву и заменила его на Пауло Коэльо — это не замена, и начинается лишь то, что я сейчас читаю Коэльо. Но это не Акутагава». Она настолько точно формулировала мысли, что казалась мне прозорливой. Вот и сейчас, отодвинув тарелку с нарезанным куличом, купленным в известной всем тбилисцам кондитерской на Кирочной, она написала на клочке бумаги карандашом — «Маттео Фальконе».

— Произнеси это имя вслух — сказала она прищурившись.

Я знала о ком идёт речь: о просперовском убийце малолетнего Фортунато, собственного сына. И уверенно произнесла имя и фамилию на французский манер с ударениями на последних слогах.

— А вот и нет, — развела она руками, и вычеркнув слово «Маттео», приписала сверху имя «Этьен». Фамилию оставила.

— Прочти вслух ещё раз, — настаивала она весело. Мне стал понятен подвох — кто же не знает памятника Петру на Сенатской площади и его автора — знаменитого французского скульптора — и я повторила первоначальное прочтение. Да, они однофамильцы, но один корсиканец, а другой француз, стало быть, ударения выставляются совершенно по-разному.

— Вот видишь, — сказала она задумчиво, — для безупречных ударений следует знать подоплёку. Даже в орфоэпии правильность речи зависит от знания деталей. Что уж говорить о принятии верных решений в других вопросах...

— Что ты имеешь в виду под другими вопросами — спросила я настороженно.

— Ты об этом скоро узнаешь, — она смолкла, постукивая пальцами по столу.

Чапа, дремавший на дверце шифоньера под шум приснившегося дождя, наверное, представлял себя сидящим на ветвях тропической дальбергии или махагони в джунглях Мариники. Постукивания пальцами понял по-своему: он встрепенулся, спикировал на стол, за которым мы сидели, и косолапо «прочапал» по разбросанным игральным картам. Иногда он цеплял клювом за уголок одну из них и отбрасывал её в сторону. Наконец, решив, что зрители в партере заняли свои места и смотрят только на него, попугай запел почти проникновенно: «Буря мглою небо кроет... Кро-ет». Дальше он перескочил на строч-

ку, которая обычно вызывала всеобщее одобрение: «Выпьем, выпьем, где же кружка?» Затем, изумлённый отсутствием внимания, сообщил: «Чапа пришёл!»

В ту осень Лела безнадежно влюбилась в своего двоюродного кузена Дарчо. Это был красавец-студент театрального института. Событие подтолкнуло её к литературным опытам и она завела тетрадь, надписав её: «Собрание сочинений». Уподобившись Сартру, который написал на обложке тетрадки — «Тетрадь для романов», Лела стала изощряться в описании лунных ночей и томительного ожидания страстной любви. Я невольно становилась её наперсницей, поверенной любви, страданий и откровений. Неуклюжие стихи со сбитыми размерами и кривыми инверсиями, долгие описания туманных пейзажей нагоняли на меня тоску, но зато наполняли смыслом её жизнь. В какой-то мере страдание перестаёт быть страданием, когда обретает смысл...

Ситуация осложнялась тем, что у Дарчо уже была невеста — блестящая Иямзе, его однокурсница. Зная Лелу, с её неспособностью смириться перед непреодолимыми обстоятельствами, я опасалась развития драмы. И гнала от себя мысли о будущем, подобно тому как корабельные сосны до поры до времени ничего не хотят знать о кораблях...

— Они собираются на следующей неделе ехать в Озургети к его родителям, — Лела ходила из угла в угол, — этого нельзя допустить. Это будет означать их помолвку.

— Но... как ты можешь на это повлиять? — во мне колыхалось недоумение. Я понимала, отговаривать или утешать бессмысленно. Соломоново «всё пройдёт» её не проймёт. Ах, этот южный темперамент! В нём есть всё необходимое для страстной любви и неминуемой гибели...

Она позвонила спустя три дня: «Мне нужна твоя помощь. Зайди в «Тифлисъ», ресторан на Воронцова, и возьми мегрельские хачапури, кебаб и... Ты какие хинкали любишь, — услышала я слова в телефонной трубке, обращённые к кому-то. — Да, — вернулась она голосом ко мне, — ещё возьми двадцать штук хинкали-калакури».

Я удивилась, но расспрашивать не стала. «Хорошо, — ответила коротко — скоро буду».

Лела стояла в дверях бледнее, чем обычно. Она попыталась улыбнуться и тут же сглотнула улыбку, проследив за моим взглядом. За её плечом в глубине комнаты я увидела сидящую в кресле Иямзе, которая со сдержанной улыбкой помахала мне рукой. Мы были знакомы шапочно, Дарчо звонил мне пару раз, приглашая на институтские премьеры, в которых участвовала и она.

Лела быстро взяла у меня пакеты с едой:

— Я сейчас занята, позвоню позже и всё расскажу. Спасибо тебе!

— Не за что, — я пожала плечами и направилась вниз по лестнице.

И только я успела войти в свою прихожую, как зазвонил телефон. Но это была не Лела.

Я услышала взволнованный, измученный и усталый голос Дарчо:

— Лю, ты ничего не слышала об Иямзе? Мы её ищем третий день: обзвонили полгорода, всех знакомых, все больницы и морги. Полиция тоже ищет...

У меня вдруг пересохли губы и онемели лопатки:

— Она похищена?... А ты... Леле не звонил? — пробормотала я.

— Всем звонил. Лела ничего не знает. В полиции сказали — похитители обычно сразу выходят на связь, называют сумму выкупа, время, место. А здесь — тишина. Маму Иямзе «скорая» увезла...

— Дарчо, — у меня сжалось сердце, — с Иямзе всё в порядке.

Наступила пауза, после которой я услышала его сдавленный голос-всхлип:

— Ты на это просто надеешься, или ты это знаешь?

— Я это знаю. Я её сегодня видела... — я бросила трубку и вырвала телефонный шнур из розетки. Об остальных событиях я узнала на следующий день.

В половине пятого в дверь Лелы требовательно постучали: «Откройте, полиция! Или мы снесём дверь!» Затем стук стал устрашающим. Лела подошла к двери на ватных ногах и открыла замки. В квартиру ворвался укомплектованный во всё чёрное спецназ, хозяйку тут же грубо уложили на пол, выкрутив руки. Она вскрикнула от боли. Чапа, услышав крик Лелы, бесстрашно набросился на спецназовца, вцепившись мощным клювом в его балаклаву и хлеща крыльями по лицу. «Убери этого зверя или я его пристрелю!» — рычал

разъярённый силовик. Лела вскочила, схватила Чапу двумя руками, с трудом оторвала от черной маски и быстро запихнула в клетку. Чапа продолжал бесноваться и кричать: грыз металлические прутья клетки и неистово стучал клювом по задвижке. И только Иямзе оставалась спокойной и невозмутимой, с интересом наблюдая за происходящим. Казалось, приключение ей даже нравилось. Наконец, один из силовиков, который вошёл в квартиру последним, обратился к ней:

— Это вас здесь удерживали силой? Вы свободны. Но прежде надо будет написать заявление.

Иямзе взглянула на взъерошенную и бледную Лелу, затем на спецназовца:

— Офицер, я здесь в гостях. Воспользовалась приглашением и гостеприимством хозяйки и решила задержаться. Нет необходимости в заявлении и расследовании.

Спустя несколько дней я зашла к Леле на кофе. В зоомагазине купила колосья овса: Чапе нравилось их выщелушивать, очищенное зерно он не жаловал. Лела осунулась и была молчалива. Я думала, её обида на меня будет разрушительной для нашей дружбы. Но нет, она больше не заговаривала о произошедшем.

После пережитого у Чапы появилась новая привычка: он приземлялся Леле на плечо и, перетаптываясь, бочком подбирался ближе к лицу. Затем, возвестив: «Чапа пришёл», утыкался разноцветным лбом хозяйке в шею и замирал. И мы понимали — он хочет сказать: «Зачем тебе этот несносный Дарчо, если у тебя есть я».

Марина СОЛОВЬЕВА

ВАЛЕНКИ

Моя любимая песня — «Валенки». В исполнении Лидии Руслановой. Стоит только услышать ее низкий, хриловато-неподражаемый голос... и сама готова петь. Вот, в самом начале у нее — «Э-э-э-эх, валенки...» — и уже чувствуешь: что-то будет! А потом — сплошной кураж начинается «Ой, да, не подшиты...» И хочется выпить водки, занюхать ее черным хлебом и, захлебываясь пьяным смехом (нам много не надо) рассказать неприличный анекдот, и даже из своей жизни. А между тем, песня-то лирическая, про любовь, про то, как «по морозу босиком к милому ходила» ...И начинают мысли кружиться, странные вопросы возникают — почему если валенки, то про любовь? А не про пенсионеров на заваulinke? Лезет в голову уж совсем непотребное, вроде «через хату по канату...» Но тут вспоминаешь уважаемого профессора Фрейда и толкования снов про обувь, которая снится исключительно к женихам, если не сказать проще.

И сразу все становится понятно. Валенки, сапоги, — это мужчины. Есть мужчина-сапог, а есть — валенок.

Мужчина-сапог — это такой мачо. Новый, он не гнется, и не ломается, а остро воняет. Если что не по нему, то скрипит... Нагло так, поскрипывает. Надевается поначалу с трудом, как и снимается. То есть, сначала может не получиться, а уж потом целая история его стаскивать — и жмет, и трет, и цепляется. Мечта любого сапога — добрая портянка. Другой он себе спутницу жизни не представляет. Носки в сапогах сползают, а тонкие чулки — рвутся, не выдерживая кирзового хамства. Но даже сапоги из дорогой кожи — все равно сапоги. С годами они мягчают. К старости — не скрипят, а хлюпают. Налезают уже на все без разбору, даже на босу ногу.

Теперь о валенках. Они мягкие, теплые, надеть их легко, но также легко они сваливаются с ноги. Вообще — любимое место валенок, это не нога, а теплая печка. Для ходьбы рекомендуется на валенки надевать калоши. То есть, иметь любовников, как группу поддержки.

Любовники — новые галоши — блестящи, благоухающие, но весьма скользкие и имеют обыкновение теряться или забываться в гостях. Старые галоши, как правило, никому не нужны. Они валяются где-то и о них не вспоминают.

С сапогами галоши не сочетаются. Обычно женщина одни сапоги меняет на другие. Иногда новые на новые, но более модные. Но валенки бросают, как правило, уже старыми или прохудившимися.

Бывает, что сапоги прикидываются валенками, а валенки выдают себя за сапоги. При развитии современных технологий можно очень ошибиться в выборе.

Существует много разновидностей этих видов обуви. Например, мокасины — это урезанные сапоги, а кеды и кроссовки — разновидность валенок, но со спортивным уклоном. То есть — их любимое место не печка, а стадион или природа — палатка, рыбалка, охота.

Лакированные туфли — разновидность галош, но из артистической среды. Вьетнамки и модные босоножки — надо расценивать исключительно, как представителей курортного романа, кстати, тоже галошный вариант.

Самая идиотская разновидность всех этих особей — это резиновый сапог. То есть галоша, доросшая до сапога. Резиновые сапоги не так презентабельны, как кожаные, их носят, чтобы не попасть в лужу или, когда уже совсем надеть нечего. В мороз в них холодно,

а в жару — жарко, в гости с ними тоже не сходишь. Блестящи, но дешевы. Зато не обидчивы, все с них, как с гуся вода.

Заодно хочу напомнить сюжеты народных преданий:

— Кидание обуви за ворота в крещенский вечерок.

— Потерянный башмачок на балу из сказки про Золушку.

— Питье шампанского из туфельки прекрасной дамы.

— Ходульные выражения, типа: наострить лыжи.

Кстати, лыжные ботинки — это помесь сапога и валенка, маскирующегося под галошу. По сути — любовник-перехватчик — персонаж из курортного романа, но в зимнее время. Горнолыжные ботинки более предпочтительны, нежели просто лыжные. В последнее время они вошли в моду из-за своей высокой кредитоспособности.

Но вернемся к валенку. Мужчины — валенки, на мой взгляд, лучший вариант из всех. Во-первых — они согревает. В валенках можно ходить дома, даже летом. Они никогда не выйдут из моды, благодаря нашей суровой зиме и перебоев с отоплением. Валенки можно украсить вышивкой, рисунком и мехом, придав им особый национальный колорит. Все будут говорить: «Какие у вас оригинальные сапожки!» А вы знаете, что это валенки — но помалкиваете с загадочным видом. Можно ответить: «Да, вот из Франции привезла, модно, знаете ли...» Вам поверят, потому что проверить вашу информацию невозможно. А валенки будут молчать. Ведь они, в отличие от сапог, не скрипят при ходьбе. Они помалкивают. У валенок, правда, есть свои недостатки. Нога к ним привыкает, стаптывается, и уже с трудом влезает в модельную обувь. Досадно, но может быть именно это валенкам и нужно. Не такие уж они простые, валенки-то... «Ох, не подшиты, стареньки... Нельзя валенки подшить, не в чем к милому ходить»... Вот и сиди дома, а валенки будут на печке лежать и подремывать.

Наталья МУРАТОВА

ТИХОНЯ

(Московская история блаженного Василия)

Московская жизнь текла со многими скорбями и радостями. Как отхлынула татарская орда, жизнь русичей наполнялась богатством. Познал русский люд, что грехами разоряется земля. Великие князья боялись спорить между собой. А Великий князь Василий Иванович, в котором текла кровь последних царьградских греческих императоров, единолично принимал решения и перестал советоваться с многочисленными боярами.

Москва безкровно заняла и приняла Псков вместе с вечевым колоколом. Чтобы рязанский князь не договорился с кончаками за спиной московского князя, его заманили в Москву и заточили в темницу. Только Смоленск оставался под литовцами. Но Василий Иванович не торопился, он всецело занимался новыми землями.

Все дороги к Москве хочешь или не хочешь, а тянулись на Великий торг, так назвал московский люд пустырь перед белыми стенами крепости, ну, а потом, через ров у Фроловской башни можно добраться к Соборам. Заливные луга стремительно уменьшались. Поначалу вытаптывались и поджигались несчетными дикими ордами кочевников, следом выравнивались посадскими людьми, постоянно передвигавшихся в поисках места под новое жилище, наконец, выравненная поверхность стала очень удобной для дощатых торговых лавок и повозок с поклажей.

Идти Тихону оставалось пять верст. Большая ордынская дорога выводила его прямым к Великому торгу. Вот и село Даниловское, деревянная церковка Даниила Столпника и забытый обветшалый монастырь, кладбище, где ради смирения лег великий князь Даниил Московский среди простых иноков. Поговаривают, охраняет он свои мощи и является, чтобы напомнить великим князьям о себе и сердито спрашивает, почто монастырь в запустение привели, даже какого-то из князей Шуйских, небрежно глаголавшего, придавил конем.

— Упокой душу князя Даниила, — проговорил Тихон. — Вот смиренный человек. Не каждому дается такое богатое смирение.

Но если какой благочестивый черноризец возжелал бы узнать, есть ли кто смиреннее, чем он сам, то дорожки обязательно привели к Тихону-мастеру. Работы у сапожника хватало, обувку шил старательно, кто какую цену положит, не торговался. Копейку отдавал в храм, да милостыню, да приживалки в доме, жена на сносях, да еще ребятишки свои и от брата остались, кормить надо всех, лишний раз в Москву не отправишься, сезон надо знать. Летом, кому до сапог? Но более всего тревожила Тихона дума, как пристроить новую пару сапог. Давно сапоги стояли у него под скамьей, но как наколдовал кто, удивлялся Тихон, никто не приценялся и не спрашивал. Пара вышла очень удачной: каблук печатный, носок узкий и чуть длинноват, как у молодых бояр, проезжавших мимо. Тихон успел рассмотреть. Он долго крестился у Божницы и наконец решил, что ему с такими сапогами надо идти на самый Великий торг, где как никак, а все купят.

Так шел Тихон мимо опустевшего, забытого Данилова монастыря в горестных мыслях то о князьях, то о своих заботах. Босые ноги

давно не чувствовали камней на дороге. Лапти он упорно не желал надевать, не внушительно сапожнику ходить в лаптях. Стоптаные сапоги висели за спиной на жерди, рядом покачивалась новая пара стачанных сапог для торгога.

Всего лишь день потерять, чтобы дойти до места, где можно получить много медных денег, а если повезет, то и серебряную монетку заполучить. Тихон щурился от дневного света, поглядывая по сторонам. Вот и болотистый балчуг, а дальше видна белая крепость с куполами соборов с крестами. Народ степенно двигался по тропе. Тихон остановился, чтобы перекрестится и увидел надвигающуюся тучу, не замедлившую скоро пролиться ливнем. Тихон даже встревожился, что, если дождь зарядит, то нелегкая торговля будет, но туча очень скоро двинулась за крепость. Деревянные терема потемнели от дождя, с лучами проглянуло солнце над кремлем. Какой сейчас князь правит, вопрошал себя Тихон, сколько лет и зим.

Вот в лаптях все идут, месят ногами болотную грязь. Еще уговаривать придется, чтобы сапоги купили. Но в кремле, верно, найдется покупатель, сапоги ладно стачал, подошва дубового дерева и даже гвоздочки есть. Мимо скрипели телеги с добром на продажу, но Тихон ни к кому не напрашивался, сберегая несколько монет — жене лоскутов купить да булок. Так он шлепал босыми ногами, вцепившись в палку с висевшими сапогами.

Близость города примечалась по все большему скоплению шедших людей. Перед мостом к башням Тихон обер тряпицей ноги, обмотал и напялил на ноги старые сапоги, а новые аккуратно свернул. Приметил, где оставил жердь, надеясь, что никто не позарится.

Деревянные подошвы застучали по мокрым круглым бревнам долгого моста. Мост раскачивался, шевелился под ногами, расплескивая кругами воду. Толстые, перевязанные между собой бревна, уложенные на утлые лады, тряслись и норовили вспучиться. Впрочем, стучали не только его сапоги, шуршали многочисленные лапти, но все заглушало дробный топот копыт. Тихон растерялся и еще крепче прижал новые сапоги. Непривычный к толпе, он старательно уворачивался от проходящих. Люди шли скученно к московской крепости, но не менее народа возвращались обратно, причем не с пустыми руками. Тащили обязательный мешок или узел, или плетеный короб за спиной.

Тихону стало казаться, что именно его хотят толкнуть и обязательно загородить дорогу. Народ давился, не уступая ни на шаг, а тут еще и боярин с дружиной вскачь попытался проскочить сквозь толпу.

— Ух, поберегись! — кричал воевода, размахивая плеткой. — Отошел, пшел! Пшел!

И Тихон увидел, как спешно расступились недовольные, пятась, наваливались на задние ряды, мост задрожал, закачался как живой.

«Как бы и мне не попасть под порку! — успел подумать Тихон, сжавшись, и отступая назад. Толпа вынесла Тихона к концу моста, он облегченно вздохнул, что можно уже не бояться толчеи.

— Ах, ты дрянной человек! — услышал он над ухом. — Ты почто меня сапогами своими топчешь! Я вот тебе покажу!

Вокруг Тихона образовалась пустота, все сразу расступились. Перед ним стоял сердитый, кое-как прикрытый нагой. Длинные волосы с редкой проседью свисали тонкими прядями на лицо и скрывали ясные глаза, в упор рассматривающие Тихона.

— Ты меня затоптал! А-а, да ты еще сапоги несешь, чтобы мне ноги давить! Давай их сюда! — продолжал кричать оборванец все громче, не обращая внимание на скопление московского люда и неожиданно выхватил у онемевшего Тихона новую пару сапог, бросил наземь и голыми ступнями стал старательно топтаться по ним.

— Вот тебе! Вот тебе! Чтобы рот не разевал! Будешь знать, как добрых людей обижать!

Оборванец отбросил сапоги прочь, отчего они плюхнулись в огромную непреходящую лужу у моста. Чтобы въехать на мост, телеги, повозки долго раскачивались, деревянные колеса утопали в жиже, но никому не было дела до этой ямы, заполненной всегда грязной водой. Лужа считалась всего лишь малой помехой в сравнение с предстоящими неожиданностями долгой дороги. Грязь тотчас поглотила сапоги, виднелись только витые верви, соединявшие пару.

Все знали блаженного Ваську, и каждый подумал, что неспроста Васька швыряет чьи-то сапоги в грязь, что-то здесь нечисто. Промолчал Тихон, только снял с ног сношенные сапоги и вошел в мутную глубину.

«Так мне и надо, грешному. Грешный я человек, толкнул Божьего раба, беззащитного. Оказия какая, не прощай меня, Господи! Так мне и надо!» — сокрушался Тихон и обратился к нагому.

— Прости меня, добрый человек, не узрел тебя вовремя от людского затеснения!

Похабень, удивительно для Тихона, легко переступил лужу, не замочив ног. Московский люд, привыкший ко многим чудачествам юродивого, совсем не обратил на это внимание, а к Тихону, посмеявшись над сапожником, утопающим в луже, потеряли страсть, разбредись, и вернулись на мост в свое прежнее беспорядочное движение.

Выудив сапоги, Тихон печально поплелся от моста к реке. Он не смел и помыслить, чтобы осудить нагоходца, держал в руках грязную обувь и думал, что новые сапоги теперь никуда не годятся. Спустившись к реке, он выбрал место, где не было баб со стиркой.

Безконечная Москва-река тяжело текла, расплескивая прозрачную рябь у песчаной отмели берега.

— Ничего, отмоются да высохнут. Продадутся, — успокаивал сам себя Тихон.

Он попытался выгresti жижу из сапог, пальцы наткнулись на многочисленные камни. Он поразился, как много ему придется вываливать грязи на отмель, и недоумевал, откуда появились кругляши в сапогах. Измыл Тихон сапоги, вылил из них воду, а на берег вытряхнул комья, но, что-то необычное показалось ему в камнях. Волна мягко окатила грязь, обнажила крупинки, сверкающие матовым солнечным светом!

— Да николи же — это золото! — прошептал Тихон.

Он сидел у Москвы-реки под крепостными стенами, измятые сапоги лежали подле него, рабочие руки смиренно держали золотой песок.

Закат алел к непогоде и ветру над разросшимися на площади рядами мелких лавок. Торговля заканчивалась.

Наталья ФИЛАТОВА

УСЫ ЗЛОДЕЯ ЧЕРНОМОРА

До этого дня Марине давали маленькие задания по съёмке фоторепортажей: открытие памятника Евгению Урбанскому, праздник Книги об Индии в Доме Дружбы и простая съёмка для студийной газеты. До тех пор, пока не произошло происшествие, после которого к ней прилипла поговорка: «Это тебе не на карлика падать». В то лето режисёр Александр Птушко снимал сказку «Руслан и Людмила». Все маститые фотографы разъехались на натурные съёмки и в фотоцехе стало тихо и пусто. А тут сам Семён Михайлович Будённый явился с визитом к генеральному директору студии. Босс вручил Марине дорогущую широкоформатную камеру «Мамия профессионал» и командировал на задание — сделать несколько общих кадров на память. В новом белом халате, наскоро поправив причёску и подкрасив глаза, прихватив не нужную вспышку, Маринка спешит по первому этажу. Из-за угла ей под ноги неожиданно влетел актёр, который играет пушкинского Черномора. Камера перекрыла обзор вниз, и Марина его не заметила. Она упала на спину, бережно обнимая Мамию, стоимость которой была равна цене машины. Сработала вспышка, её заклинило. Марина

попыталась встать, вспышка оставалась работать. Актёр-Черномор, упавший неудачно, застрял и продолжал возиться у неё в ногах. Подоспели знакомые ребята из стройцеха, они вытащили злодея Черномора и подняли Марину на ноги. Рассерженный Черномор бросил фразу: «Дура-лошадь, всю голову помяла». Голова была частично накладная. Актёр возвращался из столовой, у него закончился перерыв в съёмках. На руке висела его борода, завязанная в платок.

Марина извинилась и побежала на лестницу. Вспышка, видно, разрядилась и выключилась. Она прошла четыре лестничных марша и никак не могла понять почему каждый из встретившихся ей людей загадочно улыбался. Запыхавшаяся и взъерошенная Маринка влетела в приёмную генерального директора. Секретарь Наталья, взглянув на неё, сложила пополам от хохота и не могла сказать ни слова.

Она лишь показывала на халат ниже пояса. Марина опустила камеру. Новый халат был вымазан гримом, а ниже качались усы Черномора. Переодевшись, Марина в сопровождении секретаря Натальи вошла в кабинет директора. Девушки неожиданно расхохотались: у Семёна Михайловича Будённого были точно такие же усы.

ВИЗИТКИ ДЛЯ АРТИСТОВ

В среду начальник объявил: «В субботу выходим!» На киностудии субботник означает начнётся разгребание годовых завалов, на которые в будни не хватало времени. Марине пришлось взять с собой шестилетнего сына, оставить было не с кем. Ребёнок обрадовался, зная, что на студии ему будет интересно. По телевизору недавно прошёл фильм «Пёс Барбос и необыкновенный кросс». Из троицы актёров, участвовавших в фильме, он выбрал Юрия Никулина; всё время говорил о нём и пытался подражать. Начальник вручил Марине работу и предупредил: сегодня и срочно. Это были «срезки» из фильмов с Юрием Никулиным и Маргаритой Володиной.

Фоторекламу по фильмам печатали на формате 24 на 30 сантиметров и ещё открыточный вариант 10 на 15 сантиметров и рассылали по Московским кинотеатрам. От них оставались обрезки размером 6 на 9 и за год их скапливалось по несколько сотен. Кто-то придумал пе-

чатать на них визитки для артистов: на эмульсионной стороне — кадр из фильма, на оборотке — номера телефонов.

Пока Марина печатала по этим срезкам, её очень общительный сын обошёл все кабинки фотографов. Он интересовался всем и везде его чем-то одаривали, так что когда она закончила работу, то нашла его в комнате хозяйственника. Тот успел сводить его в бутафорский цех, где было много всяких диковинок. Этот сорванец тайком успел набить карманы копиями трофейных значков и медалей, и ещё получил в подарок, сделанный бутафорами кольт с вращающимся барабаном. Начальник позвонил Юрию Никулину и сказал, что визитки готовы, можно забирать. Марина, разбираясь в своей фотокабине, услышала шум в коридоре. Как только Юрий Никулин появился в фотоцехе, шустрый Серёжка, не веря своему счастью, с разбегу запрыгнул ему на руки и стал целовать и объясняться дяде Юре в любви. Тот, смущённый, держа на руках мальчишку, кричал на весь коридор: «Чей ребёнок?! Чей ребёнок?!» На шум выбежала Марина и протянула готовые визитки. Никулин так был растроган напором объяснения в любви, что им на радость, дал две контрамарки на ближайшее выступление в цирке. В автобусе на обратном пути домой, Серёжка спал счастливым сном, прижимая к груди подаренный кольт и грезя о новой встрече с любимым актёром.

В следующее воскресенье они отправились в старый цирк на Цветном бульваре, прихватив с собой ещё одного сорванца такого же возраста. Марине удалось уточнить заранее что на два билета могут пропустить одного взрослого и двух детей. Шумная обстановка, ожидание чуда, запахи цирка, обилие таких же мальчишек и девчонок с горящими глазами и розовыми, от возбуждения, ушами — настраивали на праздник!

Наконец расселись — зазвучали фанфары, все замерли, наступила тишина — началось чудо!

В перерыве Марина купила мальчишкам мороженое, съесть которое они не успели. Так и вернулись на свои места с лакомством в руках. На арену вышла дрессировщица с обезьянкой. Мартышечка в блестящей юбочке шла по бархатному бортику кувыряясь и озираясь во все стороны. Мальчик Витя протянул ей мороженое, которое она лёгкостью выхватила и пошла дальше. Витя не рассчитывал, что она

его заберёт насовсем. Тут подключился Серёжа и они вдвоём попытались вернуть мороженое обратно. Мартышка решила не отдавать лакомство, но мальчишки стали упорствовать. Публика на трибунах хохотала уверенная, что это разыгранный трюк.

Дрессировщица растерянно наблюдала картину. Но мартышка разозлилась и укусила Серёжку за ухо: парень завизжал от боли, на ухе проступила кровь. Марине пришлось вывести обоих из зала. Надо было обработать ранку, и она спросила у капельдинера йод или зелёнку. Ей ответили: «У нас аптечки не предусмотрены». Досматривать представление пришлось с перевязанным двумя носовыми платками ухом. Но самым целебным лекарством для Серёжки стало появление на арене любимого дяди Юрочки. Ухо мгновенно перестало болеть и лицо засветилось счастьем.

Ольга ДОБРИЦИНА

КАК ВЫБИРАТЬ КАРТИНУ?

ИЛИ

КАРТИНА В ВАШЕМ ДОМЕ

*(классификация картин по типу
энергетического воздействия)*

Сказать, что высокохудожественное произведение в доме престижно и комфортно — значит сказать слишком мало. И хотя для многих картина всего лишь украшение интерьера, известно, что она является *мыслеобразом* и несёт в себе определённое информационное поле и особую энергетику.

Допустим, вы захотели приобрести картину. С чего начать?

Наверное, с того, чтобы вспомнить — купив картину, вы покупаете не просто вещь, и не самого художника, вы становитесь не столько её владельцем, сколько со-творцом художника, обладателем души картины. Бывали случаи, когда хозяин картины становился его рабом —

вспомним хотя бы историю вечно юного красавчика Дориана Грея, и его стареющего портрета. Пример чисто литературный, но — сказка ложь, да в ней намёк — мало, что ли, загадочных, страшных, счастливых и удивительных историй с картинами и художниками! Как же хочется порой забыть про надоевшую или пустую стенку, прибавить «окно в мир», создать новое измерение в заученном пространстве комнаты! И вообще — выйти за рамки обычного, добавив себе то, чего давно не хватает: может быть, свободы? Или смелости? Или фантазии? Или мистики? Или, в конце концов, просто — яркого пятна в этой порою столь серой жизни!

Так чем же руководствоваться?

Для начала — определить, кому же предназначен будет столь необычный подарок: себе? Офису? Коллеге, у которого или у которой завтра юбилей? Другу, подруге, маме? Родственнику или просто знакомому? И в связи с каким событием? Как бы то ни было, не стоит дарить картину человеку равнодушному к искусству — не станете же вы дарить щенка или котёнка человеку, равнодушному к животным. Но вот вы уже точно знаете — кому и в связи с чем, настроились на выбор. Бывает и любовь с первого взгляда: пришли в галерею — увидели — и оказались побеждены — картиной! Остаётся только снять и унести, а ведь даже и не собирались! Непредсказуемая покупка картины, как и непредсказуемая любовь, может таить в себе и неожиданные радости, и соответственно, столь же неожиданные огорчения. Как их избежать?

Мы не будем говорить общеизвестное, типа: дня тёмного угла нужна светлая картина, или о том, что картину нужно выбирать, как ситечек в анекдоте — повеселее, чтобы гости потом обхохотались. Но можно выделить с десятков типов картин по характеру подсознательного, а чаще весомо ощущаемого воздействия на человека. И совершать свой выбор уже в соответствии с предлагаемой классификацией «магического влияния» и, конечно же, собственной интуицией.

ТИПЫ КАРТИН И ХАРАКТЕР ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧЕЛОВЕКА

Типы картин позитивного воздействия:

ИКОНОСТАС (в первоначальной редакции "БОГ") — картина всегда «на высоте», всегда «выше» Вас. Воздействие напоминает икону. В ней есть некая «непостижимость», сила, отрешенность, уводящая от быта и суеты. Она пробуждает вдохновение к любым делам, к возвышенным, добрым поступкам. Настраивает на волну самоотверженности, ответственности, мужественности, душевной щедрости. Выявляет, или, точнее, «высветляет» в нас всё лучшее и благородное, преображая окружающее пространство. Около такой картины даже дышать легче, человек успокаивается, «яснеет» голова. Может существовать в любом жанре. Подходит для себя, для любимого человека, быть может, друга, или того, чьи вкусы, уровень интеллекта и качества души вы очень хорошо знаете. Ни в коем случае не должна быть «повешена» на кухне или в коридоре — только на свободном, почётном, достойном месте. Иначе будет терять свою силу. Также ей не место в любом «казённом доме». Художник, написавший её, скорее всего, чист душой, является верующим, духовным человеком, и пишет, вероятно, с молитвой. Такие картины нередко «оплачены» страданием, хотя несут в себе «небесность» и «солнечность». Бывают исключения, когда замысел картины «нисходит» с неба и может упасть на любую голову и холст. На силу воздействия это не влияет, главное, что картина рождается в той или иной степени «от духа святого».

МАДОННА (в первоначальной редакции "БОГИНЯ") — по воздействию совершенно иная, чем «ИКОНОСТАС». Картина, которая служит неким символом, «фетишем», является предметом обожания, поклонения, восхищения — в разной степени. В случае чрезмерного восхищения личным портретом, с головой выдаёт склонность к «нарциссизму» портретируемого. В лучшем, «высшем» своём варианте похожа на Мадонну, которой воздаются молитвы, и тогда приближается к «ИКОНОСТАСУ», «ЦЕЛИТЕЛЮ» и «БЕЛОМУ МАГУ». Картина интимна, очень индивидуальна, её почти невозможно выбрать для кого-либо, кроме себя, или — надо знать человека, как самого

себя. Жанр и стиль — самый разнообразный, может быть удивительна, экзотична, «неописуема». Если Ваш друг или подруга говорят, что увидели поразительную картину, но кроме «ахов» и «охов» не могут ничего сказать — значит, налицо встреча с «МАДОННОЙ» и пленённость ею. В редких случаях — картина-диктатор, капризная, взбалмошная, «заполняющая» собой пространство, «втягивающая» в себя, как воронка. Рядом с ней может быть тесно, душно, она умеет поглощать личность смотрящего. В позитивном же случае, особенно если картина экзотична или сюрреалистична, около неё можно ощутить неведомые ранее запахи, почувствовать себя в другой стране, в другом веке, в другой жизни, иными словами — в ином измерении, причём вполне реально. Исключительно для сильной личности с хорошим психическим здоровьем, слабую может поглотить или разрушить.

БЕЛЫЙ МАГ — по воздействию близка к «БОГУ» и «ЦЕЛИТЕЛЮ», но имеет свой характер. «Белый маг» более целенаправлен, картина воздействует на что-то весьма конкретное: удачу, карьеру, повышение тонуса, (к примеру, для мужчины), настроения. Или повышение женского потенциала (привлекательности, обаяния, сексуальности), и даже на прибавление количества денег в доме. В связи с этим картина имеет нередко выраженный «половой» признак — адресована либо женщине, либо мужчине, и это следует почувствовать, чтобы не ошибиться. Хотя может быть и такой вариант: холостой мужчина приобретает «белого мага»-женщину, чтобы повесить её в гостиной напротив кресла, либо в спальне (например, в жанре «НЮ»), и девушки и дамы, посещающие его, будут чувствовать себя рядом с такой картиной «увлечёнными» им и раскованными. Хорошо ли будет им, когда они покинут его дом — целиком останется на совести хозяина картины, и зависит только от уровня его нравственных ценностей и умения общаться. Картина-маг служит своему хозяину, в отличие от «ИКОНОСТАСА», которая имеет своё ярко выраженное «Я» и может даже укорять хозяина. Жанр картины любой, но если Вы хотите, к примеру, увеличить количество денег и вообще материальное благосостояние, то конечно, лучше приобретать картину «котируемого», «востребованного» художника с тематикой «богатства». Это может быть «богатый», «роскошный» — насыщенный дорогими, красивыми вещами и цветом натюрморт, или

благородный портрет, от которого веет душевной и материальной удовлетворённостью.

ЗЕРКАЛО ДУШИ или **ВТОРОЕ «Я»** — картина, которая действительно становится вторым «Я» и «зеркалом души» — отражает Вас, Вашу душу, Ваши самые любимые и дорогие пристрастия (собственный портрет, портрет любимого человека, любимого животного, любимые цветы, вещи, любимый пейзаж). Дарует уверенность в себе, напоминает о лучших Ваших мыслях, настроениях и состояниях души, иными словами, настраивает на любовь к себе и миру, и любовь себя в мире. Приобретать или заказывать такую картину следует исключительно для себя. Чаще всего существует в жанре портрета, но может быть и в любом другом жанре. Находясь в доме, усиливает позитивные стороны Вашей личности и энергетики, Вас как бы становится «больше». Ваши знакомые ощущают это, как желание провести с Вами как можно больше времени, «любоваться» Вами, не могут «оторваться» от Вас. Такую картину стоит прятать или прикрывать от посторонних глаз и нежеланных гостей, поскольку картина этого типа часто несёт в себе интимность и камерность.

ЧАЙКА — картина, создающая ощущение полёта, или даже «улёта», мгновенного отрыва от земли. При взгляде на неё может возникнуть чувство головокружения, чудесной невесомости, духовной высоты, или «невыносимой лёгкости бытия». Картина чарующая, подхватывающая Ваш взгляд, как вихрь, увлекающая за собой в свои «небеса», или «миры». Жанр — пейзаж, моренистический, анималистический. Стиль — любой, от реализма до авангарда, «сюра» и «нео». Часто представляет собой композицию из одной или нескольких фигур. Но найти не фальшивую, истинную чайку «высокого полёта» не так уж просто. Много «псевдо-чаек» и чаек, увы, — «невысокого полёта». Поэтому будьте бдительны, — ищите её также долго и серьёзно, как Тиль-Тиль и Митиль свою «Синюю птицу». Постарайтесь не купиться на внешний антураж полёта: наличие, к примеру, на полотне или бумаге неба, птиц, крыльев или даже подобия ангелов ещё не означает действительный полёт, а может быть лишь видимостью. С настоящей «Чайкой» Вы на время: неважно миг или час, — забудете обо всём на свете, у Вас просто захватит и дух и взгляд, Вы влюбитесь в неё, Вы почувствуете, что должны видеть её каждый день, каждое

утро, и взлетать вместе с ней. Вы можете даже не удержаться и захотеть дотронуться до неё, как до недоступного, но очень желанного существа, или Вам вдруг захочется заплакать... — это будут хорошие, целительные, возвышающие Вас слезы. Образ «Чайки» может неожиданно присниться будущему хозяину, а потом также неожиданно быть «узнанным» им, поскольку этот тип картин действительно мистичен.

СОБАКА — всем «нутром», «сердцем» и душой предана Вам как настоящая собака, просто уже за то, что вы стали её хозяином, «позвали за собой». И соответственно, будет предана также тому, кому Вы её подарите, — пусть это, по-возможности, будут «добрые руки». Это картина-служанка, картина-хранитель, точнее даже «охранник» — она действительно «служит», и будет источать агрессивное поле, если рядом с Вами окажется недоброжелатель, и наоборот. Чудесный подарок любому человеку, чаще всего существует в анималистическом жанре, но может быть и в жанре портрета, в бытовом жанре. Роль «СОБАКИ» может успешно выполнять, к примеру, натюрморт с оружием, или изображение солдата. Такая картина часто бывает написана талантливым, но неизвестным, «не востребованным» художником, и потому «бедным». Отсюда — завышенное поле благодарности и преданности тому, кто купил, и для кого купили — то есть «хозяину».

КОШКА — картина с чисто «женским», истинно «кошачьим» характером — со всеми вытекающими отсюда последствиями: невозможным изяществом, грацией, элегантностью — «глаз не отвести», обаянием, пластикой — цвета и линии, и — полной непредсказуемостью. Имеет «свое» настроение, «измерение», может «энергетически» уйти погулять и вернуться. Может «обидеться» если на неё давно не обращали внимания, не смотрели с восхищением. Умеет «неслышно», на уровне поля, мурлыкать, когда ей с Вами или с кем-то хорошо. Капризна и ласкова, нежна и требовательна. Часто весьма экзотична. Не сможет терпеть равнодушие — «уйдёт» к другому человеку. Ей действительно нужна Ваша *любовь*, а не место в Вашем интерьере. Если Вы не замужем или не женаты, — может участвовать самым различным образом в Вашем выборе, «нашептывать» свои впечатления о людях. Зато способна подарить по-настоящему счастливые минуты наслаждения, поскольку многогранна и любит открываться постепенно и с разных сторон. *Картина-загадка, картина-игра*, притягатель-

ная и таинственная, сексуальная и обладающая большим женским потенциалом. Авторами таких картин часто являются прекрасные художницы, глубокие, интересные личности. Богатство души и оттенков настроения — основа таких работ. Жанр — любой. Но чаще это натюрморты (цветы), портрет, анималистика, стили «НЮ», «сюр», «фэнтези». Дарить лучше человеку, которого хорошо знаете, «кошатнику» по типу. Следует соблюдать осторожность с людьми далеко не «юного» возраста, а также «солидно-женатыми» — могут начать сниться эротические сны, а к чему это приведёт — кто знает!

ЦВЕТОК — картина является в полном смысле этого слова украшением — интерьера дома, офиса, учреждения, «отдушиной» глаз, и чаще всего носит типично декоративно-прикладной характер. Она будет строго знать своё место, не отвлекать Вас от текущих дел и насущных проблем, и «довольствоваться малым» — рассеянным, усталым или скучающим взглядом. Она будет успокаивать, если Вас «завели», или на Вас «наехал» начальник, коллега, обидел близкий, знакомый или незнакомый человек. Картина благородна по цвету, проста, не перегружена деталями, имеет спокойный, светлый характер. Гармонизирует пространство вокруг согласно правилам китайского учения «ФЭН-ШУЙ». Чаще встречается в жанре натюрморта, в стиле «сюра», абстракции. В качестве подарка абсолютно универсальна.

ЦЕЛИТЕЛЬ — картина, которая близка по своей сути и цели и к «ИКОНОСТАСУ» и к «БЕЛОМУ МАГУ», но камернее, носит более утилитарный характер. Это картина-утешитель, медсестра, заботливая картина-мама. Такую картину, как личного доктора, найти нелегко. Зато не обязательно должна быть профессиональна — её автором вполне может оказаться искренний, жизнерадостный любитель или ребёнок, художник, работающий в жанре примитивизма. Последнее время философы и врачи признают за детским ИЗО-творчеством высокий целительный эффект. Очень разнообразна по жанрам и течениям. Одного человека может «лечить» образ старины, другого — натюрморт с васильками, третьего — портрет, четвёртого — пейзаж. Одной девушке знакомый художник подарил картину с изображением решетки, и, как ни парадоксально, при всей мрачности — и сюжетной, и цветовой, эта картина долго оказывала на неё целительно-тонизирующее действие. Главное, в поле такой картины Вам должно быть

не просто «приятно», «интересно», «хорошо», но и спокойно: она погружает в «спасительное забвение» душевной и физической боли.

ОКНО — чаще всего картина в жанре пейзажа, реже — натюрморта или интерьера. Картина, по-настоящему «ласкающая» взгляд зрителя, успокаивающая, создающая впечатление действительно нового маленького или большого окошка в мир, который нравится, в котором хотелось бы оказаться. Картина, взгляд на которую во время работы в минуту усталости, или в плохом настроении, равноценен выходу на улицу и глотку свежего воздуха. Очень хороший подарок для любого человека, но, конечно же, обязательно с учётом уровня вкуса. Будет ужасно, если поклоннику импрессионизма вдруг подарят пейзаж «а ля Шишкин», некую «пейзажную» поделку-подделку, коих море разлитое на уличных художественных рынках, а часто и в салонах. Хороша в самых различных «казённых» заведениях, в коридорах офисов, на лестничных клетках, в кафе, барах, комнатах отдыха, больницах, пансионатах, поликлиниках, в любых интерьерах. Никогда не «тянет одеяло на себя», нейтральна, пока на неё не упадёт взгляд зрителя, и в этом — её главное достоинство. Похожа на скромного, интересного, приятного, спокойного человека, общение с которым никогда не раздражает.

ОДЕЖДА — картина, исполняющая роль «ОДЕЖДЫ» для Вас или Вашего интерьера, создающая «СТИЛЬ» вокруг. Буквально — украшает стенку, кроме того, может создавать конкретное настроение окружающему пространству и созерцающим людям. Может быть в прямом смысле этого слова «МАСКОЙ» интерьера или хозяина, даже скрывать личностную суть, гримируя её, либо защищая от посторонних глаз. Очень хороша для офисов, театров, различных культурных центров, «открытого» дома, в котором вечно толпятся гости, далеко не всегда задающие себе вопрос «А не устал ли радужный хозяин или хозяйка, или оба вместе?». Картина дорога тем, что подобно «СОБАКЕ» преданно служит хозяину, но совершенно незаметно. Если же обладает высоким художественным и энергетическим уровнем (яркая, стильная), то даже способна принимать на себя удары — тайную или явную недоброжелательность приходящих к Вам домой или в офис людей, или — скрывать Ваше состо-

яние, настроение. В этом её и сила и слабость, поскольку время от времени нуждается в энергетическом «обновлении» (от протирания мягкой тряпкой, до «очищения» свечами и молитвой). Иначе постепенно возникнет ощущение «утраты блеска», «потускнения», «поплёклости». Как и дорогая одежда, нуждается в «заботе»-благодарности хозяина, в его любви и восхищении.

ДУШЕЧКА — картина, своим характером напоминающая Чеховскую «Душечку». Отражает настроение и состояние хозяина. Картина без особого «полёту», но — *«всегда мила, всегда послушна»*, жизнерадостна, скромна, небольшого размера, с тёплой, «домашней» энергетикой. Не подходит для офиса, только для дома. Немного напоминает «ЦВЕТОК», но мягче, камернее. Написана в неяркой, сдержанной, приятной гамме; жанр — натюрморт, портрет, пейзаж. Может раздражать в «раздражённом» состоянии и радовать в «радостном». И, соответственно, показаться вдруг невзрачной и тусклой, когда хозяину или хозяйке «грустно», в этом похожа на тип «ХАМЕЛЕОНА». У картины всегда «женское», нежное, заботливое поле. Она — переживает, волнуется за Вас, иными словами, всегда сопереживает. Употребляя психологическую терминологию, эмпатична. Очень подходит в качестве подарка холостому мужчине, офису, где много мужчин. В не слишком гармоничную семью, где частые ссоры или непонимание, внесёт миролюбие. В квартиру с «плохим», неупорядоченным бытом, где хозяевам вечно «некогда», или не хватает сил и желания заняться уборкой — внесет уют и ощущение порядка даже при отсутствии таковых.

БОЖЬЯ КОРОВКА — нежная, искренняя, тёплая картина с «женской душой». Может быть в стиле «примитивизма» или «наивного искусства». Чаще всего яркая, декоративная, даже виртуозно-отточенно декоративная. Но может быть и «вкусно» реалистичная, или «нарочито» небрежная, сотворенная с большим художественным вкусом. По тематике — всегда камерная, в жанре натюрморта, пейзажа, портрета, или бытовой композиции. Возможен стиль «китча», даже религиозного. Картина, цель которой «спустить» Вас — в хорошем смысле этого слова с высоты Ваших архиглобальных проблем в мир детских

или сентиментально-эротических грез и удовольствий, вызвать у Вас легкую улыбку от ощущения лукавой или искренней непосредственности, изящной незатейливости и милых, простых радостей. В этом смысле — это картина-дружок, или картина-ребёнок. Её размер универсален: от картинки-талисмана, влезающей в карман, до большого полотна на стене — вызывающего добрую улыбку у проходящих к Вам гостей. Не стоит подобную картину «вешать» в офисе или других «казённых» домах — ей будет неуютно, она будет чувствовать себя не в «своей тарелке», отвлекать Вас от дел, тянуть «одеяло на себя», и в конечном итоге потускнеет, испортится и, в лучшем случае, всё-таки окажется у кого-нибудь дома.

КУРТИЗАНКА — картина с очень сильной энергетикой, которую способен выдержать далеко не каждый хозяин, по характеру действительно напоминающая элитную содержанку, с собственным незаурядным характером, которая «сама» «выбирает» себе покровителя, а не клиента. Её можно сравнить с «наглым» крупным бриллиантом, которым многие хотят завладеть. И действительно, такие картины часто выставляются на аукцион, за них идёт настоящий, азартный «торг». В условиях же выставочного зала, галереи — собирают толпу, эпатируя, восхищая и даже шокируя. Картина, магнетизирующая взгляды, а посему — вампирящая и уничтожающая слабых, но «тонирующая» и вдохновляющая сильных. Всё же не слишком «домашний» тип картины, идеально подходящий скорее для коллекций, — поскольку всегда невольно и неосознанно будет возбуждать зависть у других и желание её «перекупить» — что и требуется любому азартному галеристу или хозяину частной коллекции. Такова картина Крамского «Незнакомка» или «Олимпия» Эдуарда Мане.

ХАМЕЛЕОН — картина многогранная, «многомерная», с ярко-выраженным характером, имеющая «свой» нрав, который далеко не перед каждым раскрывает. Интеллектуальная картина, написанная высокодуховным художником-интеллектуалом — для хозяина-интеллектуала. Картина-дипломат, «чувствующая» зрителя, созданная по-принципу: *«Умный поймёт, дурак не догадается»*, иными словами, способная восприниматься на любом уровне, хотя по-возмож-

ности сама выбирает «владельца», поскольку бывает «мистична» и глубока по содержанию. «Общается» с хозяином, «подсказывает» ему решения и даже «путь». Картина для «богатых» натур — королей (по духу), учёных, дипломатов, артистов, людей с подвижным складом ума, пытливых, любопытных, динамичных и всячески одарённых. Картина-«оппонент», способная «спорить» с хозяином в поисках истины и меняться в зависимости от настроения и интеллектуального уровня зрителя. Элитарная картина для элитарного зрителя. Жанр — любой, от натюрморта до батального, но чаще это всё-таки картины со сложной, интересной композицией, насыщенные по цвету и психологичные по сути. Но главное — нестандартные, незаурядные, написанные с тонким изяществом и большим художественным вкусом и мастерством.

РЫЦАРЬ — картина, которую хорошо дарить женщине или ребёнку, картина с ярко-выраженным мужским началом, но в особых случаях может быть и женским образом: к примеру, портрет «Мадонны» или Жанны-Д'Арк, или картина, в композиции которой присутствует икона. В ней всегда заложены охранительные, спасительные свойства — если не для тела, то для души. Картина, в присутствии которой Вам вдруг неожиданно становится «спокойно», или вы чувствуете прилив «силы». Интуитивно найти своего «рыцаря» в «толпе» картин можно, проведя следующий эксперимент: Вы назначаете свидание своему «недоброжелателю» или тяжелому, «вампирающему» Вас человеку в художественной галерее или выставочном зале с богатым выбором картин. Та картина, около которой Вы остановитесь, разговаривая с данным человеком, и не захотите двигаться дальше, — и будет по отношению к Вам картиной-«рыцарем», даже если её увидит только Ваша спина. В таком случае — поскорее расстаньтесь с Вашим собеседником, вернитесь к картине, разглядите её, и если не разочаруетесь, увидев её глазами — хватайте её скорей, пока другие не перехватили! Бывает в любом жанре, но если это не портрет, то с каким-нибудь значимым, главным предметом, берущим на себя роль защитника: мощное дерево (в пейзаже), корабль в море или — старинная библия или старинное оружие в натюрморте.

ЗОЛУШКА — нежная, прекрасная картина, прекрасность которой видна не всем, и не сразу. Картина, способная заиграть всеми бриллиантами таланта художника, попав в по-настоящему «доброжелательную» обстановку: хорошие руки, подходящее, правильное для данной картины освещение, и правильное место. Картина, которая при отсутствии всего этого так и рискует остаться незамеченной, пренебрегаемой, «гонимой», не оценённой по достоинству «Золушкой». Но тому, кто сумеет предложить ей «хрустальный башмачок» в виде вышеупомянутых условий — она подарит воистину много счастливых минут. Часто бывает написана женщинами-художницами, либо достаточно тонкими художниками с «женской» душой. Таким был Вермеер Дельфтский, многие картины которого являются истинными «Золушками». Изящный, сокровенный подарок, который можно дарить только подлинному ценителю. Жанр — любой, но большей частью это «тихие» «домашние» жанры: портрет, натюрморт, пейзаж, интерьер, бытовая композиция. Изредка — анималистический жанр: птицы или животные.

ПРАЗДНИК — вот уж раздолье для заказных и официальных помпезных картин! Хотя часто бывает написана на высочайшем художественном уровне. К данному типу относятся все виды «парадных» портретов, пышных и красочных; а также так называемые в прошлом «охотничьи» натюрморты, в которых даже мёртвая дичь выглядела как чудесный антураж «праздника жизни». Это картины, изображающие самые различные «пиршества» и праздники — неважно, королевский ли это праздник, правительственный, деревенский, церковный или узкосемейный. Обычно существуют в историческом жанре, им почти всегда присущ «социальный» оттенок. Но было множество гениальных художников, «праздничных» по своей сути: достаточно вспомнить Матисса, многих импрессионистов, для которых сам цвет уже был праздником; или Малявина, Кустодиева и Ренуара — в картинах которых образ женщины становится праздником (у Ренуара — мягким, нежным, интимным праздником). Но даже для солидного офиса, (театра, клуба и т.д.) не стоит приобретать картину яркую, но официозную, помпезную или слишком парадную — почти все такие работы, особенно «на заказ» сильно «фальшивят». Ищите по-настоящему искренние и талантливые

«праздничные» работы. Очень выигрышно смотрятся работы парадно-декоративные, в отличие от лъстивого «реализма», они выглядят гораздо более теплыми и человечными. И уж ни в коем случае не стоит приобретать картины дурного «советского» китча, в частности последователей Шиловско-Глазуновско-Васильевского трио. Может быть, приобретя подобную работу, Вы и подыграете человеку с неразвитым вкусом, который воспринимает работы подобных художников, как «глаз» народа, но по-высшему счёту, такая картина всегда поверхностна и воздействует негативно, хотя не всегда заметно. И уж во всяком случае, не ведёт к духовному росту. Кроме того, Вашего гостя, клиента или просто посетителя с хорошим вкусом, воспитанного на мировой художественной классике, такой выбор настроит иронически, скептически или даже пренебрежительно, как скажем, дешёвая авторучка на столе «важного» начальника или плохой логотип на документе сразу создаст ощущение «дурного тона», и привнесёт сомнения в солидности и респектабельности самой фирмы. Вы можете любить подобные полотна дома, в кругу близких, которые разделяют Ваши пристрастия, и думать, что искусствоведы и художники просто очумели от зависти к славе «общенародных гениев», но... в офисе, если только у Вас или у кого-то из Ваших коллег и друзей не безупречный вкус, стоит вешать работы лишь по серьёзным рекомендациям достойного искусствоведа.

КЛОУН — картина-улыбка, почти всегда и у всех вызывающая хорошее настроение, улыбку, радость. Бывает исполнена в любом стиле и жанре, но всегда выходит за рамки обычного, и вообще выходит за рамки. Может быть ироничной, или грустно-ироничной, эксцентричной, тонкой или нагло-лобовой и даже эпатажирующей по содержанию, разной, как и клоунские репризы. Всегда яркая, часто солнечная по восприятию, смешная, неожиданная, непредсказуемая по воздействию. Не любит слишком самодовольных "типов", людей-"индюков", причём взаимно — подобные картины у них также вызывают чувство раздражения, презрения, пренебрежения, брезгливости. Иными словами, "КЛОУН" — для тех, кто сохранил в себе святую "детскость", умение радоваться пустякам, смеяться не только над другими, но и над собой. Картина для не слишком "серьёзных" офисов, таких, где часто происходят "игровые" презентации, офисы, связанные с шоу-бизнесом, рекла-

мой. Особенно необходима в различных детских и лечебных учреждениях — детских садах, школах — в игровых комнатах, в поликлиниках, больницах, в обычных учреждениях — в комнатах психологической разгрузки. Очень хороша в качестве подарка ребёнку, а также людям с неутраченным детским взглядом на мир и чувством юмора. В домашней обстановке выразит характер хозяина, хозяйки или хозяев, — неординарность, жизнелюбие и оптимизм. Может поселиться в доме людей безалаберных, но открытых, доброжелательных и творческих.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ — совершенно удивительная картина, абсолютно соответствующая характеру героя Сент-Экзюпери: капризная, светлая, непредсказуемая, любящая и любимая, которая всегда будет напоминать Вам, что «Вы в ответственности за тех, кого приручили». Картина-загадка, картина-инопланетянка, очаровывающая Вас. Картина, являющаяся воистину «дитём искусства» — виртуозная и нежная, она будет обижаться на Вас, когда Вы к ней невнимательны, и дарить Вам сказку, с которой Вы уже не сможете расстаться. Картина, оставившая где-то на далёкой планете любимую розу — своего художника, тоскующая по нему, и чувствующая себя перед ним виноватой: «Я не умела любить, раз он со мной расстался...» Картина, возвращающая Вас к самому себе, к своей душе, если Вы стали слишком прозаичны, и погрузились в суету. Картина, преданная Вам и делающая из Вас человека, — даже помимо Вашей воли. Жанр — любой, но в ней всегда есть что-то совершенно удивительное: в композиции, или сюжете, или — фактуре. Она может быть трогательной, — как будто что-то переворачивается в душе при взгляде на неё, — будто задеваются какие-то болевые, но светлые струны. И ещё — около неё можно «услышать» тихую музыку, музыку «смеющихся бубенцов». Картина, изображающая «удавов, объевшихся шляпами, снаружи и изнутри», неизвестных барашков в ящиках, и -постоянно напоминающая Вам, что «Самое главное — то, чего не увидишь глазами...»

ХИЩНИК — картина для авантюристов, путешественников, спортсменов, альпинистов, для некоторых экстрасенсов или «колдунов», профессиональных охотников (в т.ч. и за душами), военных (разведчиков, шпионов, следователей и т.д.), а также людей, работающих

с животными (цирк, зоопарк), или по роду деятельности связанных с «экстремалом». Картины с высоким энергетическим «тонусом» и чаще позитивные, чем негативные, несмотря на возможно «устрашающий» вид. Картины, экспрессивные по настроению, несущие в себе сублимированное конкретное действие: прыжок зверя, колющий взгляд. Картины, написанные «жёсткой» кистью и «жёстким» взглядом, но служащие порою своеобразным лекарством «шоковой терапии». Всегда экзотична, часто — сурова. Не для уютных мешанских уголков. Не стоит дарить её женщине, если только Ваша подруга — не наездница, не экстремалка, не представительница мужских профессий (типа: то-реадор в юбке) и не сверхчувствительна. Но вполне можно рискнуть, если она — натура страстная, экзотичная и «амазонка» по духу. Жанр — чаще всего анималистический, но возможен портрет, дикий (ну очень дикий!) пейзаж, а также батальный и охотничий жанры.

Типы картин негативного воздействия:

УБИЙЦА — о таких картинах с древних времён складывались легенды, они внушали мистический ужас. Картины, действительно приводящие к смерти, в лучшем случае — к болезни, разрушающие целостность энергетического поля человека, его душевную гармонию и связь с Богом. «Сатанинские» или «дьявольские» — на самом деле, такие картины внушает художнику, мстительному или даже сумасшедшему (страдающему «шизофренией» или другим душевным заболеванием) «падший ангел», «злой дух», имеющий целью «губить людские души». Картина может быть настоящим «киллером» — «заказным» полотном-убийцей, закодированным опытным магом. Осторожнее будьте со старинными антикварными полотнами, особенно портретами. Старайтесь избегать вообще картин с негативным содержанием — даже в случае большого таланта художника, место им — в музеях, коллекциях и собраниях, а совсем не в Вашем доме, какой бы интересной и влекущей (даже завораживающей) она Вам не показалась. Картина, подаренная Вам после смерти её хозяина, или долго висевшая в доме, не слишком «светлых» людей, или в семье, где происходили частые ссоры, нуждается в «очищении» и «освещении».

ЧЁРНАЯ ДЫРА — сродни «убийце», но если «убийцами» чаще бывают портреты, работы старинные или «под старину», то «чёрной дырой» могут быть картины в жанре пейзажа, реалистического (жутковатого), космического или сюрреалистического, а также моренистического или батального жанра. Бывает и совершенно абстрактной. Картина явно или неявно «затягивает» в себя, как воронка. От неё невозможно оторваться, когда же с большим усилием воли человек всё-таки отводит взгляд, то ощущает разбитость, раздавленность и опустошенность. Картина-вампир, ворующая светлые помыслы, дисгармонирующая, во время просмотра которой может возникнуть ощущение «озноба», или вдруг неожиданно что-то заболит: заноет зуб или кольнёт сердце. Иногда около такой картины может возникнуть лёгкое головокружение, чувство шаткости, словно вокруг — болото, или под ногами — зыбучие пески. Можно вдруг «услышать» странные, иногда «космические» голоса, или музыкальные галлюцинации, что для сведущего зрителя означает безусловную «бесноватость» картины.

Единственно, где могут висеть подобные картины, и то — с непредсказуемыми последствиями — это в эротических салонах «садо-мазо» или в ресторанах с «дьявольскими» названиями и соответствующим антуражем. Тогда взаимоотношения картины-зрителя складываются по схеме «вампир-жертва», где жертва испытывает определённые мучительно-сладоэротические эмоции в момент «зрительного совокупления» с картиной, и может невольно захотеть приходить сюда ещё и ещё, и «жертвовать» себя картине, получая эстетический кайф от её демонического заряда. Вполне возможно, что такую картину может облюбовать «чёрный маг» и «женщина-вамп», превращающая, совместно с «подругой», висящей на стене, любовников в абсолютную «половую тряпку», обобранную до нитки.

СЕРЫЙ КАРДИНАЛ — достаточно сдержанная, приглушённая, хотя порою элегантная или даже величественная картина, в серовато-синевато-серебристых тонах, но бывает и в мрачноватой гамме. Незаметно, иногда подспудно-подсознательно влияющая на своего хозяина. Неощутимо-загадочная работа, поначалу кажущаяся достаточно спокойной, нейтральной, вполне обычной, со временем вдруг

начинает воздействовать на своего «владельца», приобретая «тайную власть» над ним. Опасна тем, что непредсказуема и похожа на мину замедленного действия — неизвестно, когда, как, где и кто станет жертвой. Порою, как яд, постепенно отравляет душу своего владельца. К примеру, может разрушить любовь, лишить её тёплой чувственности (пара вдруг почувствует неожиданное охлаждение друг к другу и разочарование). Может заболеть животное, надолго закапризничать ребёнок, сорваться важная многообещающая встреча. Картина-собственник или собственница, крайне эгоцентрична, скрыто «завязывает» на себя. Долгое нахождение с картиной вызывает депрессию, нарушения сна, кошмары. В редких случаях бывает позитивна, и тогда становится картиной-дипломатом, «советником», мягко влияя на Ваше настроение и ситуацию вокруг Вас. Тогда около неё возникает ощущение «лёгкой» приятной, целебной прохлады (она как-бы проветривает мозги, помогая найти нужное решение). Впрочем, и негативный «Серый кардинал» может неожиданно прийтись по вкусу меланхолику или ипохондрику, как некто созвучный, по принципу «подобное притягивается к подобному». Жанр любой, композиция чаще сложная, кажущаяся иногда «запутанной», «непонятной», «неясной».

НИЩЕНКА — картина, всем своим характером напоминающая «бедного родственника» или «юродивого». Не столь опасна, как предыдущие три, но особой радости тоже не принесёт. Её также можно назвать «двадцать два несчастья», — поскольку с ней всё время что-то случается. То она падает на голову гостю, то у неё ломается или ветшает рамка, то отстаёт кусочек краски и она «требует» реставрации. Она достаточно бездарна и бесцветна, поэтому от неё часто хотят избавиться, передаривая её и она «ходит по рукам», не особенно пытаясь остаться на одном месте. Долго ли будут длиться подобные путешествия — неизвестно, но рано или поздно она окажется на чердаке или помойке. Вероятно, и там кто-нибудь её пожалеет, и она продолжит своё существование у опустившихся или мало разбирающихся в искусстве людей. Не слишком хорошая, но иногда и не слишком плохая, она всецело заурадна, и если не представляет интереса для искусствоведа и ценителя, то наверно судьба её могла бы вдохновить хотя бы рассказчика. «Побирается» по свету в жанре натюрморта,

пейзажа, плохого «ню», нередко слащавая и беспомощна, поскольку её родителем часто является самодельный, но совсем не талантливый художник. У большинства хозяев вызывает искреннюю жалость.

СЛЕПОЕ ПЯТНО или **СЕРАЯ МЫШЬ** — картина, на которую Вы можете целый день смотреть и всё-таки не увидеть. И не потому, что она «слон», а вы глядели как в басне на букашек, а потому, что её скорее можно принять за камуфляж стены, чем за произведение искусства. Выглядит не так «бедно» и жалостливо, как «нищенка», но ни добротная рама, ни узнаваемость чего-то изображенного там, не спасает от её полной, как говорят дети «никакости». Стиль чаще всего реалистический, но встречаются потуги в других стилях. Картина, вампирящая по-принципу китайской философии ФЕН-ШУЙ — как любая ненужная и бессодержательная вещь в доме, занимающая пространство и время. Даже слегка скользящий взгляд потеряет на такой картине часть энергии. Вблизи неё может напасть неожиданная сонливость или безразличие. Как правило, она классно собирает пыль — ну просто намагничивает её. Серый слой делает её ещё более серой, не приметной и нежеланной. В доме, где висит, повышается степень безликости и усреднённости — либо хозяев, либо окружающей обстановки. Может висеть годами, в том числе и в салонах, невостремованная, и даже не обиженная, поскольку ей вообще не свойственны «эмоции» даже на уровне поля, — не умеет ни дарить их, ни отражать, ни принимать. Полный «нуль» — в философском и метафизическом смысле. Жанр — неизвестный, неопределённый, и — ненужный. Случай подарка такого шедевра кому-либо — выражает либо запредельную неискущённость в искусстве дарящего, либо — полное равнодушие к поздравляемому.

Соответственно, багет к картине подбирается также — по типу картины: к "ПАРАДНОЙ" картине — "парадный" багет, к "ЗОЛУШКЕ" — скромный, но добротный, и т.д.

И в завершение — небольшое предупреждение. Будьте осторожны в художественных салонах — несмотря на высокий профессиональный уровень (особенно в крупных, известных салонах), энергетика многих картин часто бывает «выхолощена» конъюнктурностью, неискренностью автора. И кроме некоего, иногда весьма яркого «салонного бле-

ска», прикрывающего внутреннюю пустоту, в картине ничего нет. Это картины-пустышки — их поле совершенно не заряжено. В лучшем случае они играют в интерьере роль ёлочной мишуры.

Вот и закончена возможная классификация картин по типу их психологического и энергетического воздействия. Выбор — за вами. Ваш дом ждёт от вас сюрпризов и заботы.

Светлана РАСПОПОВА

ЗАРЯДКА НА УДАЧУ

Я люблю дорогу, тропинки, мосты и мостики, потому что там, неожиданно оказавшись в одном месте, пересекаются люди, и каждый со своей жизненной историей.

Мцхета

Мы ехали на минивэне из Тбилиси в Мцхету, древнюю столицу Грузии. Водитель и гид — грузины, ирландец, который, узнав, что мы из России, моментально оживился. Казалось, что Грузия с ее живописными окрестностями в тот момент переслала для него существовать. Экскурсия велась на двух языках, и когда гид переходил с английского на русский, ирландец с подчеркнутыми уважением замолкал и вслушивался в чужую для него речь, как будто силился понять смысл сказанного. А дальше болтал без умолку по-английски, вставляя русские слова, которые, как правило, легко заучиваются иностранцами: «хорошо», «спасибо», «до свидания». Он рассказал, что в юности, учась в университете в Германии, брал уроки русского,

но освоить язык так и не смог. «Я был несколько раз в России, это прекрасная страна», — повторял он. Первая остановка в пути обещала дегустацию грузинского вина, в предвкушении которой ирландец оживился и предложил нам после экскурсии пойти с ним в бар и выпить за дружбу ирландские виски и русскую водку. Но мы его инициативу не поддержали. Во время дегустации он отошел в сторону и пробовал чачу, Саперави и Цинандали в одиночестве. Потом пересел на заднее сиденье машины и всю дорогу молчал, вступая в разговор только с гидом. По возвращению в Тбилиси ирландец попросил остановить машину раньше, не доехав до конечной остановки. Мы вышли вместе с ним, чтобы попрощаться. Чудом у меня в рюкзаке оказалась новенькая ручка с надписью на русском языке: «Заряжена на удачу», которую я подарила ирландцу.

Казбеги

Экскурсия в Казбеги по военно-грузинской дороге — это километровые пробки из-за высокого потока машин и ограниченной пропускной способности. Украинцы, китаец, еврей, приехавший из Израиля, и мы отправились в путь длиной 160 километров в одну сторону. Основные достопримечательности, которые должны были мы увидеть: Троицкая церковь в Гергети (XIV век) с панорамой горы Казбек, Гвелетские водопады, крепость Ананури и Арка Дружбы народов, которую возвели в 1983 году по случаю двухсотлетия Георгиевского трактата 1783 года и дружбы уже между Советской Грузией и Советской Россией. Вот с посещения этой арки все пошло не так. По команде гида мы вышли из машины. Было холодно, в горах в начале мая, когда снег еще не сошел с гор, без специальной одежды сложно. А одеты мы были явно не по погоде. Только китаец был экипирован должным образом. Одет он был по-военному и, как оказалось, в недавнем прошлом преподавал русский язык в военном училище. Китаец рассказал, что ему 57 лет, что он пенсионер и приехал в Грузию, воспользовавшись майскими праздниками, приуроченными к Дню международной солидарности трудящихся (1 мая), названными в Китае «Золотой неделей». В нашей компании китаец чувствовал себя комфортно и попросил гида общаться с ним на русском языке. Еврей

при знакомстве сказал, что родился в Израиле, но его родители были родом из Батуми, которые и привили ему любовь к Грузии. Общался еврей только на английском языке, русским практически не владел, кроме отдельных фраз. У гида и водителя еврей вызывал явное уважение, потому что хорошо говорил по-грузински. Гид называл его грузинским евреем. Двое украинцев, мужчина и женщина, ехали молча, не вступая ни в какое общение. Сорок минут, отведенные гидом на Арку Дружбы народов, истекли, мы направились к машине. И тут обнаружили, что потерялся еврей, оставив на сидении машины свой рюкзак. Все стали искать еврея, гид и водитель убеждали нас, что он где-то у арки и что с минуту на минуту подойдет к машине. Китаец по-военному быстро включился в поиски, но с большим сомнением, что еврей где-то здесь. «Вы видели его? — спрашивал он у нас, — я его не видел, его точно не было». Прошел час ожиданий и поиска пропавшего еврея. И тут гид сообщил, что еврей где-то далеко и за ним надо ехать.

Когда, несмотря на наши возмущения и нежелания ехать в обратную сторону в поисках пропавшего еврея, мы все-таки двинулись в путь, китаец никак не мог понять, как еврей мог за короткое время оказаться так далеко от арки. «Не по воздуху же он ...», — произнес китаец. Но оказалось, что именно по воздуху еврей переместился за десятки километров. Гид, который недавно уверял нас, что еврей где-то у арки, признался, что еврей улетел на парашуте и не может вернуться. Мы были возмущены. «Вы не смогли организовать экскурсию, как надо, — обвиняли мы гида. — Не надо за ним никуда ехать, потеряем время, запланированное на экскурсию». Гид и водитель во всем обвиняли еврея, говоря о том, что он их не предупреждал о своих планах. Мы поехали в обратную сторону по пробкам. Всю дорогу мы ругали гида, потом еврея, когда тот вернулся. Его привезли на машине, он был слегка смущен и извинялся по-русски. На последней отставке при посещении Троицкой церкви еврей оживился. Неустанно снимал горы, и в какой-то момент чуть не свалился с возвышенности. Он, вероятно, простил себя и больше не испытывал угрызений совести. А может он вообще не чувствовал себя виноватым. Возможно, гид и водитель организовали ему парашют, но из-за пробок он не

смог вовремя вернуться... В результате мы приехали в Тбилиси около полуночи, выстаивая километровые очереди на проезд по военно-грузинской дороге.

Мы вышли из машины, ни с кем не попрощавшись. Ручек с надписью «заряжена на удачу» я в рюкзаке своем не искала.

Сигнахи

Экскурсия в «город любви» Сигнахи, включающая посещение крепости, винных погребов и видов на Алазанскую долину, была приятной во всех отношениях. Сигнахи — город, в котором родился Пиромани, с которым связана легенда о миллионе роз для Маргариты, в которую был влюблен художник. ЗАГС в Сигнахи работает круглосуточно, потому что любовь не может ждать (из рассказа нашего гида — молодой грузинки).

Мы выехали из Тбилиси в компании немца, француза с русской девушкой и дамы из Чебоксар. По дороге немец и француз стали громко о чем-то говорить по-немецки. Женя сидел рядом с немцем и сделал ему замечание, вспомнив, как учительница немецкого языка в его школьные годы говорила, когда они, дети, шумели на уроке. Немец и француз моментально замолчали. Потом немец всю дорогу ни с кем не разговаривал, сторонясь любого общения. После обеда и дегустации вина гид сообщила нам, что Женя утром обидел немца, сказав ему грубо «заткнись». Всем стало неловко. Женя растерялся, потому что был абсолютно уверен, что вежливо попросил немца и француза говорить потише. Он стал извиняться, пытаясь прояснить сказанное им. Гид своим знанием русского и немецкого языка способствовала разрядке напряженности. Женя и немец в результате подружились и всю дорогу на обратном пути проговорили по-немецки. Но перевод фразы «говорить потише» остался для всех большой интригой. Какой же урок когда-то преподавала детям русская учительница немецкого языка?

Не просто хлеб

Этой историей я заканчиваю свое путешествие по Грузии. Попробовав в семейной пекарне в Сигнахи вкусный хлеб в форме сабли или лодочки, мы искали его в Тбилиси, но безуспешно. И вот в последний день, выйдя из отеля, столкнулись с молодой грузинкой с яркой внешностью, но бросилась в глаза не ее внешность, смуглых и черноглазых с длинным носом, который всегда выдает в человеке характер, много в Грузии. Я бы сказала, что в грузинах-мужчинах ощущается мягкость, а в женщинах-грузинках — сила. Бросилось в глаза то, что она несла в руках. Это были хлебные батоны-лодочки, один из которых был немного надкусан. Я неосознанно бросилась к ней с расспросами, где можно купить? Не понимая мою речь, она просто протянула мне хлеб.

Сергей МИРОНОВ

ДЖУЛИЯ

Пройдя турникет, Джулия каждый раз оборачивалась, застывая на месте. Мешая потоку людей, идущих дальше к эскалатору. А затем начинала внимательно вглядываться на расстоянии в мои глаза, подробно их изучая. Её светящееся лицо, ещё секунду назад озарённое белозубой улыбкой, тут же менялось. Чуть поблекнув, оно принимало озабоченно — внимательный вид. Взгляд, повторяя овал моего лица, вновь возвращался к исходной точке — глазам. Убедившись в чём-то для себя очень и очень важном, она опять начинало светиться. Далее шёл прощальный взмах рукой или воздушный поцелуй.

Сначала я не обращал на это никакого внимания. Зачем она это делает? С тех пор как мы познакомились, это стало её ритуалом. Из-за не частых свиданий я постоянно забывал об этой её своеобразной привычке прощаться.

Новогодняя вечеринка в «Глухаре», где мы познакомились, ещё не потеряла своей остроты и яркости. Аура очарования этой молодой женщины окутала меня бледно-золотистым коконом. Суровая зимняя палитра окружающего мира изменилась, обогатившись тонкими

цветовыми вибрациями приближающейся весны. Лёгкий ветерок зарождающегося нового чувства приятно овеял моё разбуженное сознание.

Каждый раз видя её иконку в телефоне, прежде чем позвонить, я любовался ею в предвкушении новой встречи. Невидимая сила, исходящая откуда-то изнутри моего тела, начинала бродить, будоражить и призывать к действию. От её дуновения обвисшие было паруса надежды вновь обрели упругость, порождая уже давно забытый душевный трепет. Невидимые маленькие крылышки у моих ног, будто позаимствованные у Меркурия, дарили лёгкость передвиженья по запруженным, новогодним улицам столицы. Как хорошо, как радостно начался новый год. Год белого Быка или белой Коровы. Столица вновь оживала после многомесячной самоизоляции москвичей.

Танцующая молодёжь на улице и в метро, танцующее настроение в душе, подхваченное танцующими снежинками, залетающими в подъезд вместе с закрывающейся дверью. Обманчивая, хрупкая новизна первых новогодних дней и недель.

Помню, с каким нетерпением я и брат ждали предстоящей встречи. Повод прост, нам нужен искушённый, образованный слушатель. Нужна обратная связь — реакция на изданный в прошлом году наш совместный сборник рассказов. Алегат — перевёртыш.

Вдвойне приятно, когда во время чтения на тебя будет смотреть молодая Джулия с подругой Глашей, а не морщинистая с увядшими чреслами ровесница. С потухшим взглядом и набором таблеток в косметичке.

Точно не помню, когда Джулия призналась, что у неё онкология. Год назад у неё обнаружили рак горла, и она прошла лучевую терапию. Правда, на момент нашего знакомства выглядела она великолепно. Лет на десять-пятнадцать моложе своих сорока пяти. Ни единой морщинки. Без всяких уколов красоты, силикона и ботекса.

— Наш род вымирает, — с грустью в голосе призналась она, — по материнской линии многие родственники уже умерли от рака. Все мои сёстры рожают только девочек.

А через пару месяцев — в этом году — ей светило новое обследование. Благодаря которому сразу станет ясно: выздоровела она или нет.

Секрет её молодости, удивительной свежести лица был и прост, и одновременно сложен. Двадцать лет назад, отказавшись от сахара, она продолжала испытывать себя на прочность, воздерживаясь от соблазнов кулинарного общепита Москвы. Заменив дешёвый сладкий наркотик на дорогостоящие, но не приносящие вред натуральные заменители.

Поэтому веганские кафе и фудкорты — её любимые места обитания в городской среде столицы. Здесь у неё много знакомых, ухаживающих молодых людей — тщательно следящих за своим здоровьем, с которыми она целуется и обнимается при встрече. Чтобы обратить в свою веру, Джулия затащила меня в одно из таких мест. Именно там я попробовал и узнал, что такое Фалафель. Загадочное название еврейского блюда породило во мне массу живых и не очень скромных ассоциаций.

Я не удивился бы, узнав, что это слово обозначает одну из секретных поз древнееврейской Камасутры. Что молодые пары в первую брачную ночь постигают глубинную сущность фалафеля. Блюдо мне очень понравилось и я сделал попытку повторить его в домашних условиях. Но увы! Потратив три дня на постижение кулинарных особенностей и сам акт приготовления, я не поднялся выше трёх баллов с плюсом. Причём первую порцию пережаренного фалафеля мне пришлось съесть самому. Вторую, сочную порцию еврейского блюда я очень хотел разделить с Джулией. Но увы, моя затея провалилась на корню.

Мой полного оптимизма голос был встречен уставшей и обезэнергеченной Джу, весь день просидевшей в фуд корте на Таганке, проводя просмотры по живописи и рисунку онлайн. На её предложение проехать до кафе «Фалафель» с моим самодельным фалафелем в термосе я категорически отказался. Прогуляться по парку, выпить кофе из термоса и заесть моей самоделькой было встречено с плохо сдерживаемым раздражением.

Мне резко расхотелось её видеть, менять устоявшийся режим питания, да и вообще звонить. На некоторое время я решил прекратить общение. Это была другая, незнакомая мне теневая, колючая сторона Джулии, полностью разрушавшая созданный мной прекрасный образ. Поэтому решили перенести нашу встречу на потом. Когда закончится

сессия и улягутся экзаменационные страсти. Когда в отдохнувшей голове Джу найдётся уголок для личных отношений.

Ежедневно отдельные эпизоды нашего новогоднего знакомства периодически всплывали в моём сознание, словно кадры любимого кинофильма. Я фанатично верил в нашу совместную сказку со счастливым концом. Вот и теперь очередной видеофрагмент новогоднего вечера в «Глухаре» всплыл из моего подсознания.

В перерыве между танцами Джу периодически уходила за свой столик отдыхать, пить зелёный чай или минералку. Обычно её хватало на два-три, максимум четыре танца подряд. Дальше шла пауза. Умоляющий взгляд, просящий об отдыхе. Её красивые длинные ноги, обутые в стильные кожаные сапоги серого цвета, тут же покидали танцпол. Вместе с аккуратной, коротко стриженной, светлой головкой. Будучи шатенкой от природы, она удачно перекрасилась в блондинку.

Наверное, отдыхая, ей одновременно приходилось наблюдать на расстоянии, с какой партнёршей я танцую, и вести разговор с подругой детства Глашей. Как только я слишком увлекался визави, она возникала в поле моего зрения вновь, сверкая своей очаровательной белозубой улыбкой. Ненавязчиво приглашая продолжить наше знакомство в следующем танце.

На ней был вязанный белый полувер и серая юбка. Аскетичная палитра её одежды выгодно контрастировала с ярким бархатом, шифоном, атласом, бусами, рюшами и другими наворотами окружавших её танцующих дам. Из всего окружения мне она нравилась больше всех. Хотя поначалу я принял её за стюардессу, не подозревая, что мы коллеги. Оказывается Джу-профессор в области графического дизайна и преподаёт в престижном коммерческом художественном вузе. Её подруга детства Глафира — репетитор и педагог — преподаёт иностранный язык индивидуально и в частном порядке.

Вместе с последними музыкальными аккордами я подошёл откланяться и распрощаться к её столику, где она сидела со своей коренастой, невысокого роста подругой. С ней я тоже успел размяться на танцполе, но ощущение какой-то угловатой зажатости партнёрши, меня не покидало весь танец. Который получился пресным, как овсянка, сваренная на воде.

Только благодаря Алексу, вовремя подошедшему к их столику, наше знакомство продолжилось. Разговорившись, выяснилось, что мы родственные души. Уже в гардеробной, помогая обеим дамам одеться, решили найти время для литературных чтений на квартире у брата. В доме сталинской постройки, с высокими потолками и лепниной. Несмотря на наш солидный возраст и опыт как художников и дизайнеров, в литературе мы были новичками. Я был младшим новичком, а Алекс — старшим.

Красиво сервированный круглый стол, украшенный цветами, розовым шампанским из Крыма, вином «Изабелла», фруктами и шоколадным тортом «Прага», как будто замер в ожидании. Слева от окна, на угловой столешнице электрического камина царственно возвышалась полутораметровая канадская ёлка. Сверкающая электрическими гирляндами и разноцветными игрушками, она была великолепным продолжением непрекращающейся новогодней феерии. Подготовка к чтению рассказов началась в атмосфере домашнего уюта, радушия и торжественности предстоящего момента.

Даже если один из участников застолья отказывается поклониться Бахусу, то это отнюдь не повод лишать себя удовольствия промочить горло крымским розовым. Отказницами оказались обе наши гости — Джулия и Глаша. Кружка зелёного чая, четыре мандаринки и половинка банана — вот скромный перечень блюд птички небесной Джу. У Глафиры другая проблема. Её белый ситроен, припаркованный у подъезда, её белый конь просто не заведётся при наличии малейшего запаха спиртного в кабине. Благодаря заботливому мужу, подарившему ей не только троих деток, но и антиалкогольный блокатор на двигатель её белого авто.

Поэтому она с удовольствием поглощала «Прагу» и кофе по-турецки, заботливо приготовленный братом. Рассказ, прочитанный Алексом, был по достоинству оценён аплодисментами обеих дам.

Реакция на мой рассказ «Роковой звонок» была, мягко говоря, не однозначна. Глаша призналась, что до последнего верила, что девочка Катя спасётся и не утонет в ванной, поэтому, приняв в душе непоправимое, молча сидела с красными глазами, полными слёз. У Джулии случился горловой спазм. Побледнев, она умоляла прекратить чтение.

схватившись за горло. Её лицо выражало реальную боль и неприятие случившегося одновременно.

Не ожидая подобной реакции, я продолжил чтение лишь после длительной паузы, дав возможность гостям прийти в себя. На некоторое время за столом воцарилась тишина. Каждый из присутствующих молча думал о чём-то своём, глубоко личном и сокровенном.

— У неё реакция ребёнка, — сказал Алекс про Джулию после её ухода.

По прошествии нескольких дней она позвонила и попросила помочь перевезти вещи от коллеги по работе, переезжавшей в связи с разводом.

— Где ты их находишь? — спросила её подруга, взглядом указывая на меня.

— Места надо знать, — ответила Джу, улыбаясь, с нотками явного превосходства.

— А куда ты дела прежнего? Может, одолжишь мне его на пару недель, а то что-то жить скучно стало.

— Куда, куда? Да он мне надоел. Звонит каждый вечер. Хочет встретиться, объяснить, предлагает. А потом он всего лишь Сахарок, а этот — указывая на меня — Медок. «Странно, подумал я. Секса у нас ещё не было, а меня уже записали в сладчайшего любовника. Пчёлка ты моя ненаглядная». Я мысленно поблагодарил Джу за щедрый комплимент.

Трёхкомнатная квартира, куда я попал, стояла ободранная и пустая. Только на кухне был стол и пара стульев. Выпили чай, с привезённым нами набором шоколадных конфет. Свой напиток я пил молча у окна, поставив чашку на подоконник, наблюдая за светской беседой двух подруг.

Я предложил Ирине, бывшей хозяйке теперь уже разорённого жилья, погадать на будущее. Оба оракула говорили о переезде, правда с большими потерями для неё. Читая бескомпромисное предсказание И-Цзин и Рун она разрыдалась. Смутная возможность последующего возрождения у неё тоже была, правда всего лишь в духе.

Но как возродиться в бэушной однокомнатной девятиэтажке на окраине Москвы? Переехав туда вместе с дочерью, из трёхкомнатной

квартиры в престижном районе? Оба оракула никаких рекомендаций на этот счёт не давали.

Разлюбивший её муж тут же оформил развод и раздел имущества. То, что когда-то радовало глаз или было предметом её гордости, теперь раздавалось Христа ради. Фигус и две орхидеи вместе с нами уехали в лифте на первый этаж. В ожидании такси цветы поставили на подоконник в тамбуре подъезда.

— Знаешь, кто ты? — с лукавой улыбкой спросила меня Джу. Надеясь на очередной комплимент, я расслабился. Улыбнувшись ей в ответ, не ведая подвоха. — Ты, — сделав паузу, она эффектно выдохнула: «Ты Чебанько милый!».

Грубая, взятая из солдатского лексикона прозвище хлестануло меня по лицу. Словно холодным кипятком в душу.

— Кто тебе это сказал? — помрачнев спросил я.

— Это Иришка так считает, что все художники — Чебанько, — осознав, что сморозила глупость, перевела стрелки Джу.

На несколько минут я возненавидел бывшую хозяйку фикуса и орхидей, несмотря на постигшее её горе. Вспомнил красное, гипертоническое, некрасивое опухшее от слёз лицо. Начинающие обрастать белыми волосками щёки и подбородок. Это гипертрихоз — повышенная волосатость кожи лица у женщин. От нервов. На новоселье ей вполне можно будет подарить электробритву «Bosh» — ядовито подумал я — с тремя плавающим лезвиями и мужской одеколон «Шипр» или «Саша».

Если попытаться определить генезис её женской фигуры, напрочь лишённой обаяния и привлекательности, то я всё больше склоняюсь к отечественной гастрономии. Скажем, большая охотничья шпикачка из свинины, или купата из мелко порубленной баранины с луком. Если же искать аналогию со сказочными персонажами мировой литературы, то Иришка явно тянула на Фрекен Бок — домоуправительницу Малыша, в замечательной сказке про душку Карлсона, который как известно живёт на крыше. Так же, как и у Фрекен Бок, у неё наличествовали большие жировые складки, туго упакованные в пестренькую ткань. С мелким, маловыразительным орнаментом, напоминая по цвету яркий детский дрифт на зелёной лужайке.

Значит я теперь и Чебанько и Медок одновременно. Два в одном, так сказать. Остаётся только не обмануть ожидания двух подружек. Толстой, зарёванной Иришки и стройной, улыбающейся Джулии. Женщины же, так любят обсуждать своих мужчин.

Вспомнил своё первое свидание с Джу. Её приглашение посмотреть незаконченный ремонт квартиры-студии. Всего тридцать три метра. Но вот уже второй год, а воз и ныне там. Сменилось уже две бригады. Как оказалось, дизайн-проекта нет. На тот момент ей не хватило денег на него. Всё на пальцах. Возможно причина её нездоровья как раз и кроется в этом выматывающем душу долготресте? Ей приходится снимать однокомнатную квартиру этажом выше, отдавая за неё две трети своей профессорской зарплаты. И жить в долг.

Была ещё одна странная привычка у Джу. Она любила коммуницировать. Она так и сказала: «Я люблю коммуницировать!»

Её телефон всегда перегрет, как утюг в прачечной. Звонки застают нас везде, не давая нам уединиться. В магазине, в метро, в такси и у неё на съёмной квартире.

Создавалось впечатление, что она нужна очень большому количеству людей в окружающем её мире. До шести-семи вечера доминировали звонки по работе. Учебные вопросы и задачи, плохая успеваемость отдельных студентов, обсуждение итогов прошедших просмотров. Дальше шли звонки просто знакомых, друзей и подруг.

Не имея семейного опыта, Джу тем не менее давала советы и в этой области. «Мужу надо вовремя дать сисю», — учила она свою незадачливую замужнюю подругу, позвонившую ей на пике семейного кризиса.

Английский денди девятнадцатого века, красавец Обри Бердслей, толи в шутку, толи в серьёз назвал открытое женское декольте одной из бездн. «Бездны манят» — с саркастической улыбкой вещал английский художник.

Красивая обнажённая женская грудь, на мой взгляд, может являться серьёзным аргументом. Недаром украинских феминисток, с болтающимися кабачками то и дело используют в различных политических и светских шоу. Пытаясь сорвать или хотя бы помешать происходящему на тот момент процессу.

Забытая Голливудская звезда семидесятых, обожаемая мной Джейн Фонда, очень надеялась произвести фурор на красной дорожке в Каннах. В свои семьдесят в специально сшитом, дорогом отливающим серебром платье, она хотела напомнить о себе уважаемой публике. В тот самый момент, когда очаровательная Джейн появилась в роскошном наряде, готовая к перезагрузке, её неожиданно окружают молодые тёлки с сиськами наизнанку, загораживая и не давая проходу. Чья-то злая, пошлая и неуместная шутка смутила звезду. Зато полный простор для действий папарацци.

Сосательный рефлекс терапевтичен, он успокаивает и подсознательно возвращает сосущего к его младенческим истокам. К чувству тотальной защищённости, возле материнской груди. Никто из ныне сосущих не хочет взрослеть и нести ответственность за свои поступки. Зато они хотят всё и сразу.

Поэтому так много молодёжи курит вэйп, электронные сигареты и прочую лабуду. Окутывая себя фруктовыми и другими экзотическими запахами. Запахами другой нереальной, выдуманной, фантазийной жизни.

Так много плюшевых зверушек прицеплено к женским кожаным дорогим рюкзакам. Напоминающим их избалованным, тоскующим хозяйкам о безвозвратно ушедшем безоблачном детстве. Адреналин, гормоны, затянувшийся пубертат — скажете вы. Просто дефицит любви и нормальных человеческих отношений. Полное отсутствие умения слушать и слышать друг друга. Все коммуницируют, а не общаются. Никто не хочет покинуть свою зону комфорта. У них, у всех — гигантские претензии к окружающему их миру, большому миру взрослых.

Двадцатидесятилетний индийский юноша подал в суд на своих обескураженных родителей только за то, что они родили этого инфантила. Не спросив у него личного разрешения на появление на свет божий ещё в материнской утробе.

Роскошь человеческого общения так и остаётся для большинства недоступной. А немые души, замкнувшись и не найдя опоры в этом мире, по-прежнему сходят с ума и кончают жизнь самоубийством.

Если сначала я не видел серьёзной угрозы в её девайсе, то со временем понял, что я второй, а он — всегда первый. Он ближе к её телу. К её рукам, к её груди, к её лицу, глазам и ушам.

Думаю, таким образом она отгораживалась от страха смерти, который постоянно жил у неё внутри. Притаившись где-то в районе её маленького смелого сердца. Лишь изредка, в периоды полного упадка сил, корябая его своими острыми коготками. Она выматывала себя, чтобы не оставаться с ним наедине, боясь заглянуть ему в глаза. Не признаваясь в этом никому. Даже себе.

— У меня больше нет ресурсов. Я рушусь, — говорила она мне. Падая на кровать по диагонали. Предварительно сняв верхнюю одежду и обувь в маленькой прихожей.

Вынув из её рюкзака шесть полутора литровых пластиковых бутылок с питьевой водой, решил затарить ими небольшой холодильник, стоящий у входа в комнату. Я был удивлён, заглянув в его нутро. Обнаружив там такое же их количество, если не больше. Серьёзной еды в нём не было. Плоды авокадо — три штуки. Упаковка веганского сыра и бутылочка соевого молока. А дальше вода, вода, вода.

— Я не умру. Я буду жить — говорила Джу, улыбаясь и заглядывая мне в глаза. Словно требуя подтверждения собственных слов. Она не позволяла своему сознанию, даже на миг, опускаться в тёмное болото тоски, уныния и безнадёги.

В тот момент я искренне восхищался Джулией. Несмотря на свой профессорский статус, на весь европейский комфорт её жилья, она напоминала мне человеческого детёныша-птенца, бурей выброшенного из семейного гнезда. Мне хотелось прижать её к себе, крепко обняв. Отдать ей часть своей энергии, часть своей жизненной силы. В тот самый миг я был счастлив.

Отдохнув и свесив ноги с дивана, с лохматой головой, Джу попросила зажечь тепловые свечи и вскипятить чайник. Выполнив обе просьбы, подошёл к ней и стал на колени. На мгновение мне показалось, что я наконец-то нашёл ту, которую так долго-долго искал.

Глядя в её глаза стал медленно целовать её руки, бережно держа их в своих ладонях. Её тёплые тонкие пальцы касаясь моего лица, уносили моё сознание в мир грёз и любовных фантазий.

«Я хочу уплыть в маленькой лодочке твоих тёплых ладоней. Уплыть в страну Любви. После стольких лет бесконечных поисков и ожиданий. Я очень надеюсь, что где-то далеко-далеко эта страна всё-таки существует. Где родные души, однажды встретившись, бе-

регут друг друга. Хорошо понимая, что им выпал шанс один на миллион. А может быть и на сто миллионов. Где сердца двоих звучат в унисон. Где жизненные трудности встречают с достоинством и без взаимных упрёков. А преодолев их, они вместе становятся мудрее и радостней. И ещё сильнее любят друг друга. Где чай вдвоём — это праздник, который всегда с тобой».

«Я хочу уплыть в маленькой лодочке твоих тёплых ладоней в страну Любви. После стольких лет бесконечных поисков и напрасных ожиданий. Мне хочется верить, что однажды я попаду туда. Быть может, совсем скоро. Возможно я брожу где-то совсем — совсем рядом с ней. На расстоянии двух рук, протянутых друг к другу».

Будучи приглашённым в качестве эксперта, я решил посмотреть купленную студию. Взяв ключи, вместе спустились на этаж ниже. Работяга из Подмоскovie явно не тянул взятые на себя обязательства по ремонту. Предел его компетентности для меня был очевиден. Отсутствие нужного инструмента и царивший хаос были не в его пользу. Вскрытые из любопытства коробки с дорогостоящим оборудованием, строительный мусор и меловая пыль были повсюду. Зная, с каким трудом всё это приобреталось, смотреть на весь этот бардак без содрогания и боли я не мог. В его неспособности признать собственное поражение и беспомощность были похоронены надежды Джулии на скорое завершение ремонта. А главное, были потрачены ресурсы и упущено время. Убито и потрачено впустую.

Задав пару профессиональных вопросов трудяге, я в этом убедился. Последующие события показали мне, что не все люди в состоянии принять предлагаемую им помощь. Моя обожаемая Джулия оказалась из их числа. Отказавшись от бригады опытных профессионалов, любезно предоставленных ей Алексом. Готовых за две недели закончить все работы и наконец-то прекратить её мучения, затянувшиеся на два года, причём за весьма умеренную плату.

Я с грустью понял, что зря трачу своё время, лишая себя возможности заниматься собственным творчеством и жить своей жизнью.. Мне стали не интересны её проблемы с ремонтом. В конце концов это её крест, её опыт отношения с окружающим миром. Не каждому под силу признать собственное поражение и некомпетентность. Её причины отказа меня не убедили. Потратить два года собственной жизни

на никчемушный, незаконченный ремонт. Заработать онкологию, и не сделать никаких выводов.

Алекс сказал, что ремонт её квартиры делается за три месяца бригадой профессионалов из четырёх человек. Причём с нуля и под ключ. То есть за два прошедших года можно было благоустроить семь таких квартир-студий.

Про дыхательный тренажёр Фролова я рассказал ей в уютной вареничной на Таганке, куда мы забежали, спасаясь от зимней стужи. Джулия тут же засела за ноутбук — собирать материал для очередной научной работы. Параллельно общаясь со мной и смартфоном. Две трети её мозговых извилин имели мужскую прошивку, доставшуюся ей от отца — учёного физика-ядерщика. И лишь одна треть, женскую — от матери филолога. Она видела логические цепочки, легко находила и выстраивала связи там, где обычный ум просто грелся вслепую на холостом ходу, абсолютно не понимая, что делать. Поэтому за год написать шесть научных трудов на кафедре графического дизайна могла только она одна. Профессорское звание ей было присвоено автоматом — за количество написанных научных трудов за последние несколько лет.

На улице было по-зимнему холодно и скользко, а здесь комфортно и тепло. Уютный столик на двоих, рядом со входом в большой зал на втором этаже, стал нашим временным прибежищем. Чудные вареники с вишней и чайник зелёного чая располагали к неторопливой беседе по душам. Напротив нас подстреленной тёмной тушей висел большой концертный рояль, оскалившись чёрно белыми клавишами. Подвешенный за ногу к потолку на стальном тросе. Все стены кафе, включая два туалета, были обклеены принтами старых газет, эпохи развитого социализма, с едва заметным жёлтым оттенком. В дополнение к роялю, баян, аккордеон, гармонь и две гитары украшали противоположную стену на уровне глаз стоящего человека. Немые, лишённые своего природного дара, объединять людей для песен и танца, превратившиеся в красивый декоративный символ ушедшей эпохи. Возможно, бывших владельцев всех этих музыкальных инструментов уже давно не было в живых. Поэтому они молча грустили, вспоминая свои лучшие деньки.

Джулия загорелась, узнав что Фролов сам вылечил рак желудка при помощи собственного изобретения. Принцип работы тренажёра был прост. Вдыхая воздух с сопротивлением через воду, в крови повышается уровень углекислоты. Природного регулятора, расширяющего диаметр кровеносного русла сосудов и капилляров.

С возрастом содержание углекислоты в крови падает. Сосуды сужаются, нарушая нормальное снабжение органов человеческого тела. Упрощённый взгляд на онкологию — это застой энергии или её безжалостная перетрата. У Джулии был, скорее всего, второй вариант.

Лично мне тренажёр помогал избежать целого букета проблем, связанных с возрастом. Гипертонии, радикулита, остеохондроза, ухудшения зрения, вплоть до глаукомы и катаракты. Занимаясь по часу в день, я выглядел моложе своих сверстников. Джу щедро скидывала пятнашку, заявляя, что больше полтинника она мне не дала бы. Я ей не верил, но было приятно слышать и понимать, что мои усилия по борьбе с возрастом не напрасны.

В начале девяностых и двухтысячных слава тренажёра Фролова, породила массу дешёвых подделок. Выздоровливали даже фронтовики, избавляясь от застарелых болячек, используя тренажёр для восстановления собственного здоровья.

За прошедшие двадцать пять лет ничего не изменилось. Только одна фирма «Лотос», купив лицензию у самого изобретателя, производила качественный товар, требующий индивидуального заказа и предварительной оплаты. Сама бизнес-леди излечилась от десятка болезней при помощи благотворного влияния дыхательного тренажёра Фролова. Лично уверовав в его пользу. Вложив деньги в производство, организовала фирму с красивым названием «Лотос».

«Всё остальное полная туфта» — было заключение самого автора изобретения, проанализировав существующий рынок имитаций и подделок его детища, с бессовестным использованием его фамилии, ставшей уже брендом. Будучи в два-три раза дешевле оригинала, они лишь дискредитировали само изобретение. Не давая возможность приобретателю подделки обрести обещанное здоровье.

Коммуницирование Джулии с различными медицинскими центрами ни к чему не приводило. Она звонила, договаривалась, но увы.

В открытом доступе его не было. Её вежливо просили перезвонить через несколько дней и пропадали.

Начавшийся учебный год, отодвинул приобретение тренажёра на неопределённое время. Через две недели, убедившись что у неё всё по старому и на нуле. Взял ситуацию в свои руки, просто дозвонившись до филиала, «Лотоса» в столице. Уже на следующий день, курьер доставил мне желанный груз домой. Джу, правда, сначала не поверила, но убедившись в реальности подарка, захотела увидеться и забрать его. Я встретил её на пол пути от метро, с большим подарочным тортом в руках, в красивой серой размахайке, укутанной в широкий шарф цвета кофе латте. Обнявшись, я поцеловал её в щёчки — небольшую припухлость по обе стороны от подбородка, оставшуюся в наследство от лучевой терапии.

Оказавшись в просторной квартире Алекса, раздевшись, пошли пить чай на кухню. Пока шли вдоль стеллажей с книгами по длинному коридору, Джу неожиданно заметила: «Я всё чаще попадаю в дома, где хозяева полностью отказались от книг». Конечно-конечно. Всё в интернете, всё онлайн. Её съёмная квартира также была лишена библиотеки — вспомнил я.

Торт «Киевский» — улада прямиком из детства. С неизменным рецептом и качеством, несмотря на пролетевшие полвека. К тарту Джу не притронулась, довольствуясь чашкой зелёного чая и половинкой плитки веганского шоколада. Насладившись, каждый своим выбранным блюдом, перешли к науке оздоровления физической оболочки.

Досконально всё объяснив и показав его действие на практике, вручил тренажёр Джу. С пожеланиями скорейшего выздоровления. Точно не зная, сколько ещё у неё есть времени в запасе, до нового обследования. Просил, не откладывая, начать тренировки. По пятнадцать, двадцать минут перед сном. Она стала жаловаться, что к вечеру у неё не остаётся сил вообще.

«Если ты хочешь стать здоровой, то постарайся найти время для него» — сказал я Джулии. В конце недели, её личный рекорд составил всего семнадцать минут в день. Дальше начинало мучительно болеть горло, не до конца окрепшее из-за болезни.

Она позвонила мне через неделю, попросив забрать свои вещи, оставленные у неё в квартире. Джу собиралась уехать из города. В элитный коттеджный посёлок под Москвой. Позаниматься с дочерью знакомого бизнесмена, улетевшего отдыхать в Сербию.

Встретившись у метро, я, как обычно, поцеловал её в щёчки. В «Пятёрочке» купили шесть пластиковых полуторалитровых бутылок воды. Загрузили в её плечный рюкзак, который я и понёс. Оказавшись в её квартире, раздевшись, затарил ими холодильник.

Спустившись этажом ниже, я забрал свои вещи. Моё непосредственное участие в ремонте не понадобилось. Студию было не узнать. Всё было вычищено, убрано и расставлено по местам. Правда, никаких подвижек дальше не было. В том что уборку делали профессионалы, у меня не было никаких сомнений. В предыдущий раз, когда мы вместе пытались навести порядок, мы быстро выдохлись. У Джулии поднялось давление, а мне просто было не в кайф заниматься не своим делом.

— Я его уволила — сказала Джу, имея ввиду работягу.

— Правильно сделала — подтвердил я.

Вернувшись в комнату, я обратил внимание на некую новизну в интерьере. В углу напротив дивана появилась мягкая раскладывающаяся кровать. В собранном виде напоминала кресло без спинки и боковых ручек. Сидеть на ней было крайне неудобно. Поэтому я предпочёл занять своё обычное место на стуле.

— Я рушусь. У меня нет ресурсов — сказала она упавшим голосом. — Поставь чайник и зажги свечи — уже в диагонально-горизонтальном положении продолжила командовать Джу. Отказавшись слушать мои рассказы из подаренного сборника, тихо дремала около получаса.

Окрепнув после короткого сна, с лохматой головой, стала пить чай, свесив ноги с дивана. С каким-то новым интересом заглядывая мне в глаза. Новизна её взгляда была мне очень даже понятна. Но ответной, внутренней поддержки во мне самом на тот момент она не получила.

— Сексом мы будем заниматься с тобой, дорогая моя Джулия, когда ты станешь здоровой. Не раньше — сказал я, глядя ей прямо

в глаза. Она не показала вида, что расстроилась, продолжая о чём-то думать, болтая ногами. Я быстро оделся и вышел.

Две недели её не было в столице. На мои послания она не отвечала. Молчание её было тотальным. Неожиданно выпав из общения с Джу, я ощутил потрясающую лёгкость и свободу. Словно какая-то невидимая глыба упала с моих плеч.

Тёплая дымка очарования и влюблённости расстаяла в морозном воздухе последних дней февраля. Осталось только любопытство. Сможет ли она выкарабкаться из болезни или нет? «Я с трепетом жду новостей» — написал я ей, после двух недельного перерыва. Это была маленькая ложь. Трепета не было и в помине.

Откликнувшись, в течении получаса, долго рассказывала о проведённом времени в коттедже. Свежевыжатый мандариновый сок, шпинат, зелень. Всё с рынка, всё свежайшее. Даже свою диету нарушала несколько раз. В общем всё очень классно. Волшебный, звонкий голос хорошо отдохнувшего человека.

«Я построил хрустальный замок на зыбучих песках времени. И назвал его твоим именем — Джулия. Мне казалось, что он будет стоять вечность. Наивный. Лёгкого дуновения суровой реальности оказалось достаточно, чтобы он рассыпался в прах».

Забыв спросить как продвигается её практика на тренажёре Фролова, позвонил ей на следующий день. На мой вопрос: «Как дела, моя дорогая? Как твои успехи в дыхательной практике?» Её ответ поверг меня в пятиминутный ступор.

Если бы на тот момент я обратился бы к бомжу в подъезде с похожим вопросом, где он собирался справить большую и малую нужду, стоя со снятыми штанами и без трусов, то его ответ матом был бы логичным ответом на мой вопрос. Но ответ сорокапятилетней интеллектуалки, профессора графического дизайна, вегана с двадцатилетним стажем наконец, слишком диссонировал и резал мне уши. Так как по уровню культурного кода, он полностью совпадал бы с ответом полуголового бомжа в подъезде, желающего там же опростаться. Поэтому её ответ я привожу не полностью, подвергнув его цензуре. «Как вошла, даже не присела, два часа подряд только на звонки и отвечала. Миша, бармен из фуд-корта не даст соврать». Истеричные, полные раздраже-

ния и непонятной ненависти интонации в голосе. Холодный кипяток в лицо, не оставляющий следов. Это ожог моей души.

«Кто же ты на самом деле, Джу?»

Неожиданно, мне пришла разгадка её изучающего взгляда, при расставании. Это взгляд энтомолога, поймавшего редкий экземпляр жука или бабочки. Поместившего его под стекло, предварительно проколов булавкой хитиновую оболочку. Изучая при расставании мой взгляд, Джулия каждый раз должна была убедиться, насколько крепко я сижу на булавочной игле очарованья.

Окончательно охладев, я перестал беспокоиться о ней. В самом начале марта она неожиданно позвонила.

— Серёженька, дорогой, я здорова. Можешь меня поздравить. Всё закончилось. Чем ты сейчас занят? У меня потрясающие планы. Запишусь на фитнес, на йогу, на цигун и буду ходить. Можем бывать там вместе. Как ты? Обещаю, буду выключать телефон после семи вечера!

От неожиданности, я отвечал на автомате: «Я очень рад за тебя Джулия, что всё закончилось. Обнимаю. Целую. Занят, перезвоню». Я не перезвонил.

Татьяна ПОЛЯКОВА

ГОРА БЕЛУХА

Дети, сегодня мы будем рисовать горный пейзаж. Посмотрите на этот этюд, он небольшой, как ваши листки из альбома, его удобно копировать, но разрешается рисовать и свои пейзажи. Я вам расскажу, что такое пейзаж.

Так начал свой урок рисования в 4 классе Сергей Васильевич. На удивление, дети увлеклись этим предложением, сидят уткнувшись носом в свои листки и рисуют. Обычно они бегают по классу, шумят, и мало кто действительно слушает учителя, тем более рисует. Наверно и детей завлекла белоснежная гора Алтая Белуха, подумал про себя учитель. А вчера его внучка, первоклашка, Машенька долго смотрела на новый этюд Белухи и вдруг спрашивает: «Дидя, ты всё время рисуешь эту гору, она тебя просила нарисоваться, да?»

От этого невинного детского вопроса, у него как будто что-то замерло внутри, напряглось, и он до сих пор не может понять этого состояния, как будто слова нарушили внутренний покой. Вот и сегодня неожиданно для себя принёс на урок детям такой сложный пейзаж. Зубцы синих гор, таинственные тени от лесов, густые кустарники,

кучками стоящие и ползущие вверх к белизне, к солнцу, и над всем цветовым пейзажем возвышается красавица белоснежная Белуха. Поймут ли дети необычность гористой местности с её меняющимся теневым фоном. Посмотрим.

Дома, сняв с мольберта начатый портрет, Сергей Васильевич поставил новый подрамник большого размера, и, не думая долго, определил точки будущих высот и перепадов гористой местности. Его мысли уходили всё глубже в прошедшее время, память как бы проснулась и начала показывать картины в цвете, в движении. Неужели всё это было в действительности. Срочные отъезд из Перми, опасные переезды и бурные реки Алтая: Чамал, Каменка, Бия.

Вспомнился 1921 год. Вся семья уже два с лишним года живёт в городе Бийске на Алтае, после срочного побега из Перми, когда была реальная опасность его уничтожения колчаковцами, как одного из авторов памятника красноармейцу, установленному около театра. Соавтор, художник Гущин успел уже уехать. А его семья срочно покинула город и с большими трудностями добралась до Бийска. Родственники, приютили у себя, помогли с устройством на работу, но надежда на спокойную жизнь и здесь на Алтае не оправдалась. Бесконечная смена власти: большевики, колчаковцы, то безвластие, то партизанское «господство» привели к полному хаосу и не стабильности во всём. Неожиданно Армия Колчака, дошедшая до Алтая, провела тотальную мобилизацию, под которую попал и Сергей Васильевич. Он исчез из семьи, как и другие мужчины, которых поголовно забирали на заводы и улицах. В результате такой мобилизации, крестьяне бежали в горы, в леса и сформировали свою армию партизан, насчитывающую уже более 10 тысяч. У партизан было самодельное оружие, они вели успешные бои с регулярными белогвардейскими частями. На усмирение крестьян был послан Чешский полк, стоявший в то время в Бийске. Эти чехи, бывшие военнопленные первой мировой войны (Брусиловский прорыв), побывали в ближайших сёлах, пограбили и вернулись с самоварами, сибирскими пуховыми шальями и другими «богатствами». Сергей Васильевич сталкивался с ними по воинской службе в части и знал их настроение на отъезд из города и страны, а не на борьбу с местными жителями. Вскоре чехи погрузились в вагоны и отбыли на Дальний Восток. При этом они совершили ужас-

ное аморальное преступление. Всех своих русских жён с семьями, которых завели за время пребывания здесь, они посадили в последний вагон поезда, но не прицепили его к составу. Когда женщины это обнаружили, основной состав был уже далеко, а им оставалось только плакать и рыдать. Бийск гудел, негодовал, и возмущался поведением чехов, но тайно ждал прихода Красной Армии. На рынке только и шептались об этом, авантюра же с семьями только усилила общее недовольство. Но пока белогвардейская армия ещё стояла в Бийске. Однажды Сергею Васильевичу, как дежурному части, поручили охранять двух пойманных «дезертиров», приговорённых к расстрелу и до утра запертых в камере. Сейчас он вспоминает свою крамольную мысль — самому бежать, а их отпустить. Но как бежать, везде найдут, очень опасно. Поздняя осень, рано темнеет, но он всё-таки решился отпустить их. Мужчина и женщина тут же растворились в темноте. Тишина в лесу, слышен каждый шорох, он дождался полной темноты и побежал к реке. С трудом нашёл лодку без вёсел. Подобрал кусок доски и спустил лодку на воду. Река Бия быстрая, очень широкая, добраться до противоположного берега без вёсел не реально. Но он должен. Мощный, постоянный шум воды вселил в него уверенность. Доска — не весло, грести трудно, лодку сносило в противоположную сторону от города, а река шептала, ворчала: двигайся, греби влево, ещё и ещё. Вот уже на противоположном берегу виден лес, а его несёт вниз, он не может пересилить реку, руки немеют, сил больше нет. Вдруг почувствовал, что течение стало более ровное, значит близок берег, приободрился. Снесло его километра на два вниз, теперь надо засветло добраться до дому. Прислушивался к каждому звуку, шёл крадучись как на охоте. В дом постучался тихо, уже под утро, а жена как будто ждала его и сразу открыла. Мокрого, замёрзшего без слов накормила и спрятала в подвале, чтобы дети не узнали. Ночью буквально выползал из тёмного подвала поесть, подышать, от свечного запаха его душил кашель, но дети не должны даже догадываться, что он здесь. Так он просидел около месяца до ухода Белой армии. Белогвардейцы собирались уходить, но ждали снега. С наступлением холодов, обозы офицеров с семьями, со всем имуществом гарнизона, под охраной конного эскадрона и спереди, и сзади двинулись к Чуйскому тракту в сторону Монголии. За огромной процессией наблю-

дал весь город. Как говорили потом на рынке, основном источнике всей информации в то время, нападений партизан по дороге на них не было. Белая армия спокойно ушла за границу. Вскоре появились местные партизаны и расположились со своими лошадьми по усадьбам и домам городских жителей. Не прошло и месяца, как на великолепных лошадях пришла уже кадровая армия молодой власти большевиков, и начала устанавливать свои порядки. Появилась возможность работы, видимо, вновь организованное РОНО направило Сергея Васильевича учителем рисования в местную школу в село Смоленское, а жене, Марии предложили место совсем в другом селе, что было крайне неудобно, разбивало семью. К тому же, местные власти неожиданно начали вводить новшества везде: бесконечные проверки, переводы с места на место, подозрительные опросы. Ходили слухи о голоде в центральной России. Стабильности и уверенности в дальнейшей жизни не было.

Все эти множественные происшествия, общая бытовая неустроенность, жилищные проблемы, отсутствие устойчивой работы и условий для учёбы детей — создали предпосылки для тяжёлого решения уехать куда-то, где будет лучше. Знакомый судья, дореволюционной закалки и его богатенький друг подбили Сергея Васильевича на путешествие в одну сторону: в Монголию до Нижнего Уймана. Район этот был хорошо знаком Сергею Васильевичу, и он решился составить им компанию. Семья стала собираться ехать в дальнейшее путешествие. Было продано всё, что продавалось и даже корова. Взамен куплены две лошади и две телеги — кибитки. Одна для двух сыновей, другая для Сергея с Марией. С большим трудом они получили документы, разрешающие передвижение по Алтайским горам с целью сбора целебных трав и ознакомления подрастающих сыновей с флорой края. Чтобы не встречаться с патрулями, выбрали путь по древней дороге, огибающей Белуху с запада. Весь путь предстояло пройти примерно в 200 км по горным перевалам, по степям и через бушующие реки.

Из дневника «Путь по Алтаю 1921 г.» — дорожные записи. «Наконец 26 мая мы выехали. День был жаркий, дороги подсыхали после дождя. На третий день стал опять накрапывать дождь, постепенно дорогу развезло, ехать стало невозможно. Лошади увязали в грязи, решили заночевать, распустили лошадей, сами забились в кибитки, завернулись в одеяла от холода и уснули. Наутро сварили на воде про-

сяную кашу и с сухарями съели. Двинулись в путь... К обеду дождь перестал, мы вышли из кибиток, лошадям трудно везти кибитки по грязи и многочисленным корням. Но настроение не падает, когда живёшь мечтами о будущем.»

Дорога была очень трудная: километры однообразия по голой степи, сменявшаяся переходами маленьких речушек вброд с большими скользким камнями, остановки из-за усталости лошадей и ещё множество непредвиденных препятствий езды по лесу. Но идти надо было, скоро город Алтайск, а дальше начинаются горы.

Выдержки из дневника: «В дороге уже месяц. Утром не евши, отправились по дороге к броду, но оказалось, что переехать через реку здесь невозможно, пришлось сделать крюк вёрст в десять. Наконец нашли брод, лошадей вели под узду, ощупывая ногами ровное дно, остерегаясь, чтобы не перевернулась телега. У наших попутчиков телегу тянули две лошади, сами они сидели в кибитке. Но телега наклонилась и в самой быстрине перевернулась. Все оказались в бурлящей воде, вещи поплыли, быстро исчезая из виду. Мужчины бросились спасать женщин и оставшийся скarb, на берегу мокрые сели отдохнуть и лошадям дали отдых.... Проехали Алтайск и через 4 версты доехали до Каменки — длинная деревня между невысоких гор... живут одни русские крестьяне, не кержаки. На горах растёт берёза, лиственница, много смородины, черёмухи... Река здесь не глубокая, но широкая, быстрая, с большими камнями на дне. Мостов нет и люди ходят вброд, а город по обе стороны... Доехали до города Улала (теперь Горный-Алтайск), передохнули пару дней.»

Снова в путь, въехали в горы, тёмно-синие тучи выползают и казалось, сейчас упадут на нас, предупреждая, что путь через перевалы не простой с новыми трудностями. И опять воспоминания, как мы ехали уже третий месяц, без нормальной еды, с перебранками, особенно между женщинами. Наконец достигли перевала, остановились, вылезли из обозов и собрались в одну группу. Всех поразила картина горных хребтов, волнистой грядой уходящих в воздушной дымке во все стороны и возвышающаяся над всем белоснежная гора Белуха со сверкающей снегами короной. От увиденного, путешественники замолчали, притихли, стали всматриваться в необычайную красоту. Гора сияла, резала глаз яркостью и блеском, слегка меняя оттенки от

чисто белого до серовато-жёлтого. Облака нежной мягкой полосой спокойно плыли мимо. Неожиданно вершина потемнела, пахнуло холодом и порыв сильного ветра чуть не сдул нас. Мне, я помню, стало как-то не по себе. Но вскоре гора вновь засияла. Такая резкая смена красок, контрастность подействовали на меня, может быть как на художника.

Из дневника сына Николая: «Вдруг папа заявляет: Дальше я не поеду, мы возвращаемся обратно. Судья начал уговаривать, сказал, что это не серьёзно, такой проделан большой путь, и что осталось немного, и как бы он не пожалел потом.

— Нет, не поеду, — сказал папа решительно и тут же ушёл.

Так всё и было, Сергей Васильевич опять вспомнил этот необычный важный момент. Решалась судьба его и всей семьи. Это она, Белоснежная Белуха дала ему знак, это она сжала всё его нутро до боли и приказала вернуться. Он стоял на этом перевале как перед судьёй, оценивавшим его поступки и который спросил: «Куда ты собрался?»

Потом, по дороге в долгом молчании мысли бежали и грызли его изнутри. Но он не осознавал их, а просто чувствовал, что сделал правильно.

Возвращение было долгим и каким-то более свободным. Осень приближалась и горы окрасились в новые цвета. Прошёл небольшой дождичек и вдруг перед ними встала огромная радуга. Воздух наполнился тёплой испариной земли. У всех возникло чувство, что тёплая щедрая земля делится с ними своей красотой, а радуга, как её торжество, и под этим нимбом они должны проехать и даже его коснуться. Невольно возникло чувство тайного смысла происходящего. Мальчишки стали прыгать, радоваться, что-то бросать вверх, кричать, что они опять дома.

Он стоял сейчас у мольберта, накладывал мазки масляной краской, а в подсознании был всё ещё там. Кадры тех далёких лет проплывали в голове. Возвращение куда, к чему? У них не было ничего, надо было создавать жизнь заново: место существования, жилье, работу, учёбу.

Алтай по природе и по заселённости весьма разнообразный край. По дороге обратно встречались села переселенцев с северных губерний Малороссии, поляков-революционеров, переселённых в конце 19 века, киргизов, живущих в чумах. Он помнит, что остановились

в селе Куяган в долине реки Песчаной среди отрогов гор у русских крестьян. Конечно, не обошлось без происшествий: пересекая очередную бурную реку, телега провалилась в яму передними колёсами, и старший сын Николай свалился в ледяную быструю реку. Пока выбирался на противоположный берег, сильно продрог и вскоре заболел лихорадкой со всеми последствиями.

И опять наплывы воспоминаний: их внимание в этом селе привлёк красивый деревянный русский дом синего цвета с резными расписными ставнями. Приветливый хозяин, угостил мёдом из колод, похлёбкой из картошки, и они решили у него снять полдома. Он предложил им накосить ему и себе сена на его заимке. Погода благоприятствовала, постепенно освоились, даже купили корову, да ещё и случилась прибавка — жеребёнок родился у нашей лошади. Нашлась работа в школе и казалось, налаживается жизнь. Но было время жестоких перемен. «Винтовка была на взводе» — поговорка тех лет. Новая смертельная опасность поджидала их, и опять семья была вынуждена преодолеть путь в 160 вёрст и вернуться к родственникам в Алтайск по зимней снежной дороге с огромными сугробами, когда не видно было даже крыш домов. Следующие года — разруха продолжалась, хаос нарастал и привёл к новым бесконечным перемещениям по огромной стране: Алтай, затем с сестрой и мужем-революционером в Москву, далее с ними же на Кавказ, далее Дальний Восток к сестре и так далее; а неустроенность была на грани разумного: аресты, ссылки, побег. И часто возникало чувство бесполезности возвращения, но что-то держало. Он сейчас осознает, как бы наступило прозрение — держало чувство принадлежности к большой семье, родителям, сёстрам. Ведь если бы не их семья, то семья сестры не выжила бы, когда её муж заболел холерой и они выхаживали его, бросив все свои дела. В то опасное время родственные связи сплелись в единый клубок общей взаимопомощи, все нужны были друг другу, как единая семейная целостность, благодаря которой они все выжили, и каждый нашёл своё призвание: — один сын авиаконструктор-изобретатель, другой лётчик-испытатель новых самолётов. Сам он преподаёт в школе и у него есть внуки.

На картине уже ясно проглядывалось очертание сверкающей горы Белухи, её магическая сила с картины до сих пор действовала

на художника. А хитрые глазки внучки внимательно следили за его работой и вселяли в него уверенность и творческий азарт. Сергей Васильевич часто брал её с собой на этюды в ближайший лес. Писал поля, убранные по-северному, когда снопы собраны в суслоны, дали с влажной холодной дымкой, маленькие ёлочки, закаты с кучевыми облаками. Любимое Подмосковье. Да и масса портретов, ушедших на фронт, когда матери, получив портрет, прижимали его, как прижимают живых людей. Рисовал портреты Чкалова, Белякова, Байдукова и их знаменитый самолёт, совершивший полёт через Северный полюс в Америку.

Он был принят в МОСХ и работы выставлялись на различных выставках, а картина «Гора Белуха» получила приз и была приобретена коллекционером.

Написано на основании реальных дневников Пономаревых.

Т. Н. Полякова-Пономарева, 2025 г.

Татьяна РАССАНОВА

ШАГИ В НИКУДА

Идея встречать Новый год как-то по-особенному принадлежала мне. Хотелось сменить обстановку. После разрыва с Димкой оставались общие знакомые, которые не преминули бы в глаза пожалеть, а за спиной обмыть мои бранные косточки. А народная молва не зря гласит, что как Новый год встретишь, так его и проведешь. И предложение Вацлава встретить новый год в его родовом замке, единственной собственности, которой он владел, понравилось. Вацлав сказал, что в замке гостит его старый родственник, и поэтому попросил захватить с собой подругу. Единственное, что меня беспокоило, не слишком ли стар его родственник, лишь бы он не заснул за праздничным столом.

Вацлава я знала давно. Он мог, как никто другой развеять дурные мысли, дать ценный совет. В любой компании он был желанным гостем. Никто не мог так уморительно рассказывать анекдоты и смешные истории. Они у него сыпались как из рога изобилия.

Самое главное, общаясь, он никогда не лез собеседнику в душу. Возникало чувство, что он и так всё знает. Его чёрные глаза прожи-

гали насквозь, когда он смотрел на тебя. Его небольшая сутулость создавала иллюзию горба, но это совершенно не отталкивало от него людей, а наоборот, притягивало, как магнитом.

И сегодня утром его звонок был как нельзя кстати. Найти подругу не составляло труда. Ольга была в депрессии, и ей давно не мешало развеяться.

Найти Вацлавский замок было не трудно. Он вырос как по взмаху волшебной палочки из-под земли. Строго выдержанный в готическом стиле, он радушно распахнул свои ворота перед нами.

Въехав во двор и остановившись, мы с интересом рассматривали жилище, которое предоставляло свой кров на эту сказочную ночь. В замке, казалось, не готовились к встрече Нового года. Были освещены только окна на втором этаже.

Постучали в дверь и нам тут же открыли, как будто за ней давно стояли и ждали нашего прихода.

Старый сторбленный дворецкий проводил нас в наши комнаты.

Хорошо, что они смежные, не нужно будет лишний раз выходит в коридор.

— А тебе не кажется, что больно тихо в доме, не слышно каких-либо приготовлений к празднику? — спросила Ольга, надевая вечернее платье изумрудного цвета.

Оно очень шло, к её синим глазам, что я, залюбовавшись, даже прослушала, о чем она спросила.

— Очнись, спящая красавица, — раздраженно произнесла она, поднимая и укладывая темные волосы на голове.

— Не знаю, Оля, что странного в этом. Замок имеет толстые стены, да и нас за столом будет всего четыре человека. Может, быть, они ещё днем всё сделали, — ответила я, облачаясь в свой наряд.

Часы на камине пробили одиннадцать часов. Пора было спускаться в гостиную.

— Ирка! Просто умереть, не встать! — воскликнула Ольга, окидывая меня взглядом.

Признаться, я и сама видела, что выгляжу неплохо. Бархатное вечернее платье темно-вишнего цвета неплохо подчеркивало мою фигуру, а единственное украшение — кольцо с рубином на указательном пальце, чрезвычайно притягивало взгляд.

— Ладно, Оля! Ничего особенного! Пошли залечивать раны! — ответила я, и направилась в гостиную.

В гостиной никого не было. Это меня несколько озадачило.

Вацлав не имел моды опаздывать. И, тут, как будто прочитав мои мысли, появился как из-под земли дворецкий.

— Пани Ирена, пани Ольга, пан Вацлав просил извинить. Он опаздывает, и просил вас проводить в столовую, — произнес дворецкий, распахивая перед нами дверь.

Нам ничего не оставалось, как следовать за ним. В столовой был накрыт стол на четыре персоны. От яств исходили тонкие дразнящие наше обоняние аппетитные запахи. Дворецкий так же бесшумно исчез, как и появился.

— Неплохой вкус у Вацлава, — произнесла Ольга, обходя стол.

— И у меня тоже смею надеяться, пани, — раздался мужской голос.

Мы вздрогнули. Из кресла, стоящего возле камина, встал мужчина и вышел на середину комнаты. Ему на вид было не больше сорока пяти. Седина только кое — где тронула его волосы. Чёрные как смоль глаза пристально окинули нас.

— Простите, я не хотел вас испугать, — произнес он и продолжил, отвесив глубокий поклон, — меня зовут Ян. Я — родственник Вацлава. А вы — его друзья, как я понимаю. Вы — Ольга, — и галантно взяв её руку, Ян поцеловал.

— Да, вы угадали, — ответила она.

— Я никогда не гадаю. Я просто знаю, — ответил он, и, повернувшись ко мне, продолжил, — А вы — Ирина, и сейчас вас мучает только один вопрос: где же Вацлав? — сказал мужчина и поцеловал мою руку. Его губы были холодны.

— Да, вы правы, — ответила я.

Ян, видимо, только ждал подтверждения своей правоты и продолжил, — Вацлав сегодня объезжал Валета и слегка пострадал. Он в больнице. Но не беспокойтесь, с ним всё в порядке, — сказал он.

— Но почему он нам не позвонил? — спросила Ольга.

— Когда он мог говорить, вы, милые дамы, были уже в пути.

— Мы можем встретить Новый год и втроем, — произнес родственник Вацлава.

Сообщение о травме Вацлава нас расстроило, но не было другого выхода, как оставаться и встречать Новый год с его родственником.

— Вацлав говорил, что у него гостит пожилой родственник, а вы не стары, как я могу судить, — брякнула я ни с того ни с сего.

Ян рассмеялся и произнес сквозь смех.

— Вацлав любит шутить, а впрочем, я неплохо сохранился.

Соблюдая этикет, Ян усадил нас за стол. И, не дожидаясь появления слуг, сам открыл бутылку с вином и разлил по бокалам.

— За наше знакомство, прекрасные создания! — произнес он тост.

Соприкоснувшись, бокалы издали мелодию, которая разлетелась по комнатам. Вино оказалось прекрасной выдержки, изготовленное более ста лет назад. И Ян так увлеченно рассказывал о том, как готовилось это вино, что создавалось впечатление, что он сам присутствовал при этом. На время мы забыли даже о Вацлаве. Голод взял свое. Нам с Ольгой удалось только позавтракать и весь день, проведенный в дороге, не преминул сказаться. Раковый суп был уничтожен в одно мгновение. Ян, как радушный хозяин, подкладывал жаркое, не забывая потчевать вином, которое подливал в наши бокалы. Одним словом, к полуночи мы были ещё не пьяны, но и не трезвы. Беззаботное веселое состояние охватило нас. Все проблемы ушли. Просто хотелось сидеть за столом и ни о чем серьезном не думать. Ян тем временем, откупорив шампанское, разлил его по бокалам — и произнес: «С Новым Годом!».

И в это мгновенье часы пробили полночь.

— С новым счастьем! — сказала Ольга, когда наши бокалы встретились и сыграли затейливую мелодию.

— С новой жизнью! — ответила я.

И тут Ян произнес: — А ведь в моей власти сделать так, чтобы в вашей жизни было и счастье и новая жизнь.

Мы с Ольгой переглянулись.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Ольга, пристально смотря на него.

— Пани, я хочу вам сделать предложение. Одна из вас может стать моей женой.

Мы рассмеялись.

— Неплохая шутка! — ответила я, кусая спелую ягоду клубники.

— Я не шучу! — ответил он, и радушие мгновенно исчезло с его лица. — Вот уже триста лет я не имею привычки шутить, — договорил он и растворился в воздухе.

Хмель из нас мгновенно улетучился. Голос Яна где — то под потолком продолжал.

— Если одна из вас станет моей женой, то будет владеть не только замком, но и всеми деньгами, не считая драгоценностей.

Мы с Ольгой бросились к двери. Она перед нами захлопнулась.

— Я не кончил, — произнес Ян, материализовавшись в одном из кресел, стоящих у камина.

— Кто вы? — спросила я, хотя мой вопрос и был нелеп, но это лучше, чем молчание.

— Я — привидение и Вацлав вам не солгал. Я его старый родственник. Раз в сто лет я выбираю себе жену, — ответил он.

— А куда вы девае старых жен? Вы что, — Синяя Борода? — спросила Ольга.

Ян рассмеялся.

— Нет. Что вы. Я их просто отпускаю, и они могут жить дальше, имея при этом от меня хорошее состояние за причиненные неудобства, — произнес мужчина.

— Ольга, пошли. Это просто бред сумасшедшего, — произнесла я, но в голосе не было уверенности.

Дверь не поддавалась. Неведомая сила держала её.

— Перестаньте верещать, как кошки! — крикнул он. — Отсюда выйдет только одна женщина! В противном случае вынесут два трупа!

— А где Вацлав? Он знает о ваших делишках? — воскликнула Ольга, запуская в Яна вазой.

Ваза, не долетев полметра до него, зависла в воздухе и немного повисев, рухнула на пол.

— Конечно, знает! Из века в век этот уговор передается из поколения в поколение и находится тот, кто выполняет мою волю.

— А почему вы не возьмете понравившуюся девушку силой? — спросила я.

— Только пришедшая добровольно ко мне может вернуться назад, — ответил он с явным раздражением.

— А зачем вам обязательно нужно, чтобы она вернулась? — спросили мы с подругой одновременно.

— Помилуйте, она может мне смертельно надоесть, и тогда куда прикажете её девать? — Яна злило наше непонимание. — У меня здесь масса развлечений. Вам не будет скучно, — произнес призрак, наливая себе вина.

— Каких именно? Неудобно назвать? — спросила Ольга.

— Мы могли бы летать в гости к моим друзьям, — ответил Ян.

— Таким же привидениям, как и сами? — спросила я.

— И к привидениям, и к людям. У меня много друзей в разных уголках планеты. Вы только представьте на миг, что сюда вы входили ни с чем, а одна из вас выйдет с состоянием, — продолжал Ян петь свою елейную песню. И достав свиток, протянул нам.

Это оказался контракт. Я демонстративно подожгла его о пламя горящей свечи в канделябре, стоящим на столе. Огонь с радостью пожирал бумагу. Боль обожгла мои пальцы. Значит это не сон, не бред и выхода у нас нет. Точнее, у меня.

Ольга, сидя в углу, тихо плакала. И, видимо, Ян давно не брал её в расчет. Тем временем он достал другую бумагу и протянул вновь мне.

— Ладно. Выхода всё равно нет. Только у меня есть условие, — произнесла я и удивилась, как охрип мой голос.

— Какое? — спросил он.

— Через десять лет Ольга должна будет приехать и провести меня, — сказала я.

— Согласен, — произнес он, подавая мне ручку.

— Оля, ты хоть слышишь, о чем я тебя прошу? — спросила я подругу, которая моментально перестала плакать и, встав с пола, подошла ко мне.

— Да, Ирочка, я приеду. Даю слово, — произнесла она, явно боясь, что я передумаю.

Поцеловав Ольгу, я подмахнула бумагу.

Ян протянул нам бокалы, в которых кроваво — красное вино переливалось на свету. Соединившись, бокалы издали грустную мелодию, которая казалось, зависла под потолком.

И вот таким образом я стала привидением. По ночам мне поначалу было непривычно пролетать сквозь стены, или, садясь в кресло,

не рассчитав силы, оказаться на полу. Но со временем привыкаешь ко всему. И полеты ночью над замком мне стали даже нравиться.

Ян, конечно, оказался хорошим пройдохой. На украшения можно было любоваться сколько угодно твоей душе, а вот надеть невозможно, то же самое и с вином. Можно было купаться в бочках и не пьянеть. Но самое плохое меня ждало впереди. У Вацлава в замке был телевизор, да и газеты он выписывал, и таким образом я всегда знала о том, что происходит в мире. И вот так незаметно Ольга в течение пяти лет стала известным прозаиком, а самое досадное во всем этом было то, что прославилась она с помощью моих произведений. Добраться до архива было не так уж трудно. А изворотливостью своей она прославилась ещё в институте. Единственное, чего мне так хотелось, чтобы правда восторжествовала, и вырваться с этой каторги, в которую я попала и по её вине. Вечно жалею кого-нибудь и сама в дурах остаюсь. Правда, кому нельзя позавидовать, так это Яну. Его жизнь превратилась просто в ад. Закатывая скандалы с поводом и без повода, я добила того, что он, едва заслышав мое приближение, тут же прячется в дальней башне замка. Прекрасно зная, что я боюсь, мышей и туда не сунусь. Так и проходят дни. Вот осталось всего два дня до приезда Ольги. А я ещё не придумала, каким способом провести её и заставить остаться на моем месте.

Мое тело, лежащее в фамильном склепе, явно не годилось и, увы, никакое хирургическое вмешательство не могло сотворить чудо. Да и что сделать можно с костями, даже столь совершенными, как мои?

— Янушка, — позвала я муженька, как можно ласковее.

Портьера слегка шевельнулась.

— Не бойся, милый, я сегодня добрая, — проворковала я как можно нежнее.

Ян выплыл из-за портьеры и, сев на люстру, вопросительно посмотрел на меня. За несколько лет я практически отучила его разговаривать.

— Ян, когда приедет Ольга, очаруй её, вешай ей любую лапшу о чудесной жизни здесь. Мне очень нужно её тело, а ты, я думаю, не прочь приобрести новую супругу, — сказала я.

В глазах Яна промелькнула радость.

— Я сделаю всё, что ты хочешь. Мы не созданы друг для друга, дорогая, — произнес он.

— Вот и славно! — ответила я, — Кстати, я возьму драгоценности с собой, ты ведь не против?

— Бери, что хочешь, дорогая. Всё твое, мне ничего не жалко, — поспешно сказал Ян, и улетел, явно довольный сделкой.

Ольга за десять лет почти не изменилась. И когда я её увидела, зависть невольно начала грызть меня. В канун Нового года я, наконец-то смогла материализоваться. И, не теряя ни минуты, стала приводить себя в порядок. Надев светло-сиреневое платье, я стала казаться ещё моложе своих лет. Аметистовые серьги и изящное кольцо создавали иллюзию тонкой шеи. Когда я вошла в гостиную, Ольга была уже там.

— Ирка! Ты не изменилась! — воскликнула она, повиснув на моей шее.

— Ты тоже, дорогая, — ответила я, целуя подругу.

— Ну, садись, поболтаем, — предложила я, усаживая её в кресло. — Как живешь? Как дома? Семья? Дети? — засыпала ее вопросами.

— С этим не сложилось. А вот карьерой грех жаловаться, — произнесла она.

— На чужих произведениях, — парировала я.

Ольга побледнела, взгляд её уперся в орнамент ковра.

— Понимаешь, тебя не стало.... Я не хотела, но вот Димка как-то, одним словом, подвез домой, — залепетала она, перепрыгивая с одного на другое.

— Не переживай, дело житейское, — произнесла я, похлопывая её по коленке, и продолжила, — Димка отдал все, что было моё, тебе. Всё естественно. Мы же подруги. Иначе ты не приехала бы ко мне в гости.

— Конечно, мы подруги. Но мне нужна твоя помощь, — пролепетала Ольга и слезы градом полились из её накрашенных глаз.

— Да что случилось? — спросила я, и сердце мое тревожно екнуло. — Может, это как-то сможет мне помочь.

— Понимаешь, все твои рукописи кончились. Издатели требуют ещё, а мои не признают, стиль не твой. Мне нужна твоя помощь. Через неделю я должна сдать книгу, а что я сдам? Твоего уже ничего не осталось, — плакала Ольга, размазывая слезы по лицу.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помогла? — с деланным равнодушием спросила я.

— Да, но захочешь ли ты после того, что я сделала, — шмыгнув носом, пролепетала Ольга.

— Ой, ну о чем разговор? Ведь это ты помогла мне, дав моим произведениям жизнь. Это я тебя должна благодарить, — и горячо обняв подругу, расцеловала её в обе щеки.

— Это правда?! — воскликнула она, и надежда вспыхнула в её глазах.

— До сорока лет дожила, а в сказки верит, — подумала я, а вслух произнесла, — Но ведь у меня нет тела, а эта твердая на взгляд субстанция исчезнет, как только наступит Новый год.

— У меня есть идея, — раздался голос Яна.

Подойдя к Ольге, Ян поцеловал ей руку.

— Какая? — с надеждой в голосе спросила она.

— Вам нужно на время поменяться местами. Ирина займет твоё тело, а ты погостишь у меня, — произнес Ян.

— Нет! — испуганно воскликнула Ольга.

— А чего ты испугалась? Ирина напишет роман, отдаст тебе, а ты пока узнаешь жизнь привидений. Слетаем в гости, попутешествуем, — продолжал атаку Ян.

— А вдруг она не захочет вернуться? — спросила Ольга.

— Это я-то не захочу вернуться? К своему Яну? — произнесла я, обняв шею супруга. — От таких мужчин не уходят, — продолжила петь я, вливая сладкий нектар в её ушки. — Мое состояние, деньги, всё это бросить ради неизвестности, которая меня ждет? Нет уж, дудки! Да и кому нужна помощь? Тебе, а не мне, — с обидой изрекла я, демонстративно надув губки.

Ольга явно колебалась, но страх взял верх.

— Хорошо, я согласна. Но ты даешь слово, что вернешься? — спросила она.

— Я даю слово вернуться, — ответила я.

Тем временем Ян, разлив вино по бокалам, протянул нам. Наши бокалы встретились, и игривая мелодия прозвучала в зале, улетающая куда-то ввысь к самому потолку.

Очнувшись я, лежа на полу. Всё тело задеревенело. Но это была радостная боль. У меня было тело. Налетев на стоящее кресло, я почувствовала жгучую боль. Господи, я даже не представляла, что боль может доставлять удовольствие. Но некогда было расслабляться.

Это когда я была привидением, Ян мог читать мои мысли, а сейчас мы поменялись местами. И нужно было делать ноги. Набросив шубку и достав фамильную шкатулку с драгоценностями, я успела прикинуть, в какую сумму выльется мне несколько пластических операций, потому, что Ольга не очень берегла свою брэнную оболочку. А я теперь точно знала, что её-то нужно беречь как зеницу ока.

Высочив на улицу, я с радостью подставила морозцу свои щеки.

Я не могла ещё поверить, что всё так легко прошло. Открывая Ольгину машину, я услышала легкий шорох над головой.

— Ты вернешься? — раздался еле слышно её голосок.

— Нет, конечно. В моих руках состояние, ты мне сделала имя. Прощай, подруга! — крикнула я и, нажав на газ, выехала на дорогу.

По дороге на хорошей скорости ехала машина. Дорогу сковал тонкий слой льда. На одном из поворотов водитель не вписался в поворот и машина, кувыряясь, полетела в пропасть. Мгновенье и раздался взрыв.

В вышине раздался голос Яна.

— Мои дорогие, завтрак готов, прошу к столу.

— Идиотка! У тебя тормоза не работают! — кричал один женский голос.

— Прости, подружка, но ты же обещала вернуться. Всё в порядке, — ответил ей другой женский голос.

Раздался громкий смех, удаляющийся к замку.

Юрий ФАТЕЕВ

ГОСТЬ. РАЗГОВОР О ЛЮБВИ

- Может чай ?
- Давай.
- Подлить коньячку?
- Чуть-чуть.
- Смотрел футбол?
- Нет. Я не болельщик.
- А выглядишь хорошо.
- Да ну, при моей-то жизни...
- Все мы стареем. Сколько лет-то прошло.
- Приходится мотаться по работе.
- Бери печенье.
- Ладно, спасибо.
- Рюмашку будешь?
- Буду.
- Будем здоровы!
- Будем!

Я его узнал сразу. У меня память хорошая на лица. Ехали в одном вагоне метро. Я спросил — ты ли это? Напомнил своё имя. А потом пригласил к себе. Очень интересно мне вспоминать школьные и студенческие годы. Всё-таки лет тридцать прошло.

— А как с личной жизнью?

Он встал, прошёлся по комнате, подошёл к окну.

— Да, с личной жизнью — вздохнул, — есть сын, внучка. Но это не интересно, это уже так, обыкновенно. Без любви особой. А любовь у меня была! К другой! И убита.

— Что, кто убит!

— Да любовь убита, Походя, по прихоти, а может, по расчёту. Праздник, и жизнь не мила. Между прочим, она из нашего класса. Не буду говорить кто. Мы с ней жили на одной улице, а встретились через одиннадцать лет после школы.

— Да, женщины... Ещё налить?

— Немножко. Ну, увлеклась другим, и всё, ты для неё уже не существуешь. Мы любим, а потом... Я тогда просто голову потерял от любви. Давно это всё было, а я всё думаю о ней. Я уверен, что она сто раз пожалела об этом. Вроде с одной планеты, а цивилизация другая — женская.

— Да, я тоже замечал. Любовь от Бога. Бог — это любовь!

— Любовь экзистенциальна! И Бог экзистенциален!

(Он стукнул по столу, правда не сильно.) Ты знаешь, что наша планета — эта планета модификации жизни? Но мало, что это от Бога — мы, людишки, её и себя модифицируем по-своему, ещё как, по полной программе. И всё хуже и хуже. Правда Они тоже отличились, а вернее именно из-за этого.

Он сел в кресло, помолчал, а потом начал: Вот возьмём Адама и Еву. Это надо же, Ева изменила Богу! То есть божьему промыслу. Но она и супругу своему изменила. Адаму.

— Это то, что она яблоко съела?

— Да не ела она никакого яблока. Что, она раньше их не ела? Там яблок завались, да и всех других фруктов. Он продолжал, понизив тон — она же Каина не от Адама родила.

— Да что ты? А Авеля?

— Авеля от Адама. Вот от этого всё и пошло и поехало. Авель невзлюбил Каина, а Каин убил Авеля в порыве гнева. И всё!

— Да! — вставил я. — А сейчас что? Молодёжь! Ты попробуй с ними, поговори! А о чём? Они уже по-русски не разговаривают. Ты-кают пальчиком в свои гаджеты -гаджеты, слово-то какое гадкое. Им думаешь, история интересна? Думаешь литература, искусство? Да о чём тут говорить! Будет у них цифровизация, попляшут. Ничего человеческого.

— И что мы все от этого имеем? — продолжал он.

— Ну?

— Налей ещё. Имеем мы загубленную жизнь! Понял? Послушай, я тут стихотворение написал, случайно, ко дню гитариста:

*О чём поёшь ты со своей гитарой?
О жизни, о любви прошедшей.
О летних вечерах, когда
Гулял с любимой, и
Когда от робости спирало горло
И вымолвить не мог признание.*

*О чём ты душу рвёшь своей гитарой?
О том, что жизнь прошла впустую,
Похоронив те идеалы,
Что принесла любовь когда-то.*

*И что сейчас мне остаётся?
Только струны рвать, да жилы
Вспоминая о любимой
И тоскую.*

— У-у-у-у.

— Что у-у?

— Чёрт, слезу вышиб. Ты что поэт что ли?

— Балуюсь иногда.

— Ты мне больше не читай своих стихов.

— Почему?

— Не люблю расстраиваться.

— Ладно. Выпьем за то, чтобы никогда не расстраиваться.

— Давай.

— Ты понимаешь, мы же хомо, как его, сапиенсы. Мы же от первого человека... Ты знаешь, первый человек, а вернее два человека — брат и сестра — тоже были сапиенсы. И произошли они от лемурув. Мутация, понял? От этих двоих произошло всё человечество. И было это почти миллион лет назад. Конечно был переходный вид. А они думают...

— Кто они?

— Кто? Акадэмики разные с кандидатами. Они, так осторожно, мол, не обезьяна, а какой-то общий предок. Лемур — это и есть наш общий предок — человека и человекообразной обезьяны. От наиболее развитых родителей произошли мутации и родились настоящие люди — брат и сестра. А от наиболее отсталой и не развитой пары произошли обезьяны — приматы. И это случилось в одном племени и в одно время.

— А где? Где это было? В Африке?

— К западу от Индии немного. Так-то вот! Но самое отвратительное случилось, а вернее, случалось позже. Многие их потомки подались к обезьянам. И я думаю (шёпотом) — это были женщины. Понял? Вот и пошли после этого разные там хомо не сапиенсы. Цветные расы появились много позже, тоже мутация.

— Нет, надо выпить.

— Давай. Шас-то что от нас хотят? Мы что ль виноваты? Модификация... Но мы стараемся, стараемся.

— Слушай, а откуда ты это всё знаешь?

— Да, Господи, Ты Боже мой! Это же давно известно. Вот почему ты этого не знаешь? Почему? И большинство людей ничего этого не знает. А многие и знать не хотят. Вот загадка рода человеческого! А потому что хомов разных до хрена. Найдены записи. Понял?

— А как же Адам? Он был первым человеком.

— Да что ты?! А плодитесь и размножайтесь? Где написано? Это было до Адама. Там, в Библии напутали. Писатели... Он не был пер-

вым, он вообще человеком не был. И Ева. Они были бессмертными божьими Сыном и Дочерью. Пока не случился этот Евин проступок.

Он опять встал и прошёлся, явно переживая.

— Её, конечно, уговорили. Из лучших побуждений. Чтоб родила от человека и, чтоб процесс пошёл быстрее. А она не имела право этого делать. Она должна рожать только от Адама. Это катастрофа! Адам, когда узнал, решил разделить с Евой участь наказания — поимел смертную женщину. И наказал их Бог за это. Решил их бессмертия. Так вот! Адам взял и изменил Богу как Ева. И это всё по науськиванию дьявола, падшего «Князя Мира сего». Понял? Боже мой, Боже мой, какой несчастный наш мир! Конечно Адам простил Еву — он любил её. А Бог простил их обоих, потому что любит их. И я тоже простил свою давно.

Так вот, как таковой, человек произошёл от лемура почти миллион лет назад, а Адам жил на Земле примерно тридцать семь тысяч лет назад. Понял?

Он ходил и рассуждал жестикулируя.

— Между прочим, все светловолосые и светлоглазые и рыжие — это от Адама. А что Адам с Евой? Они стали смертными, но прожили долгую жизнь в своём втором Эдеме в Месопотамии и нарожали много детей, а их дети тоже давали многочисленное потомство. Да-а. Поэтому цивилизации, великие, которые нам известны, все возникли благодаря потомкам Адама — от Шумер и Египта до нашей, европейской. Правда, цивилизации приходили в упадок и исчезали от того, что адамиты смешивались с окружающими племенами хомо сапиенсов и потомки их просто глупели. Они и должны были смешиваться, ведь их же задача была усовершенствовать земные расы. Только всему своё время. Это и получилось частично. Они повысили интеллект людей, способность к искусству и юмору, но главное — главное улучшили духовную восприимчивость. Адам и Ева, адамическая пара, должны были жить на Земле всё время, пока жива планета и быть, к тому же, правителями или соправителями нашего мира, к стати как и в других мирах. Но даже малая капля их крови сильно помогла земным расам стать более цивилизованными. К сожалению сказывается на людях их животное происхождение — войны, драки, убийства, воров-

ство и много чего ещё. Нет, воровство — это всё-таки чисто человеческое. Адамы посылаются во все миры в определённый момент как биологические совершенствователи. На Земле обязательно появятся второй Адам с Евой. Вот посмотришь! Это божественная программа развития. Иначе мы полностью деградируем. И пропадём.

Э-э, да я тебе целую лекцию прочитал. Я вижу ты удивлён? Может тебе это всё не интересно, а я раскудахтался. Мы, археологи, много чего знаем.

Я поймал себя на том, что слушаю разинув рот.

— Нет, нет, ужасно интересно.

Чёрт, какой он умный! И талантливый — стихи пишет. А был-то троечник в школе. Рыженький такой, стеснительный... Это я был отличником, ну почти. А щас...

Он что-то засмотрелся в окно.

— Смотри-ка, ещё не стемнело, а луна уже взошла. Кстати о луне — ты извини, но я прочитаю ещё одно маленькое стихотворение. Оно не очень грустное:

*Вор пришёл в мой сад!
Вор пришёл в мой дом!
Я беру флейту и сажусь на пороге
Играть мелодию летнего вечера.
Вор, скрываясь, уносится прочь.
Всходит луна!*

— Ну, это совсем другое дело. Это красиво. Луна и вор — это романтично.

Луна для влюблённых ещё и всё такое, оригинально. Ты представляешь, на луне, я слышал, свой народ живёт, а они делают вид, что...

Он поник головой, сидел в своих мыслях, потом опять прошёлся по комнате, шатаясь.

— Что-то я расклеился.

— Ты закуси, закуси. Вот бутерброд. Я о тебе жене расскажу, она на даче сейчас.

— Да-да, спасибо. Пожалуй, пойду.

— Посиди ещё немного, отдохни.
— Нет, мне пора идти, внуку спать уложить надо.
— Какую внуку, ты же еле на ногах стоишь?
— Ничего, она привыкла. Внука моя замечательная, она моя надежда. Она меня любит! — раздался его голос уже за дверью. — Она меня любит!

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

СЛОВО СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Сборник рассказов

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 25.08.26. Формат 60х90¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 14,0.

ISBN 978-5-907919-82-2

9 785907 919822 >